ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№13 МАРТ 1990

БЕРЕГИТЕ ВАШИ ЛИЦА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 13 (3271)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

24 — 31 марта

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Урок гражданской обороны в школе. (См. в номере материал «Военные игры».)

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Оформление А. А. КОВАЛЕВА
при участии О. И. КОЗАК

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 02.03.90. Подписано к печати 20.03.90. А 09422. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 1990. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

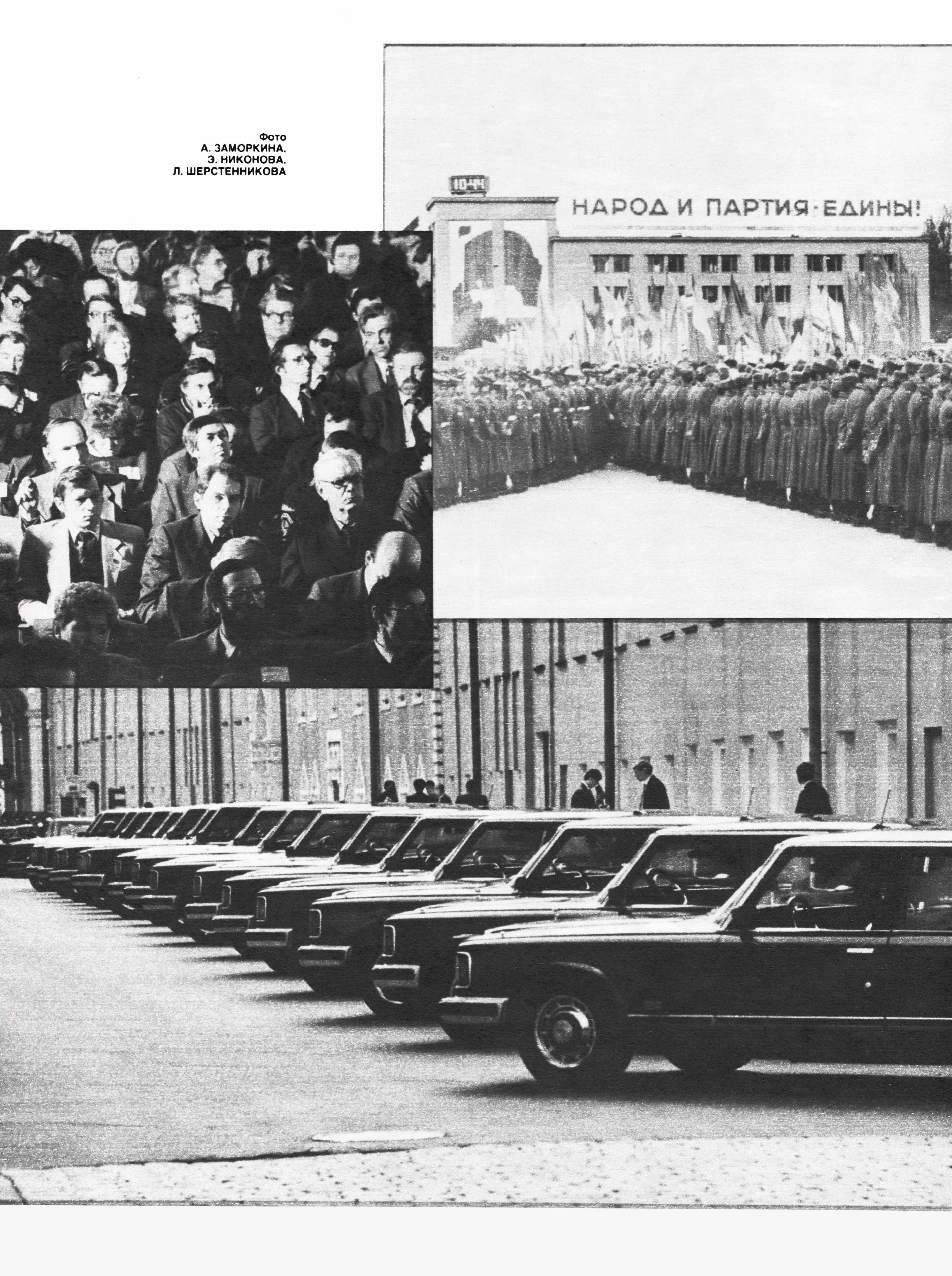

КЛЯТВА ПРЕЗИДЕНТА

**Торжественно клянусь
верно служить
народам нашей страны,
строго следовать
Конституции СССР,
гарантировать права
и свободы граждан,
добросовестно выполнять
возложенные на меня
высокие обязанности
Президента СССР.**

Фото
Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА
и А. ГОСТЕВА

Фото
А. ЗАМОРКИНА,
Э. НИКОНОВА,
Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ИЗ ПЛЕНА МИСТИФИКАЦИЙ

Существует мнение: Горбачеву в его прогрессивных устремлениях противостоит гигантский консервативный партаппарат, и прежде всего — аппарат ЦК КПСС.

Именно в этом первопричина стремительной утраты партией авторитета или в чем-то ином? Какой ей надо быть сегодня и завтра, чтобы действительно служить интересам народа?

Об этом в беседе с корреспондентом «Огонька» Александром ЩЕРБАКОВЫМ размышляет политолог Георгий ХАЦЕНКОВ, сфера научных интересов которого совпадает с названием подразделения Центрального Комитета, где он работает консультантом,— Отдел партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС.

— Георгий Федорович, хочу начать разговор с личных воспоминаний. Будучи — уже давно, не в «Огоньке» — секретарем первичной организации, я довольно часто приходил в райком партии. И десятки раз получал и сдавал под расписку бумаги с грифами «секретно» и «совершенно секретно». Почти всегда эти обозначения и какая-то сверхдержавная важность процедуры приходили в комическое столкновение с, прямо скажем, обыденностью, а то и мелкостью содержания документов. Сей неожиданный веселый эффект не раз скрашивал в то застойное время непременные ежемесячные собрания нашей партячейки. А параллельно, как бы под прикрытием такой бутафории, из райкомовских кабинетов шли — и все знали об этом — команды в райисполком, руководству предприятий и органов управления и т. д., действительно решавшие судьбу важных дел, а то и людей: о распределении ресурсов, жилья, благ, о том, как надлежит поступать в различных конкретных ситуациях и вообще как жить. Команды действенные, но и как бы не существовавшие, не зафиксированные, неуловимые для не посвященных в таинство...

— Эта особенность — лишь одна из мистификаций, присущих нашей жизни,— невидимость истинной власти. По Конституции вся власть принадлежит Советам. А партия сама как бы и не властвует. Но она **распределяет** власть. И как конечная инстанция стоит над обществом. Это уникальное явление, подобного которому до нас не было в мировой практике.

— Да, о том, что наша партия — единственная и ни на что не похожая, нам всем постоянно повторяли еще с начальных классов. И тем не менее уже взрослыми, потешаясь над ритуальной бутафорией и испытывая невольное благоговение перед неограниченной невидимой властью, мы как-то не очень связывали или совсем не связывали эти явления с тем, что неоднократно «проходили» в школе, в вузе,— с первым Уставом партии, определившим ее характер на десятилетия вперед, с Уставом, разделившим бывшую социал-демократию России на большевиков и меньшевиков. С Уставом подпольщиков и неукротимых воителей, предопределившим — так вышло — надолго, на очень долго не только их образ действий, но и судьбу единственной в своем роде страны с огромным народом. Если бы кто мог это представить в том далеком июле 1903-го, поверить в это, даже зная о собравшихся в Брюсселе 43 энтузиастах-«эсдеках»...

«...Будущие большевики,— писала Большая Советская Энциклопедия, выходившая под редакцией Н. Бухарина, В. Куйбышева, В. Молотова, Г. Кржижановского, К. Радека и других,— высказывались за строгую централизацию и дисциплину, т. е. за широчайшие полномочия ЦК, с одной стороны, и за беспрекословное подчинение ему местных организаций — с другой, между тем как будущие меньшевики высказывались за то, чтобы ЦК мог «влиять на местную деятельность только с согласия местных комитетов» ...» И если по первому пункту устава — о членстве в партии — будущие меньшевики на 2-м съезде РСДРП оказались в большинстве, то пункт 6-й (после того как — помните? — бундовцы и «рабочедельцы» покинули съезд) прошел в формулировке Ленина — пункт, «устанавливавший строго централизованный тип партии и подчинявший комитеты и др. учреждения партии безусловной власти ЦК».

С тех пор «принцип демократического централизма» в партии благополучно дожил до наших дней, а вытекающая из него безусловная власть ЦК после 1917 года распространилась на все без исключения учреждения государства и общества, на все население державы. А скрытность существования, естественная для партии, выбравшей подпольный способ действий, в условиях ее властвования преобразилась в культ гипертрофированной секретности, бесчисленных мандатов и пропусков, вооруженных стражей при дверях партийных комитетов, заговорщицкой анонимности и нефиксированности реальных решений (вспомним хотя бы такие импульсы «коллективного разума», как развязывание афганской войны и использование подразделений Советской Армии в Тбилиси).

— Конечно, сейчас из нашего далека проще анализировать, что же произошло. Но история не терпит сослагательного наклонения. Мы ее сегодня не можем переделать, а можем только извлечь из нее уроки применительно к нынешнему дню.

Надо прямо сказать, что сегодня первичные организации, рядовые члены партии отчуждены от выработки политики.

— То есть налицо властвование меньшинства?

— Я бы сказал резче — партократии. КПСС, провозглашая себя партией рабочего класса, присвоила себе право управления от его имени. Но главное, она и сама не управляет. Управляет верхний ее слой — от имени партии. Для этого создана административно-государственная система, все поры которой пронизаны партийными структурами. В этом смысле партия — становой хребет административной системы. Если кто-то говорит, что эта система существовала сама по себе, а партия — отдельно, то это неправда. После завоевания власти вооруженным путем партия сразу же начала непосредственное управление страной, государством. Оно, государство, и все общественные организации стали ее «приводными ремнями». Ленин не видел ничего предосудительного в совмещении партийного и государственного строительства. И происходило сращение партийного и государственного. Партия стала **государственной,** полностью **огосударствленной.**

Но вот что удивительно: она в то же самое время оказалась и как бы в стороне.

— Вот именно. Ее аппарат всего более раздражал и раздражает не столько всевластием и не столько даже своей некомпетентностью, сколько полной безответственностью. Один мой знакомый много лет предлагает всем заключить пари на огромные суммы, утверждая, что невозможно найти ни одной официальной бумаги по конкретному вопросу, подписанной работником ЦК КПСС.

— Да, вы, например, обратившись в ЦК как коммунист, не получите оттуда ответа по существу. Руководящие партийные органы, их аппарат встали над обществом и над государством, над советскими законами, не неся перед ними никакой ответственности. Скажем, безрассудная борьба с «нетрудовыми доходами», вылившаяся в крушение теплиц, ловлю бабу-

шек, торгующих пучком укропа или редиса... А бездумная антиалкогольная борьба, основательно разбалансировавшая финансовое обращение в стране, и другое подобное. Инициаторов этих кампаний, так сказать, их героев, включая секретарей ЦК и членов Политбюро, мы знаем. Кто из них понес хоть малейшую ответственность за нанесенный государству и гражданам как материальный, так и моральный ущерб?.. Важно понять, что сами такого рода постановления ЦК антиконституционны, незаконны.

И вот создается проект нового Устава КПСС. Мне довелось принимать активное участие в его разработке. На первый взгляд он вроде бы не похож на прежний. Но по своей сути, если вглядеться, все то же самое. За многими словесами не обозначено никаких реальных механизмов перемен. Остается все тот же тип партии, который был заложен с самого ее начала. Остаются в неприкосновенности структуры иерархии. Сколько бы мы ни говорили о полновластии партийных масс, но если остается прежняя иерархия, чинопочитание — а иерархия всегда порождает чинопочитание,— партийная демократия есть пустой звук.

Нет, конечно, в проекте по сравнению с нынешним Уставом есть сдвиги в сторону демократизации, но это только полшага, которые не могут сегодня удовлетворить коммунистов.

Сейчас часто повторяют, что надо вернуться к ленинскому типу партии. А я хочу сказать словами древнего философа: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. А во-вторых, зачем представлять дело так, будто в ленинской партии царили демократия, полновластие партийных масс? Это еще одна мистификация, самый настоящий обман. И опасный обман. К сожалению, у партии большевиков никогда не было демократического опыта. До семнадцатого года она все время была на нелегальном или полулегальном положении. Исключение — только небольшой отрезок ее истории после февраля, когда она взаимодействовала с другими общественными силами, но к тому времени в ней не было заложено демократических институтов, которые могли бы дать ростки. А потом, начав управлять, вступив в гражданскую войну, партия стала милитаризованной, что зафиксировано во множестве ее документов. С тех пор ее основные звенья, структура и система подчиненности не претерпели сколь-нибудь существенных изменений, сохранив черты полувоенной организации. Как же можно говорить, что требуется ренессанс именно такой партии?! Неужели именно она поможет нам в сегодняшних условиях? Если бы в свое время был осуществлен лозунг «Вся власть Советам!», не было бы у нас тоталитаризма, сталинщины, не было бы всенародных трагедий, мы были бы сегодня процветающей страной.

Проще всего свалить всю вину на Сталина. Если бы у партии были демократические основы, в ней не пришел бы к руководству Сталин. Сталин — это логическое развитие партии, не сумевшей перестроиться после завоевания власти и гражданской войны на демократический лад.

— И так и не ставшей политической партией по своей сути.

— Да, так и не ставшей. В самой природе партии такого типа заключен вождизм. Сталин только все довел до трагифарса, наиболее полно обнажив суть. Но то же самое произошло и в других компартиях, воспринявших генотип нашей. История доказала тупиковость этого типа. Он не оправдал себя. Такие партии не смогли создать ни надежных основ демократии, ни впитать ее в себя.

— А проект нового Устава, на ваш взгляд, как раз и консервирует этот тип партии?

— Именно. В ее структуре предусматривается сохранение прежней иерархии. Сохраняется территориально-производственный принцип.

— Если мы предвидим многопартийность, то как действительно представить себе 3—4 парткома на заводе или 3—4 партбюро в нашей редакции? Смешно?

— Это не смешно. Многие из тех, кто сочинял этот Устав и сейчас ратует за него, твердо надеются на то, что именно эта партия останется навечно монополистом власти и партком все равно будет один.

В партии сегодня есть несколько течений. Одно из них — воинствующие консерваторы неосталинского толка, которые обвиняют реформаторов в том, что те предают социализм. Так вот, удивительно, но с ними стыкуются и некоторые реформаторы, которые за демократию, которые искренне озабочены судьбой партии. Вот, скажем, первый секретарь Горьковского обкома партии Геннадий Ходырев пишет в газете: сегодня «мешают старый устав, масса никчемных уже инструкций... Но это путы отмирающие». В чем особенность его позиции? В том, чтобы через привнесение демократии придать этой партии второе дыхание. Чтобы она стала еще большим монополистом.

Большое число партийных аппаратчиков понимает перестройку как призыв работать как можно больше. «Если надо,— один мне говорил,— я буду работать по 14, по 16 часов в сутки. Мы всех зажмем, мы все сделаем, мы будем, как раньше большевики работали...» А другой говорит: «Наша трагедия в том, что мы не бываем на местах, надо выходить из кабинета, работать в гуще». Но что ты можешь сказать народу, когда результаты твоей работы — вот они, кругом? Ну, что ты будешь людям объяснять? Байки рассказывать о светлом будущем? Никто их не хочет сегодня слушать, ими сыты по горло. По моим наблюдениям вот такое непонимание задач перестройки в массе аппарата доминирует.

Смыкание консерваторов и такого рода реформаторов опасно, потому что их стремления сводятся к приданию новой силы старой порочной организации вместо толкового использования опыта других, цивилизованных стран, в частности опыта социал-демократии. Пора начать руководствоваться здравым смыслом, а не поклоняться богам догматики. Партия не двинется, на мой взгляд, вперед, если мы не начнем критически разбирать ленинское наследие, марксово наследие. Это большая задача для наших ученых.

— Георгий Федорович, для продолжения нашего разговора мне хотелось бы условиться о некоторых ключевых, что ли, терминах. Вот мы то и дело говорим «партия». Это слово на уровне бытового каждодневного сознания (а это и есть реальное сознание десятков, сотен миллионов людей) мало для кого означает некую общность в 20 миллионов человек. Реальность эту еще когда уловил и четко выразил поэт:

«...мы говорим
партия,
подразумеваем —
Ленин».

Ну, а в наши дни — Горбачев (такое понимание нашло блестящее выражение в формуле «Партия начала перестройку»). Но не только Горбачев. Еще: ЦК КПСС — понятие достаточно туманное, но об этом, думаю, мы позднее поговорим; еще — обком, горком, райком в лице их секретарей и нанятых служащих. Вот, пожалуй, и все. Первичная организация воспринимается уже как нечто иное — принадлежность производства, работы, наряду, скажем, с дирекцией, отделом кадров, профкомом и т. д. Поэтому, к примеру, громогласный призыв «Долой руководящую роль КПСС!» подавляющее большинство членов партии никоим образом не соотносит с собой, со своей ролью в жизни, более того, по моим наблюдениям многие большевики (питаю слабость к этому ретрослову, более точно обрисовывающему нашу сущность, нежели «коммунисты» — понятие расплывчатое и темное), так вот, многие большевики с энтузиазмом присоединяются к этому призыву, сами провозглашают его.

Я не исключаю, что в будущем слово «партия» в восприятии населения наполнится каким-то другим смыслом, но сегодня, дабы наш разговор не превратился для многих в оторванное от жизни теоретизирование, хотел бы под ним подразумевать именно это, массово распространенное содержание. А в свете такого понимания адресовать нам с вами, имея в виду перестройку партии, вопрос, вычитанный в «Правде»: что во что перестраивать? Собственно, на вопрос «что» вы уже довольно обстоятельно ответили. А вот во что?

— В партию, которая получила бы наконец цивилизованный вид, которая была бы естественной составной частью общества, служащей этому обществу, помогающей ему наладить нормальную человеческую жизнь.

Сегодня общество развивается быстрее, чем партия, оно ломает административную, командную, сталинскую систему, принесшую нашему народу неимоверные страдания. Партия же потому и опаздывает, что сама является хребтом этой административной системы и ее движущей силой. Это удивительная штука: партии необходимо ломать себя самое.

— Что конкретно надо для этого делать?

— Сейчас скажу. Но сначала обращу внимание на то, что есть и быстро обостряется противоречие между массами коммунистов и теми, кто состоит в партийной иерархии,— я бы так их и назвал: иерархи. Так вот, иерархи закостенели, задубели, замшели от бесконтрольной власти.

Куда двигаться? Во что перестраивать? Единственный, считаю, путь сегодня — это переход к партии парламентского типа. Да и другого не дано — такой переход диктуется учреждением в нашей стране президентства. Одной из наиболее важных функций Президента и создаваемых при нем органов будет консолидация политических течений и общественных движений. Демократизм президентской власти предполагает диалог и сотрудничество с представителями различных направлений общественной мысли, их участие в разработке тех или иных президентских инициатив и программ. Об этом четко сказано в речи первого Президента СССР на внеочередном, третьем Съезде народных депутатов СССР. Там так же четко сказано и о партии: «Отныне КПСС действует наравне с другими политическими организациями, будет участвовать в выборах, добиваться демократическими методами права на формирование союзного и республиканских правительств, органов власти на местах».

В этом видится единственная возможность завоевания партией своего места в гражданском обществе. И тогда без всяких заклинаний она приобретет нормальный демократический характер, без огромного аппарата, который как ни сокращай, а он снова восстанавливается, как раковая опухоль.

— А если, предположим, каким-то образом весь прежний аппарат уйдет с арены, а его заменят новые люди, можно ли надеяться, что они будут действовать по-новому?

— Нет. Не в людях дело как таковых. Дело в системе, в структурах. Они вынуждены будут подчиняться этим структурам, бытие будет определять их сознание и действия. Вот конкретные на этот счет мои наблюдения, связанные с людьми демократических воззрений, которые пришли в старый аппарат. Придя туда, они попробовали привнести в работу новые методы. И не смогли этого сделать. Потому что сами структуры аппарата не готовы были воспринять новации. На такого смотрели как на человека не от мира сего и говорили, к примеру: «Слаб наш первый, ох, слаб!», принимая его демократизм за бессильность, поскольку вся структура прежней партии рассчитана на вождизм. Мы ведь даже секретаря «первички» называем не иначе как «вожак», будто речь идет о племени или о стае. Да и вообще весь наш лексикон партийного обихода — это «борьба», «поднять на штурм», «единым фронтом»...

— Да, далековато от парламентаризма. Так что же все-таки надо менять в структурах, чтобы создать партию парламентского типа?

— Прежде всего надо отказаться от иерархического ее построения. Начать поэтапный переход на территориальную структуру. Нужно порвать связь с административным делением. Конечно, вывести сейчас сразу партийные организации с производства нельзя, это может привести к анархии. Но начать процесс необходимо. Многолетний опыт показал: усиление партийного руководства производством по меньшей мере ничего не дало. Как проводился в жизнь тезис: усилить партийное влияние? Старались везде расставить свои кадры: мастер должен быть коммунистом, бригадир — коммунистом, специалист — коммунистом. Все сводилось к чисто количественным показателям. В результате мы имеем такую экономику, какую имеем.

И одним из первых шагов перестройки партии видится вывод с производства представителя аппарата в лице «освобожденного» секретаря.

Считаю, должны быть очень немногочисленные партийные комитеты (повторюсь — не привязанные к административному делению, иначе сразу снова все перепутается в один узел с органами государственной власти). Основные их функции — организация кампании партии на выборах, вынесение проектов в порядке инициативы партии, отстаивание интересов людей. Главное — переход к настоящей общественной работе в этих выборных органах, которую будут вести активисты по зову сердца, по убеждениям, как, собственно, это сейчас уже и происходит во многих общественных самодеятельных организациях. И лишь несколько человек — так называемых освобожденных работников, получающих за партийное дело деньги.

— Этот принцип должен распространиться и вверх?

— Обязательно. И тогда, естественно,— никаких привилегий, ни машин, ни особых квартир, ничего прочего. Это будут люди идейные, настоящие.

— Георгий Федорович, нам с вами не уйти вот от какого вопроса. Вы человек с определенным образом мыслей, который ясно проявился в нашей беседе. И вы принимали участие в разработке проекта нового Устава. Тем не менее в этом проекте нет и в помине проповедуемых вами идей. Как же так?

— И в Центральном Комитете принцип иерархии торжествует. Я представитель тех, скажем так, низовых звеньев, которые начинают работу с чистого листа. Заполненный нами, он попадает к руководству и дальше идет по этапам. И каждый раз препарируется очередным руководителем, действующим по мере своих воззрений и представлений. Есть такое любимое у бюрократов понятие — коллективность работы. И здесь еще одна — аппаратная — мистификация: появляются документы, а кто их авторы — никому не узнать. Они анонимны. На каких ступеньках что вычеркивалось и что вписывалось в данном случае, мне неизвестно. И вот документ приходит в конечном виде обезличенным. Если бы под ним ставились фамилии авторов, я бы под ним не подписался.

— Ваши слова об анонимности документов напомнили мне нередко возникающий у наших читателей вопрос: что такое ЦК КПСС? Выходит «постановление ЦК КПСС». Или «заявление» — скажем, прошлогоднее, о положе-

нии в Прибалтике. Это не решение Пленума — Пленум не собирался. Более того, если верить прессе, многие члены Центрального Комитета ни сном ни духом не ведали о нем до его обнародования. Это и не обращение Политбюро: что оно обсуждает — сообщается отдельно. Это и не собрание комиссий... Тогда что? Или кто? Кто-то из аппарата? Но не слишком ли много берут на себя никому не известные анонимы?

— Хочу сказать, что и я считаю, существует опасность для партии: старый аппарат, чувствуя, что время его уходит, начинает консолидироваться. Он хочет, чтобы XXVIII съезд оказался его съездом. чтобы он прошел по их, старых аппаратчиков, сценарию. Поэтому и проект нового Устава стал плодом усилий узкого круга аппаратных работников. Голос рядовых коммунистов услышан и учтен в этом варианте Устава лишь постольку-поскольку.

Устав и другие документы готовят те же люди, что и прежде. Только тогда они создавали нормы партийной жизни застойного периода, а сегодня — перестроечного. Одному человеку идет восьмой десяток — он хочет обновить партию, второй — с теми же намерениями — приближается к семидесяти...

Но даже не в возрасте дело. Есть пожилые — они всем сердцем за демократическую перестройку партии, есть и молодые — неисправимые ретрограды. причем наиболее воинствующие. Особую опасность в аппарате представляют те, кто в совершенстве овладел искусством политической мимикрии. Коль есть установка начальства на развитие демократии, они на словах за нее, но на самом-то деле эти люди остаются в душе на старых позициях, в меру своих возможностей тормозят прогрессивные преобразования в партии, надеясь на иной поворот в ее развитии.

Я был крайне удивлен, как много оказалось вокруг меня сторонников Нины Андреевой после выхода в свет ее известной статьи. Они восприняли эту публикацию как указание сверху, как руководство к действию. Хотя чему тут удивляться: сразу же после появления этой статьи в ЦК состоялось совещание, где главный редактор «Советской России» принимал поздравления.

Впрочем, «Советская Россия» вновь удостоилась похвалы от тех, кто «не поступается принципами», не ставит «под сомнение ценности». Как звучит: «Спасибо ее редактору товарищу Чикину за мужество и гражданственность». Это — из выступления первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС И. К. Полозкова на внеочередном, третьем Съезде народных депутатов СССР.

Да и ход последних Пленумов — февральского и мартовского — подтвердил: старый аппарат хочет, пробует взять реванш. Это серьезно. Тем более что для консерватизма есть база — давняя централистская традиция нашей партии, о которой мы с вами говорили. И сегодня у демократических сил партии нет более важной задачи, чем выиграть XXVIII съезд. Надо бороться за него уже сегодня, бороться за партию гуманного, демократического социализма.

— Ну вот, как я, рядовой член партии, сторонник гуманного социализма, могу бороться за это?

— Я считаю, люди, которые хотят истинного обновления партии, должны отстранить старый аппарат от подготовки съезда. Нужно создать комиссию, в которую войдут люди, пользующиеся безусловным авторитетом у коммунистов и беспартийных. Они есть, страна вся их знает. В эту комиссию, или оргкомитет, входили бы по мере избрания делегатов на съезд и эти делегаты. Им и следует принять участие в подготовке проектов всех основных документов съезда, в том числе и Устава. Только тогда мы получим настоящий документ, а не какую-то аппаратную казуистику.

А начинается работа по созданию демократической партии гуманного социализма с выборов делегатов на съезд. В опубликованном проекте комиссии ЦК «Порядок избрания делегатов на XXVIII съезд КПСС», родившемся в аппаратных недрах, таится одна большая опасность. Выборы снова отдаются в руки аппарату. Там вроде бы просматривается несколько вариантов: выборы по округам — одномандатному и многомандатному, выборы от крупных партийных организаций, где есть нормы представительства, еще вариант — выбирают по-старому, как раньше. Во-первых, это все очень запутано. Есть же простой и доступный всем вариант — одномандатные партийные округа, где открыт простор волеизъявлению рядовых коммунистов. Другие варианты могут привести к зажиму демократии. Отдать на волю партийных комитетов определение формы — это значит, по моему мнению, отказаться от демократизации процесса выборов.

И еще. Очень важно избежать запутанных выборов, поскольку они потом приведут к запутанным руководящим структурам. Неужели опыт Съезда народных депутатов нас ничему не научил? Ведь там, как ни оговаривайся, получились депутаты первого и второго сорта. И в будущем, видимо, уже вряд ли состоятся такие же выборы от общественных организаций. А тут у нас получатся делегаты партийного съезда первой, второй и так далее категорий. Одни пройдут через областную конференцию, а другие — через низы, через коммунистов рядовых.

— И вторые окажутся более авторитетными.

— Ну, конечно. Все сейчас возлагают надежды на эти выборы — и консерваторы (как бы провести своих), и демократические силы. Или выборы всколыхнут партию, прежде всего ее низовые звенья, или же вызовут разочарование и апатию партийных масс из-за козней аппарата, что как раз и требуется консерваторам. Так что выборы сейчас — ключевой момент. И я считаю, коммунистам на местах надо бороться за одномандатные партийные округа. Тогда каждый коммунист почувствует: его голос может оказаться решающим. Самое главное — тогда не пройдут партийные чинуши, которые скомпрометировали себя в глазах народа.

— Принцип демократического централизма десятилетиями превращал наши парторганизации в подобие казармы. Однако его дух, мне кажется, свято сохранен и в проекте нового Устава, в самом иерархическом принципе построения партии. Есть ли, на ваш взгляд, в природе средство избежать этого казарменного духа?

— Есть. Для того, чтобы избежать рецидивов возрождения партии неосталинского типа, нам надо создавать горизонтальные ее структуры. В новом проекте говорится о советах секретарей, партклубах, дискуссионных центрах. Но надо определеннее и четче записать именно о создании горизонтальных структур — всевозможных объединений коммунистов по интересам, по платформам, по взглядам, а также временных, направленных на решение каких-то конкретных вопросов и т. д. Не просто назвать, а наделить их правами. Это будет и система противовесов бесконтрольной власти на всех уровнях. К сожалению, предлагаемый Устав не предусматривает таких гарантий, а значит, мы опять не застрахованы от вождизма. Говорят: а сейчас председателя партии будет избирать съезд. Ну и что? Чаушеску тоже избирал съезд. Не в этом гарантии. Гарантии — в порядке, при котором власть поделена и возникают противовесы. В нашем случае — это горизонтальные структуры на всех уровнях, вплоть до ЦК КПСС.

— Как это может выглядеть в ЦК КПСС?

— Во-первых, здесь надо вести речь о совсем другом центральном аппарате, цель которого — отнюдь не выжимать из министерств лишний процент-другой валовой продукции. Внутри него вполне могут быть дискуссионный клуб или объединения коммунистов по платформам, проблемам или интересам, по решению каких-то задач, по разработке проектов.

— В связи с этой темой хотелось бы узнать: при подготовке проекта Устава как-то учитывались устремления, теоретические наработки и предложения движения «Демократическая платформа в КПСС»? Ведь к нему в последнее время подключается все больше и больше коммунистов...

— Эта платформа отражает настроения огромных масс, и их нельзя игнорировать. Скажем, вопросы свободного выхода из партии или приема в нее исключительно и только в первичной организации и другие вещи. Это в проекте учитывается, и многие положения сходятся. Но есть одно — и колоссальное — расхождение: проект в отличие от «Демократической платформы» хочет оставить старую партию, придав ей только, как мы уже говорили, второе дыхание. Проект Устава тем и слаб, что он не заглядывает в наше ближайшее будущее, и если будет принят, его очень скоро придется переделывать. Это получится как на XXVII съезде — приняли, а через два года, к партконференции, приспела пора вносить поправки в Устав. А ведь нам сегодня нужен документ, призванный определить характер и лицо партии, которая работает в условиях демократии и на деле отказалась от монополии на власть, которая будет бороться парламентским путем за право быть правящей.

Какие еще возможны противовесы, гарантирующие от разрушительного вождизма? Партийная пресса. Для этого она должна быть не в руках выборного органа, а принадлежать партийным организациям, коммунистам. И, думается, пора ей уже размежеваться с государственными органами печати. Вообще сегодня первейшая задача — размежевание с государственными и другими общественными структурами. Партии, наконец, нужно стать политической организацией. У нас ведь до сих пор не было партии в нормальном, общепринятом понимании этого слова.

— Как член партии я приветствую заявления ее руководства о том, что она будет служить интересам народа. Но вот вопрос: будет ли предусмотрен какой-то механизм оценки деятельности партии народом, ее отчеты перед ним?

— Я считаю, что должны быть заложены в программу такие вещи, как референдум и плебисцит. Так называемые всенародные обсуждения — это еще одна мистификация, кажимость. Это аппаратная хитрость, а часто — обман народа. Аппарат боится работать с народом. Коммунисты по важнейшим вопросам должны иметь возможность сказать «да» или «нет». И все можно сделать очень быстро, по партийным организациям.

— А некоммунисты?

— Их повышенный интерес к партийным делам сегодня определяется тем, что партия управляет страной. Когда власть будет на самом деле у Президента, у Съезда, парламента, у правительства, у Советов при нормальной, цивилизованной политической партии, которая будет отстаивать свою идею, вносить проекты, формировать, победив на выборах, свое правительство, тогда изменятся и характер интереса к партийным делам, и сами понятия о роли беспартийных граждан и партийных, и вся система представлений о государственной, общественной, политической жизни. Тогда уже мистификации со «всенародным обсуждением» не пройдут, да и будут не нужны. А предлагаемый новый Устав как раз и не вписывается в такую систему, в частности в представления о новой, президентской власти.

Вот почему сегодня, прямо сейчас, надо привлечь свежие силы к переработке проекта Устава, привлечь людей прогрессивных, демократических воззрений. Мы их знаем, это выдающиеся люди наших дней. Это коммунисты, и это их кровное дело.

— Кстати, бывая на общемосковских митингах, следя за различными теледебатами, я не мог не заметить, какие интересные, сильные, умные, часто молодые политики, отличные ораторы появились на небосклоне нашей общественной жизни. Знаю, многие из них члены КПСС, но практически они всегда выступают от других общественных организаций. Как, интересно, предвидя многопартийность, КПСС предполагает при таком раскладе бороться за политическую власть? Есть ли внутри нее, в частности в аппарате, готовые к этому умные, яркие, талантливые люди?

— Да, они есть. Но вся штука в том, что слой замшелой иерархии стремится их не допускать к партийному делу. И они вынуждены бороться за партию через другие направления. Эти талантливые, так называемые неформальные лидеры, уверен, все равно придут к руководству партией. Они способны вывести ее из кризиса, им доверяют большие массы коммунистов. Хочу сказать, что ведь и аппарат не монолитен. Он довольно точно отражает расклад сил в Центральном Комитете. И в нем есть немало способных, прогрессивно мыслящих людей. Не будь их — не было бы и никакой перестройки в партии. Так же как без Михаила Сергеевича не было бы перестройки вообще. Это надо реально представлять. И, кстати, очень важно, чтобы в нынешний момент он возглавлял партию. Нет более авторитетного лидера в обществе и партии, чем М. С. Горбачев, и только ему сегодня по силам возглавить решение исторической задачи реформирования КПСС.

Самое главное сейчас — консолидация людей демократических воззрений. Потому что воинствующий консерватизм, еще раз хочу сказать, прежде всего в аппарате, поднимает голову. Я бы мог привести много примеров этого, в частности и из центральной прессы, когда люди типа Нины Андреевой из старого аппарата, чувствуя, что их оголтелость воспринимается уже как анахронизм, самоотверженно бросаются на защиту «принципов» тоталитаризма. Это серьезная опасность для партии, ее демократических сил. Наши охранительские традиции — «держать и не пущать» — на их стороне. Еще ни разу не было, чтобы их носитель проиграл. Теряли всегда новаторы, им обычно откручивали головы.

— Следовательно, не конструктивно — бороться против аппарата вообще? Больше пользы, если суметь поддержать в нем прогрессивных людей.

— Конечно. И прежде всего объединиться ради того, чтобы не упустить шанс, связанный с XXVIII съездом.

— Тогда под занавес — кардинальный вопрос: а есть ли целесообразность обновлять КПСС, потерявшую авторитет, приведшую общество к кризисному состоянию?

— Сегодня партия реально находится у руководства страной. Недопонимание этого может привести к большим потерям и гражданской войне. Надо напрочь отказаться от игнорирования каких-либо политических сил, от идей силового противоборства. Нужно идти к политическому консенсусу, пересматривая всю систему отношений общественных сил. Не просто целесообразно, а необходимо обновлять КПСС. Ее не возьмешь и не выкинешь — 20 миллионов! Пусть это, как мы говорили, и не единая партия. Надо ее реформировать. Всем демократическим течениям в ней, на каких бы платформах демократии они ни стояли, необходимо приложить силы для этого. Реформирование партии, считаю,— единственный залог нормального, цивилизованного разрешения нынешней ситуации с ее конфликтами и спорами. Только так мы сможем уберечь страну от новых и опасных потрясений.

Кремация Льва Троцкого. Последний путь лидера оппозиции.

Николай ГУЛЬБИНСКИЙ

«НЕРУШИМОЕ ЕДИНСТВО»

Москва, март 1966 года. XXIII съезд КПСС. Всего 5 лет прошло после XXII съезда, казалось, окончательно развенчавшего и похоронившего «культ личности», но как все изменилось! На трибуну выходят те же ораторы, что и на предыдущем съезде, но никто уже не вспоминает сталинское прошлое, не обличает «обанкротившихся карьеристов и фракционеров» — участников «антипартийной группы» Молотова — Маленкова — Кагановича. Недавний лидер партии, мужеством и «ленинской принципиальностью» которого столь единодушно восхищались на XXII съезде, отброшен в забвение; даже имя его не упоминается в докладах. В выступлениях преобладают новые, а точнее — хорошо знакомые по «культовым» временам мотивы: партия прошла трудный, но славный путь борьбы и побед, ошибки были, но они несоизмеримы с достигнутыми успехами, любые попытки очернить историю недопустимы.

На трибуне Арвид Янович Пельше — представитель старшего поколения партийного руководства, член КПСС с 1915 года. На XXII съезде он вместе с другими «боролся с антипартийной группой». Но теперь Пельше рассказывает съезду о других эпизодах своей партийной борьбы. С гордостью говорит он, что ему, «старому солдату партии», «выпало счастье» участвовать в «разгроме врагов партии — троцкистов и всякого рода других «левых» и правых оппортунистов и фракционеров, в борьбе за единство партийных рядов, за дальнейший расцвет нашей социалистической Родины».

Делегаты аплодировали ветерану партии. Но вряд ли кто-нибудь обратил тогда на его заявление какое-то особое внимание. А ведь оно стало, по существу, программным для идеологии всех последующих двадцати лет. Слова Пельше ясно свидетельствовали: десятилетие разоблачения «культа личности» не внесло сущностных коррективов в окостенелое мышление: партия по-прежнему рассматривалась им в качестве носителя имманентно присущей ей абсолютной исторической правоты, а любая оппозиция «генеральной линии» трактовалась если и не как преступление, то, во всяком случае, как раскольническая, антипартийная, а может быть, и антисоветская деятельность.

Несколько позднее бывший секретарь Сталина Б. Бажанов выскажет парадоксальную на первый взгляд мысль: в тот день, когда будут реабилитированы Троцкий и Бухарин, коммунистическая партия перестанет быть коммунистической. Бажанов имел в виду, разумеется, не столько юридическую реабилитацию указанных лиц, сколько пересмотр отношения к существовавшим оппозициям в партии, признание самого права оппозиции на существование, не совместимого с официальной ортодоксией.

Хрущев не решился на такой пересмотр, мешало не только ожесточенное сопротивление готовых на все сталинистов внутри страны и несогласие с такой акцией руководителей некоторых западноевропейских компартий, но и собственное «сталинистское» прошлое.

Наступление неосталинизма закономерно сопровождалось стремлением восстановить в правах сталинские оценки партийной оппозиции. После падения Хрущева на читателей обрушивается лавинообразный поток «разоблачительно-научной», антиоппозиционной литературы. Возрождается и терминология сталинских лет. Новые труды по истории КПСС заполняются формулировками, буквально позаимствованными из «Краткого курса». «Классический» учебник с бессменным авторским коллективом под руководством академика Б. Н. Пономарева сообщал читателям: «...Троцкисты и зиновьевцы скатились к отрицанию необходимости защиты СССР от угрозы империалистической интервенции. Ослепленные ненавистью к партийному и советскому руководству, они дошли до того, что были готовы нанести удар в спину Советской стране в момент нападения на нее империалистов». Не отставали и авторы капитальных монографий. Некоторым из них почти удалось превзойти сталинских «теоретиков» по части озлобленной неприязни к противникам «генеральной линии».

Хрущевская «революция» закончилась, шла интенсивная подготовка «реставрации» — исторической реабилитации Сталина и сталинизма. Требовалось «научно» оправдать все действия Сталина, главным образом по отношению к побежденным политическим противникам. А заодно и показать: всякая оппозиция недопустима, более того, она заведомо обречена на неудачу.

Много сил ушло на то, чтобы представить подобный взгляд в качестве одной из «традиций большевизма». Традиция и в самом деле была, но сформировалась она далеко не в один день. До X съезда партии само слово «оппозиция» еще не несло в себе сколь-нибудь негативного оттенка. «Худого в оппозиции, мне кажется, ничего нет,— говорил на VIII съезде РКП(б) Зиновьев.— Каждый товарищ, если считает, что нужно партийный и советский корабль направить в другую сторону, может об этом заявить — это его право».

Незадолго до этого Бухарину и его сторонникам удалось создать сильнейшую оппозицию «левых коммунистов», своего рода «партию в партии», фактически со своим «Центральным Комитетом» и печатным органом. Более того, по одному из вопросов дискуссии (о заключении мира с Германией) эта группа в определенный момент смогла завоевать большинство в ЦК, и в оппозиции оказался уже сам Ленин со своими сторонниками. Удалось повлиять оппозиции и на линию партии в экономических вопросах, способствовать общему «полевению». Драматические эпизоды, связанные с деятельностью «левых коммунистов»,— отставки с руководящих постов, угроза раскола, неоднократные попытки вынести разногласия за пределы ЦК и даже всей партии — ясно свидетельствовали: решение проблемы взаимодействия большинства и оппозиции внутри партии в новых условиях будет непростой задачей.

Между тем даже в экстремальной ситуации, в которой находилась тогда Советская республика, Ленин и другие партийные руководители, по-видимому, считали подобные разногласия делом вполне естественным. Иначе чем объяснить, что Ленин не только постоянно не ставил в вину Бухарину и Троцкому их особую позицию в период брестских переговоров, но и всячески защищал их от необоснованных нападок? По-видимому, здесь сказывалась еще дореволюционная партийная традиция свободного обсуждения всех вопросов, когда самая ожесточенная борьба и самые некорректные взаимные обвинения не мешали последующей совместной работе. Даже «военный стратег и архидемократ» Сталин (по ироническому замечанию одного из деятелей будущих оппозиций) еще не пришел окончательно к своим знаменитым идеям, связанным с «монолитностью» партии и категорической недопустимостью каких-либо «уклонов».

И тем ощутимее перемены, происшедшие всего за 15 лет, отделяющих восьмой съезд партии от семнадцатого. Казалось бы, и не очень значительный срок, но для партии это целая историческая эпоха. Полностью обновилось высшее партийное руководство. Лишен всех постов, изгнан из страны и обречен на скитания по «планете без визы» «блестящий и неустрашимый трибун революции» (по характеристике Бухарина), «красный вождь Красной Армии» Троцкий. Выведен из Политбюро и сам Бухарин; некогда претендовавшие на роль «наших стальных вождей» Зиновьев и Каменев уже дважды исключались из партии.

Последний раз на партийном съезде слово предоставляется бывшим участникам оппозиции. Но уже не для дискуссии, не для защиты своих взглядов, а для «покаяния» в неисчислимых «заблуждениях», «ошибках» и «преступлениях». И они каются. Бухарину, правда, попутно удается изложить основные теоретические установки «правых» и напомнить об опасности фашизма и его «жрецов-вождей, которые проливают кровь, кровь, кровь, которые колют и режут». Но уже речь Зиновьева не содержит ничего, кроме самобичевания. Не отстает и бывший сподвижник Зиновьева Каменев, причисляющий сам себя, а уж заодно Бухарина и всех остальных к различным «волнам контрреволюции». Каменев одним из первых заговорит о «преступлениях» оппозиции, преступлениях, на которые, по его словам, «обрекает себя любая группа и любой человек, отрывающиеся от великого учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, от коллективной жизни партии, от директив ее руководящих учреждений». И каждый последующий оппозиционер, выходящий на трибуну съезда, заверяет партию и ее новых вождей не только в полнейшем раскаянии, но и в вечном отвращении к своему прошлому, своим бывшим единомышленникам и всякой оппозиционной деятельности в целом.

В партии создана новая атмосфера. С обсуждениями и спорами покончено, теперь, как это официально зафиксировано в резолюциях пленумов и съездов, сама попытка «развязать дискуссию» приравнивается к антипартийному выступлению. Хватит теоретических споров, пора браться за практические дела, настаивают делегаты. Этот мотив был характерен для победившего большинства уже на XVI партконференции. «Дайте завод на Урале, а «правых» — к черту» — так сформулировал его один из ораторов. Генеральная линия партии, которая, по словам бывшего оппозиционера Ломинадзе, «не терпит никаких оттенков», победила. Итог многолетней борьбы подводит в своем выступлении Л. П. Берия: «Партия разгромила оппортунистов всех мастей и как никогда сплочена воедино вокруг своего ленинского ЦК и любимого вождя товарища Сталина». Наступает эпоха «нерушимого единства», время от времени прерываемого трагическими эпизодами борьбы в самом верхнем эшелоне партийного руководства. Так будет до июня 1957 года, когда партии и народу сообщат о разоблачении «антипартийной группы» внутри Президиума ЦК, состоящей из недавних «преданнейших соратников» вождя. Этой груп-

Расправа с политическими противниками всякий раз осуществлялась Сталиным под аккомпанемент хорошо отрежиссированного «народного гнева». Рабочие завода «Серп и молот» голосуют за расстрел «подлых изменников Родины — троцкистских бандитов-террористов».

пе суждено было стать последней официально признанной оппозицией в истории внутрипартийной борьбы.

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ТОТАЛИТАРИЗМ?

X съезд РКП(б) следует считать поворотным моментом в истории оппозиций. Впервые после «брестской эпопеи» разногласия в партии приняли столь острый характер, что возникла реальная угроза раскола на соперничающие фракции. Разумеется, оппозиционные группы возникали и прежде: группа Осинского — Сапронова на VIII съезде, «военная оппозиция». Но вряд ли можно назвать эти группы оппозицией в точном значении данного термина: расходясь с большинством по какому-либо конкретному вопросу, пусть даже весьма важному, их представители неизменно подчеркивали солидарность с «линией ЦК» в целом. В условиях гражданской войны и универсального использования командных методов и не могло быть иначе: внешняя угроза заставляла отложить до поры до времени внутренние разногласия.

Накануне введения нэпа ситуация резко изменилась. Быть может, современному читателю «дискуссия о профсоюзах», разгоревшаяся в тот период, покажется каким-то схоластичным, далеким от проблем реальной жизни спором, однако ход этой дискуссии, где наряду с платформами «десяти», «рабочей оппозиции», Троцкого и Бухарина было первоначально представлено значительное количество разнообразных подходов и их оттенков, со всей очевидностью показал: речь идет о чем-то большем, чем просто об определении роли профсоюзов в советском обществе. По существу, дискуссия отразила все те трудности и противоречия, с которыми столкнулась партия, ища выходы из тупиков «военного коммунизма». И здесь уместно исключительно важное обобщение: все последующие внутрипартийные дискуссии — это по преимуществу дискуссии о судьбе нэпа, можно даже сказать иначе, дискуссии о соотношении экономической и политической демократии. Не случайно угасание внутрипартийной дискуссии совпадает по времени с завершением новой экономической политики.

Либерализация экономической жизни в период нэпа, по существу, легализация смешанной экономики, неизбежно приводила к формированию в обществе групп интересов, зачастую трудносовместимых, закономерно стремившихся к политическому самовыражению. Перед руководством партии возникает проблема, от успешного решения которой зависит судьба всей новой стратегии: как обеспечить в реальной политической жизни представительство весьма разнообразных интересов — рабочего класса, неоднородного крестьянства, столь же неоднородной интеллигенции и, наконец, самих партийных руководителей? Конечно, в чисто пропагандистском плане можно было утверждать, что партия, выражая интересы рабочего класса, выражает тем самым интересы всего трудового народа. Но насколько соответствовала действительности эта абстрактная марксистская схема?

Зажиточное крестьянство, новая буржуазия, нэпманы были объективно заинтересованы в стабильности, быстрейшем завершении революции, ее «самотермидоризации». Их интересы отчетливо выразил «сменовеховский» идеолог Устрялов. В изданной в 1925 году в Харбине книге «Под знаком революции» он писал: «Исчез, испарился враждебный государству дух. Во всем народе, обновленном бурею, но и уставшем от нее, пробуждена воля к миру, к труду, к повиновению. Страна готова к нормальной жизни». Созвучен и близок Устрялову знаменитый бухаринский лозунг «Обогащайтесь!». «Лозунг жизни, лозунг выздоровления, гениальный крик нутра» — так характеризует его Устрялов в статье «Обогащайтесь!». «Скоро, того и гляди,— предрекает он,— услышишь бодрые, полнокровные голоса из деревни: «Да, я кулак, я советский кулак и горжусь этим!» Еще немного, и мы, пожалуй, увидим, как на могучих хозяйственных грудях заблещут в деревне ордена Красного Знамени».

Свои требования выдвигала техническая интеллигенция. В выступлениях ее представителей на первом плане все больше оказывалась проблема политических гарантий продолжения нэпа, проблема прав и свобод человека. В марте 1924 года в Ленинграде проходил съезд инженеров. Один из выступавших на этом съезде так сформулировал программу технической интеллигенции, готовой сотрудничать с новой властью: «Коммунисты как материалисты считают необходимым и нужным дать людям в первую очередь предметы первой необходимости, а мы, интеллигенты, говорим, что в первую очередь *нужны права человека*. Вот наша основная программа. В этом вся сила».

Руководители партии незамедлительно усмотрели в этих словах стремление интеллигенции к «монополии политического представительства», к руководящей роли в политической жизни, попытку постепенно отстранить партию от управления страной. Выступая на XIII съезде РКП(б), Зиновьев, находившийся тогда в зените своего политического влияния, без обиняков заявил, что таких прав интеллигенция не увидит «как своих ушей без зеркала».

Наконец, значительная часть общества, в том числе часть молодой гуманитарной интеллигенции, рабочих, военных, представителей партийного аппарата, усматривала в нэпе лишь политику капитуляции перед буржуазными элементами и настаивала на его скорейшем свертывании. Хотя до начала 1928 года эти идеи не получили законченного политического оформления, они неизменно присутствовали во всех партийных дискуссиях.

Большевистские руководители оказались перед дилеммой: либо от экономической либерализации перейти к политической демократии, то есть, по марксистской терминологии, привести политическую надстройку в соответствие с экономическим базисом, либо пойти по пути «идейно-политической монолитности», естественно, отказываясь при этом от экономического либерализма. Зыбкое состояние относительной свободы мнений и независимости гражданского общества, которое установилось на первом этапе нэпа, неизбежно должно было сместиться в ту или другую сторону.

В такой ситуации возможны три перспективы: разделение партии на несколько самостоятельных партий, наря-

ду с допущением деятельности других оппозиционных партий; свобода фракций, группировок или хотя бы каким-то образом оформленных идейных течений и, наконец, сохранение любой ценой монолитности партии перед лицом многообразия общественных интересов.

Первый путь — многопартийная демократия — безоговорочно отвергался большевистскими лидерами. Старые политические партии утратили реальную поддержку, растеряли в ходе гражданской войны свои кадры и не представляли значительной политической силы. В их отношении у большевиков не было иллюзий: после разгона Учредительного собрания, подавления восстания левых эсеров и кронштадтского мятежа рассчитывать на их лояльность не приходилось.

Правда, на этот счет имеется любопытное свидетельство. Уже находясь за границей, Троцкий утверждал, что Ленин вместе с ним обдумывал возможность легализации оппозиционных партий после стабилизации экономического положения в стране. Впрочем, в выступлениях и работах Ленина того периода мы не найдем какого-либо подтверждения этих слов Троцкого.

Негативное отношение к многопартийной демократии разделяли Зиновьев, Бухарин, Рыков, Томский, не говоря уже о Сталине, для которого однопартийная система вообще синоним Советской власти.

Другой путь — свобода фракций, группировок, идейных течений. Опыт западноевропейских либеральных партий показал, что и такое в принципе возможно. Но возможность эта может стать реальностью опять-таки исключительно в рамках системы политического плюрализма. Большевистские руководители прекрасно осознавали, что свобода фракций, как бы они ни назывались, с неизбежностью приведет все к той же многопартийности. Это понимание верно отразил в одном из своих выступлений Каменев: «Сегодня говорят: демократия в партии; завтра скажут: демократия в профсоюзах. Послезавтра беспартийные рабочие могут сказать: дайте нам такую же демократию... А разве крестьянское море не может сказать нам: дайте демократию!» К тому же седьмой, секретный пункт резолюции «О единстве партии», принятой на X съезде РКП(б), предусматривал возможность исключения из партии «за фракционность». Но уже на XIII партийной конференции Сталин поспешил сделать содержание этого пункта достоянием широких партийных масс. Партия, утверждал Сталин, не может быть «союзом групп и фракций», она должна стать «монолитной организацией, высеченной из одного куска».

С течением времени сталинское понимание превратилось в одну из партийных «заповедей». Тем не менее оставался еще один вопрос: как совместить подобное толкование единства с представлением о внутрипартийной демократии. Следует отметить, что, несмотря на все труды виднейших теоретиков партии по конкретизации данного понятия, его суть к 1934 году, то есть к моменту ликвидации всякой демократии, не вполне прояснилась.

В исторической науке неизбежно присутствует альтернативное ви́дение: стремление понять, в чем те или иные исторические деятели ошибались, каким путем они могли избежать этих ошибок, какие факторы они недооценили, какие переоценили и т. д. Вряд ли такой подход может оказаться сегодня особенно плодотворным. И все же при рассмотрении сложной истории внутрипартийных столкновений напрашивается одно обобщение подобного рода, и, думается, беспрецедентный по трагизму исторический опыт дает на него некоторое моральное право. Можно утверждать, что общая сущностная черта мышления всех большевистских руководителей, хотя и в неодинаковой степени, состоит в активном неприятии идеи либеральной демократии, демократии, понимаемой не как цель или средство, а как нормальное состояние общества. Даже для яростного критика антидемократического внутрипартийного режима Троцкого «совершенно бесспорно», «что «чистая», «развернутая», «идеальная» демократия неосуществима и что демократия для нас вообще не самоцель». И о чем другом, кроме как о пренебрежительном отношении к «формальной демократии», свидетельствуют взаимные обвинения лидеров большинства и оппозиции в «социал-демократизме», который воспринимался как оскорбительный ярлык? А ведь нэп и был, по проницательному замечанию одного из западных исследователей, «социал-демократической политикой минус демократия».

Непримиримый антилиберализм руководителей партии можно поставить в ряд главных факторов, предопределивших крушение нэпа. Более того, попытка экономической либерализации в сочетании с политическим антилиберализмом принесла совершенно парадоксальный результат: свертывание демократии внутри самой партии.

Этому процессу в решающей степени способствовало особое понимание роли партии, также относимое к числу «традиций большевизма». Идеи мессианского предназначения партии, особой избранности ее членов, монополии на историческую правоту характерны отнюдь не только для Сталина. Более того, сталинский подход с его преувеличенным вниманием к иерархическим структурам партии достаточно примитивен, а потому не слишком интересен. Представляется, что подобное ви́дение значительно более емко, образно, хотя и внешне парадоксально, отражено в выступлении непримиримого сталинского оппонента — Троцкого на XIII съезде РКП(б). «...Никто из нас,— говорил Троцкий,— не хочет и не может быть правым против своей партии. Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату для разрешения его основных задач. Я уже сказал, что пред лицом партии нет ничего легче, как сказать: вся эта критика, все заявления, предупреждения и протесты,— все это было сплошной ошибкой. Я, товарищи, однако, этого сказать не могу, потому что этого не думаю. Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала».

Тогда истинный смысл этих слов остался непонятым делегатами съезда. Диалог шел как бы на разных уровнях понятийного мышления. Одни усмотрели в заявлении Троцкого лишь стремление любой ценой избежать «покаяния», признания своих ошибок. Другим показалось, что Троцкий грубо льстит партии, и они «великодушно» напоминали, что и партии случалось ошибаться. Но теперь мы видим, что смысл этих слов оказался много глубже. Глубже и трагичней. В них отразилась целая система политического мышления партийных деятелей нескольких поколений, вся «философия эпохи». В контексте сопоставления мыслей Троцкого с последующими событиями неожиданно обретают смысл слова Ем. Ярославского — еще недавно восторженного апологета Троцкого, а к 1924 году — яростного обличителя «троцкизма». «Оппозиция,— говорил Ем. Ярославский,— апеллировала к будущим поколениям». Можно уточнить — к будущим поколениям руководителей партии. К ним же обращался впоследствии и Бухарин. Заметим, не к народу, а именно к партийным руководителям будущего. Троцкого, Бухарина и вождей «большинства» при всей их несхожести объединяла вера в партию как в особый, наделенный почти мистическим предназначением «авангард», находящийся среди враждебного мира. Перед лидерами всех оппозиций постоянно маячил призрак «третьей силы», «мелкобуржуазных масс», готовых при малейшей возможности использовать внутрипартийные разногласия. Апелляция к этим массам еще со времен «рабочей оппозиции» рассматривалась как прямое пособничество контрреволюции. Оппозиционеры могли, разумеется, считать большинство партии на данном этапе неправым. Но у них всегда оставалась надежда повести это большинство за собой. «Ильич еще будет с нами»,— говорили в период профсоюзной дискуссии рядовые участники «рабочей оппозиции». Другой путь — создание официальной оппозиционной партии — никто из руководителей оппозиции не мыслил. И не только потому, что большинство не допустило бы этого никогда. Оппозиционеры — это, как правило, большевики с дореволюционным стажем, они создавали партию, они были свидетелями и участниками ее великих побед. Для создания новой партии уже не было ни сил, ни убежденности в своей правоте. На XV съезде партии Каменев говорил: «Наша позиция перед этим выбором — вторая партия или в партию назад — ясна: назад в партию во что бы то ни стало». Путь был выбран. Но это был путь непрерывного покаяния, признания все новых «ошибок и преступлений». И этот путь, казалось, не имел конца; победившее большинство как будто наслаждалось зрелищем унижения недавних вождей, требуя от них все новых «саморазоблачений». «Мне кажется, товарищи,— говорил один из лидеров «правого уклона» Томский на XVI съезде партии,— трудновато быть в роли непрерывно кающегося человека. У некоторых товарищей есть такие настроения — кайся, кайся, без конца и только кайся... Дайте же немного поработать». Но проходит четыре года, и на следующем съезде Томский вновь начинает свою

Выступления «трибуна революции» Л. Д. Троцкого нередко продолжались по нескольку часов и привлекали огромное число слушателей. Москва, 1919 г.

А. М. Коллонтай — единственная из вождей оппозиции, избежавшая репрессий. На фотографии — А. М. Коллонтай в группе делегатов II Международного съезда коммунисток. Москва. 1921 г.

Фотографии из Центрального государственного архива кинофотодокументов СССР.

речь с подробного разбора своих «ошибок». У него еще достанет сил, чтобы избежать последнего, самого страшного и унизительного этапа «покаяния». Другие пройдут этот путь до конца.

ЗАКОНОПОСЛУШНОЕ БОЛЬШИНСТВО

В демократических государствах Запада чередование у власти партии большинства и оппозиции — нормальное явление политической жизни. Рассматривая историю оппозиции в ВКП(б), мы, напротив, обнаруживаем, что за исключением одного случая («левых коммунистов») идеи оппозиции никогда не завоевывали поддержки большинства партии. Напротив, пик политического влияния оппозиции неизменно приходится на момент ее создания, после чего она мало-помалу сходит на нет. Так было в случае «троцкистской оппозиции», так было и с «правым уклоном». На первом этапе дискуссии «троцкисты» получили около 36 процентов всех голосов на районных партийных конференциях в Москве, а если учесть, что результаты голосования нередко фальсифицировались, то, возможно, и больше. Что же касается Бухарина и его сторонников, то в начале и середине 1928 года они располагали столь мощной поддержкой, что казалось: партия неизбежно должна была пойти за ними. И тем не менее в обоих случаях один и тот же итог: полное поражение, утрата политического влияния и традиционное «раскаяние руководителей».

Все это дает основания думать, что уже к 1924 году, если не раньше, в партии сложился хорошо отработанный механизм, позволявший быстро и эффективно сокрушить любую оппозицию. Со временем этот механизм расширялся и совершенствовался, так что к началу 30-х годов о создании оппозиции уже нельзя было и подумать. Механизм, о котором идет речь, можно было бы назвать системой «законопослушного большинства». Сама формулировка принадлежит Осинскому. Для понимания действия этого механизма следует прежде всего обратить внимание на одно любопытное обстоятельство. Итальянский историк Дж. Боффа подсчитал, что члены и кандидаты в члены ЦК за период 1917—1920 годов к середине 1926 года поделились почти поровну между «сталинско-бухаринским» большинством и «троцкистско-зиновьевской» оппозицией. Нетрудно сделать вывод, что оппозиция состояла по преимуществу из старых большевиков, теоретиков, партийной интеллигенции. В ее рядах было крайне мало рядовых партийцев, а уж доля тех, кто вступил в партию после 1924 года, была и вовсе ничтожной. И это, конечно же, не случайно. Даже сейчас нас удивляет сложность и запутанность теоретических споров, которые велись между представителями большинства и оппозиции на партийных съездах 20-х годов. Чтобы присоединиться к оппозиции, требовались прежде всего солидная образованность, фундаментальная теоретическая подготовка и огромная убежденность в правильности линии, отстаиваемой оппозицией против большинства. К тому же участие в оппозиции с очевидностью не сулило никаких личных выгод, а, напротив, было связано с огромными опасностями, и потому даже те коммунисты, которые сочувствовали идеям оппозиции, не всегда решались вступить в ее ряды. Но много ли было в партии вообще таких людей? В 1926 году, когда решалась судьба «объединенной оппозиции», в партии насчитывалось более 1 миллиона человек, из них 60 процентов — вновь вступившие. Менее 1 процента членов партии имели высшее образование, 63 процента окончили лишь начальную школу. Число коммунистов с опытом дореволюционной партийной работы также не превышало 1 процента. Нетрудно видеть, что уровень образования, а соответственно и политической культуры подавляющего большинства в партии был чрезвычайно низок. И тем не менее в ходе общепартийных дискуссий эти люди должны были каким-то образом голосовать. Как же они голосовали? Об этом весьма образно рассказал на XVII съезде партии известный экономист, в прошлом деятель «троцкистской» оппозиции Преображенский: «Не все они (рабочие—делегаты партийных съездов.— Н. Г.) разбирались в сложных теоретических вопросах и в теоретических спорах, где мы, «большие умники», выступали против Ленина. Бывало, видишь, что приятель голосует за Ленина в таком теоретическом вопросе, спрашиваешь: «Почему же ты голосуешь за Ленина?» Он отвечает: «Голосуй всегда с Ильичем, не ошибешься...» Сознание, дисциплина и, кроме того, величайшая вера в Ленина, доверие к вождю — это та форма, в которой осуществляется организационно и идейно боевое единство пролетарских рядов».

Широкие партийные массы неизменно были готовы поддержать то большинство, которое уже сформировалось в высшем эшелоне партии, голосовать вместе с официальным вождем. Не случайно позднее Троцкий говорил, что даже в случае устранения Сталина его место незамедлительно займет один из «кагановичей», которого официальная пропаганда мгновенно сделает «великим».

Борьба, таким образом, переносилась из партии в аппарат. Колоссальный разрыв между политической культурой лидеров партии и основной партийной массой «как объектом воздействия» стал тем фактором, который предопределил поражение всех оппозиций. Сталин раньше других осознал простую истину: борьба в партии перестает быть борьбой идей и превращается в борьбу за власть — в этой борьбе победит тот, от кого будет зависеть подсчет голосов, кто сумеет расставить своих сторонников на ключевые посты.

Принимая решение о совместном выступлении против «законопослушного большинства», оппозиционеры, пожалуй, все же переоценили потенциал своего идейного влияния. Они считали себя, и не без основания, историческими вождями партии и страны. Но вождями они были лишь для тех, кто участвовал в революции, кто прошел путь гражданской войны. Для вновь вступивших в партию малограмотных рабочих они были лишь интеллигентами, малопонятными, оторванными от жизни теоретиками. Они спорили, выясняя оттенки мнений, а партийные массы ждали ясных и конкретных указаний. Эти настроения умело использовал Сталин.

Чрезвычайно важный момент, связанный с формированием «законопослушного большинства» и борьбой против оппозиции,— центризм Сталина. Последующая «экстремистская» деятельность Сталина подчас заслоняет от нас тот факт, что на каждом этапе внутрипартийной борьбы он первоначально выступает в роли центриста, примирителя, лидера, приемлемого для всех. В конце 1924 года Зиновьев и его сторонники настаивали на исключении Троцкого из партии и даже на его аресте. Сталин решительно воспротивился этому. «Политика отсечения,— говорил он тогда,— чревата большими опасностями для партии», а «метод пускания крови — опасен, заразителен». Такая позиция, безусловно, обеспечивала Сталину поддержку среди руководящего эшелона партии и в среднем звене. В нем видели вождя, способного обеспечить завещанное Лениным единство партии, избежать поляризации, раскола и кровавых столкновений. На первом, «идейном» этапе борьбы с оппозициями Сталин прежде всего стремился к политическим, а не к поспешным организационным выводам. Для него, замечает Дж. Боффа, было важно вначале разгромить противников политически и лишь потом исключить: метод, который Грамши впоследствии назовет «сверхпобедой» в борьбе. Даже на февральско-мартовском Пленуме 1937 года, решавшем судьбу Бухарина и Рыкова, Сталин ухитрился выступить в роли «центриста», предложившего «компромиссное» и внешне наиболее «мягкое» решение. Не отсюда ли живущие до сих пор легенды о «мягкости» и «объективности» Сталина при рассмотрении дел «врагов народа», когда ему будто бы приходилось умерять пыл «ястребов» — Ежова и Кагановича?

Но не только Сталин умело сколачивал «законопослушное большинство» в партии, само это большинство искало и обретало в Сталине своего кумира, вождя и покровителя. «Знаете,— недоумевал Склянский,— поражаешься тому, как за последний период во всех областях выпирает наверх золотая середина, самодовольная посредственность. И все это находит в Сталине своего вождя». Сталин обладал всеми необходимыми качествами, чтобы возглавить это большинство, жаждущее беспрекословного повиновения.

ОТКАЗАТЬСЯ ОТ УБЕЖДЕНИЙ?

Перед оппозиционерами, потерпевшими поражение в ходе внутрипартийной дискуссии, неизбежно вставал вопрос: что делать дальше? Отказаться от убеждений, присоединиться к победителям? Или, может быть, продолжать защищать и отстаивать свои взгляды? Но каким образом? И здесь вновь возникала проблема демократии, но на этот раз внутрипартийной. Коммунистам, оказавшимся в оппозиции, неизменно «открывались глаза» на явления, каким-то образом прежде ускользавшие от их взора. Они вдруг осознавали, что в партии нет свободы дискуссий, аппарат оторван от рядовых коммунистов, а авторитет самой партии в массах падает. «Мы чувствуем,— говорила Коллонтай в своем выступлении на X съезде партии,— что массы отшатываются от нас. На собраниях случается, что если указываешь на коммуниста, который пользуется доверием масс, то про него говорят, что он и на коммуниста-то не похож, потому что к нему есть доверие, он не такой, как другие». Еще раньше, на VIII партийном съезде, Осинский констатировал «замирание широкой партийной жизни», перенесение ее в Центральный Комитет, а также чрезмерный рост централизации и бюрократизма. Нельзя сказать, что партия совсем не вела борьбы с подобными явлениями. В резолюции IX партийной конференции прямо говорилось, что «какие бы то ни было репрессии против товарищей за то, что они являются инакомыслящими по тем или иным вопросам, решенным партией, недопустимы». Более того, конференция наметила широкий круг мер, призванных обеспечить внутрипартийную демократию. Все ответственные работники, независимо от занимаемой должности, прикреплялись к первичным партийным организациям, были обязаны посещать общие партийные собрания и отчитываться в своей работе перед рядовыми коммунистами. Предусматривалась даже система ротации руководящих кадров. Еще дальше пошла в своих требованиях внутрипартийной демократии «рабочая оппозиция». Ее идеи сводились к увеличению в партии числа рабочих и очищению ее от некоммунистических элементов. И это было проделано, однако надеждам лидеров оппозиции, как, впрочем, и большинства, на то, что присутствие рабочих «от станка» в тех или иных политических институтах само по себе гарантирует демократию, не суждено было сбыться.

В конце 1923 года начинается самый острый этап внутрипартийной борьбы. Сражение начинает Троцкий.

В разгоревшейся политической схватке Сталин показал себя мастером аппаратной интриги и политической провокации. Именно в период борьбы с «троцкизмом» и «объединенной оппозицией» сложились и были опробованы самые грязные политические приемы, которые Сталин будет впоследствии применять с неизменным успехом. Под давлением Сталина сестра Ленина М. И. Ульянова написала письмо в президиум Объединенного пленума ЦК и ЦКК РКП(б) (26 июля 1926 года), в котором утверждала, что у Ленина в последний период жизни не было никаких разногласий со Сталиным и их отношения были самыми дружескими. Одновременно предпринимались усилия по политической дискредитации Троцкого. Была извлечена на свет и опубликована давно забытая самим Троцким брошюра «Наши политические задачи» с посвящением «Дорогому учителю Павлу Борисовичу Аксельроду». Брошюра эта была написана Троцким в 1904 году. Между прочим, в ней содержался любопытный «сценарий» развития «внутрипартийной демократии»: «Аппарат партии замещает партию, ЦК замещает аппарат и, наконец, диктатор замещает ЦК». Было опубликовано и дореволюционное письмо Троцкого Чхеидзе, содержавшее нелестные отзывы о Ленине. Целью этих акций было показать: ошибки Троцкого — прямой результат его «небольшевистского» прошлого.

К борьбе с «троцкистско-зиновьевской» оппозицией Сталин подключил аппарат ОГПУ, руководитель которого — Менжинский стал его верным сторонником. ОГПУ проследило за всеми действиями оппозиционеров и даже сумело внедрить в их ряды своих агентов.

С учетом накопленного опыта разгром «правых» оказался для Сталина и вовсе не сложным делом. Участием в борьбе с «троцкистами» Бухарин и его сторонники сами загнали себя в политический тупик и теперь вынуждены были действовать по правилам, установленным не без их активного участия. Они не посмели вынести разногласия за пределы партийного аппарата. Но разве кто-нибудь мог победить сталинистов в чисто аппаратной борьбе? Сталин быстро и эффективно провел необходимые перемещения в Московском комитете партии — основном бастионе «правых уклонистов», а затем и в руководстве профсоюзов. Что же касается секретарей обкомов на периферии, то там уже давно находились верные сторонники Сталина. Бухарин и его единомышленники оказались изолированными, прежде чем смогли перейти в наступление. Бухарин еще успел опубликовать свои программные работы — «Заметки экономиста» и «Политическое завещание Ленина». Но на широкие партийные массы они оказали, вероятно, не большее влияние, чем «Новый курс» или «Уроки Октября» Троцкого.

«Совесть не отменяется, как некоторые думают, в политике» — эти слова Бухарина стали теперь почти классическими. Увы, сам Бухарин не всегда вспоминал об этом принципе в период борьбы с «троцкистско-зиновьевской»

оппозицией. Конечно, Бухарин выступал против оппозиции на идейной основе. Ему казалось, что оппозиция стремится ликвидировать нэп и вновь ввергнуть страну в безумие гражданской войны, на этот раз с крестьянством. Теперь можно с уверенностью сказать, что эти опасения были преувеличены. Правда, некоторые высказывания деятелей оппозиции, особенно Зиновьева, относительно «кулацкой опасности» давали повод для беспокойства за судьбу нэпа. Но в целом оппозиция не стремилась к слому нэпа, она лишь указывала на неприемлемость политики «врастания» в социализм «черепашьими темпами», подчеркивала необходимость ускоренного развития промышленности, пусть даже на основе неэквивалентного обмена с крестьянством (но отнюдь не его грабежа посредством чрезвычайных мер). И кто знает, проходи эта дискуссия в деловой и спокойной обстановке, без борьбы за власть и привнесения личных амбиций, может быть, и удалось бы выработать взвешенную линию экономического развития и потом не пытаться лихорадочно наверстывать упущенное. Ведь если отбросить преувеличенные расхождения и надуманные обвинения, между взглядами Троцкого, с одной стороны, и Бухарина — с другой, не было пропасти. К сожалению, в ходе политической борьбы Бухарин «вошел во вкус» и начал требовать от оппозиции раскаяния, самобичевания и «искупления вины» перед партией, чем, кстати, заслужил на время одобрение Сталина. Не внял Бухарин и пророческим словам оппозиционера Смилги на XV съезде, когда тот указал, что сложившийся внутрипартийный режим неизбежно поведет к новым расколам и отсечениям. Не обратил внимания и на письмо, полученное от старого коммуниста, который предупреждал: «Осторожнее, т. Бухарин. Вы частенько спорили в нашей партии. Вам, вероятно, придется еще не раз поспорить. Как бы Вам, нынешние тт., тоже когда-нибудь не дали в качестве арбитра т. Агранова. Примеры бывают заразительны».

Деятели оппозиций всех периодов не сумели вовремя оценить усиление влияния Сталина и не только не противодействовали насаждению культа его личности, но и зачастую способствовали ему. Бухарина и Рыкова, по-видимому, не насторожило даже поведение «законопослушного большинства» на XV съезде партии, когда оно неистово скандировало: «Сталина, Сталина!». Во всяком случае, Рыков упорно продолжал отгораживать Сталина от всякой критики, ссылаясь даже на ленинское «Завещание», но не вполне корректно излагая при этом его суть. Впрочем, Троцкий из каких-то неясных соображений еще в 1925 году вообще отрицал наличие какого-либо «Завещания» Ленина.

Не смогли руководители оппозиций «оценить по достоинству» теоретическую беспринципность Сталина, его злопамятность и мстительность, доминирование личных мотивов. На XVII съезде партии их ждала за это печальная расплата: они были вынуждены прославлять «ленинскую принципиальность» Сталина, его «огромное теоретическое превосходство», «объективность», «нежелание привносить в борьбу ничего личного».

«Дискуссия с оппозицией» в целом по стране как в зеркале отразила аппаратные методы. Делегаты съездов, партийных конференций, участники партийных собраний на местах не давали представителям оппозиции изложить свои взгляды, сгоняли их с трибуны, кричали, свистели, топали ногами. Не принимались во внимание ни революционное прошлое участников оппозиции, ни их заслуги перед страной, ни былая популярность. В печати шла непрерывная кампания обличения. Громили оппозицию выполнявшие социальный заказ поэты...

К XVI съезду партия пришла уже «единой и монолитной». Не было ни оппозиций, ни фракций, ни группировок. Еще промелькнет «дело Рютина», какой-то немыслимый «право-левацкий блок» Сырцова — Ломинадзе, и об оппозиции надолго забудут. Когда-то на X съезде при обсуждении резолюции «О единстве партии» одного из ее сторонников — Радека — обуревали дурные предчувствия. Как знать, рассуждал он, еще неизвестно, против кого может обернуться эта резолюция. Впоследствии этим предчувствиям суждено было стать печальной реальностью. Резолюция, которую сам Ленин, по-видимому, рассматривал лишь в качестве временной тактической меры, была обращена против его ближайших соратников, против всех, кто не желал входить в «законопослушное большинство», кто имел дерзость мыслить независимо.

Оппоненты Ленина еще до революции нередко утверждали, что в большевистской партии можно критиковать лишь отдельные недостатки ее деятельности, но затрагивать фундаментальные, стратегические вопросы непозволительно. Именно такой взгляд и утвердился окончательно в 20-е годы. В конце 1923 года один из партийных теоретиков с предельной завершенностью изложил представления подобного рода в газете «Правда». «Свобода критики,— писал он,— никогда не являлась большевистским лозунгом. Большевики всегда понимали, что в единой боевой партии критика неизбежно должна носить ограниченный, практически-деловой, но ни в коем случае не принципиальный характер».

Последний раз в истории партии резолюция X съезда была применена к участникам «антипартийной группы» — Молотову, Маленкову, Кагановичу, Первухину, Сабурову и «примкнувшему к ним Шепилову». Немало оппозиций было разгромлено при участии этих «вождей», тысячи коммунистов были исключены из партии. И вот они сами оказались в меньшинстве и вынуждены были на себе испытать все «классические» приемы борьбы с оппозициями. Схема этой борьбы была уже хорошо отработана, не отказала она и на этот раз. Здесь были и обвинения во всевозможных теоретических ошибках, в ревизионизме и догматизме одновременно, в забвении марксизма и отходе от ленинизма. Были извлечены на свет резолюции и документы 20-х годов, способные, по мнению сторонников Хрущева, бросить дополнительную тень на «погасшие политические звезды». Делегаты XXII съезда соревновались в оскорбительных эпитетах. Особенно досталось почему-то Шепилову, который непосредственного участия в сколачивании оппозиционной группы не принимал. Но на этот раз возник новый, совершенно неизвестный прежде элемент; некоторые делегаты рассказали о страшной роли Молотова, Маленкова и Кагановича в развязывании и осуществлении сталинского террора. Тем не менее оппозиционеры вышли «сухими из воды»: их ждало лишь исключение из партии и работа за пределами Москвы.

Немногим позже вновь будет официально подтверждено, что классовая монолитность советского общества исключает возможность появления внутрипартийных групп и фракций.

Опыт борьбы с оппозициями — по преимуществу негативный опыт. Но анализ этого опыта может оказаться исключительно полезным в новых условиях деятельности коммунистических партий, когда вопросы демократии вновь приобрели для них решающее значение.

Единомышленники (слева направо): Д. Шепилов, П. Поспелов, А. Микоян, В. Молотов, Н. Булганин, Н. Хрущев, Л. Каганович, М. Сабуров, Г. Маленков. Скоро большинство из них окажется в «антипартийной группе». В отношении участников последней «оппозиции» сталинские методы физической расправы не применялись.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Фото Р. КУЧЕРОВА

Все чаще и чаще мы с горечью говорим и пишем о преждевременно ушедших писателях, чье отсутствие сегодня ощущается особенно остро: за какое-то десятилетие до поворотного 1985-го смерть выбила из отечественной литературы Шукшина и Вампилова, Трифонова и Казакова, Высоцкого и Тендрякова... В этом трагическом ряду — и Федор Абрамов. Абрамов уже при жизни был классиком — это понимали даже те, кто ему противостоял: могли осуждать за позицию, но дар был вне сомнений. Теперь стало широко известно, с какими трудностями проходили в печать абрамовские романы, осуществлялась постановка пьесы «Деревянные кони» в Театре на Таганке. И после своего ухода писатель продолжает с нами разговор — нынешнее Время Открытых Архивов распахнуло и письменный стол Федора Александровича.

Миниатюры из циклов «Трава-мурава» и «Были-небыли», подготовленные к печати Людмилой Владимировной Крутиковой-Абрамовой, рождались из записных книжек и дневниковых заметок, в которых на протяжении 60—70-х годов скапливались наброски к романам и повестям, а также законченные новеллы и эссе. Сам Федор Александрович хотел увидеть оба цикла рядом, тщательно и кропотливо готовил их публикацию, но при его жизни увидели свет лишь отрывки из «Травы-муравы»...

В этом году Федору Абрамову исполнилось бы 70 лет.

Н. АЖГИХИНА

ФЕДОР АБРАМОВ И ЕГО ЗЕМЛЯКИ

Федор АБРАМОВ

БЫЛИ-НЕБЫЛИ

БЕЛАЯ НОЧЬ

В 1935 г. снималась какая-то кинокартина. Летняя белая ночь. И освещенный прожектором Спас на крови. Режиссер нервничал, кричал. Артистка не справлялась с ролью. Она играла какую-то нищую, которая, придя на паперть, склоняется перед распятым Христом на дверях и припадает к его стегням (окровавленным ногам).

— Дубом, дубом стоишь! Да пойми же, ты — крестьянка. Ах, черт побери.— Режиссер в отчаянии оглянулся, и вдруг взгляд его упал на одну бабу из массовки.

— Покажите ей, как это делают крестьянки...

Баба дико вытаращила глаза.

— 50 рублей плачу.

Баба припала.

— Снимай,— крикнул он оператору.— Со спины. Пойдет.

Сняли. Разошлись.

А молодой парень все еще смотрел на бабу, протягивающую руку к Христу (богохульство совершила). Она теперь каялась. И это надо было снимать.

Потом он смотрел все картины. Но ни в одной из них этого эпизода не встретил.

23 июня 1965.

СТАРЫЙ ФИНН

Финны не расстреливали русских военнопленных. Но одного расстреляли.

Расстрелял начальник лагеря. Старик, который, кстати сказать, был, быть может, самым гуманным из всех начальников лагерей и самым заботливым.

Вот с этой заботливости-то да гуманности все и началось. Старый финн решил однажды ввести в лагере богослужение.

Пленные — враги нации. Но не скоты же какие-нибудь. Люди. Как лишить пищи духовной. «Должен быть какой-то и духовный паек у пленных»,— решил финн.

Поручил переводчику-карелу узнать, есть ли среди пленных в лагере священник.

Есть. Им назвался один блатник, ибо сообразил: священник — значит благо, кормежка. Ну, а насчет самой службы... Вывернется. Что финны понимают. Что-нибудь придумает.

Начальник лагеря вызвал блатника к себе.

— Это правда, что вы священник?

— Правда.

— А показать, как вы служите, можете?

— Могу.— И тут блатник сложил на груди руки (это на иконах видал), закатил глаза и рванул «Гоп со смыком это я...»

Финну очень понравилось православное богослужение. Понравился оптимизм — мелодия...

— Хорошо,— сказал старик,— с завтрашнего дня начнем богослужение.

Служба получилась прекрасной. Пленные (а большинство были блатники) охотно пели, да и остальные подпевали: все-таки развлечение. И так продолжалось 7 дней.

А на 8-й переводчик-карел повинился перед старым финном, что его обманывают. Вместо богослужения — кощунство, самое отвратительное надругательство над богом.

Старый финн был вне себя от гнева. Все мог простить, но только не это.

Он приказал расстрелять блатника. Без всякого суда и следствия.

16 ноября 1976.

КОЕ-ЧТО ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКИХ ПОЛКОВ И ДИВИЗИЙ

Сибирь. Сибирь двинулась. Сибирь пошла на врага. Господи, с какой радостью, с каким энтузиазмом говорили все о сибирских полках, о сибирских дивизиях в 41-м году, когда с помощью их были одержаны первые победы в войне, когда с помощью их были разбиты немцы под Москвой.

Вот уж воистину они заслуживали звания гвардейских. Звания, которое впоследствии присваивалось особо отличившимся частям и соединениям.

Но что знаем мы о тех, из кого состояли сибирские дивизии, сибирские полки?

Да ведь это — дико сказать — может быть, наполовину, а может, и больше, сыновья раскулаченных.

Да, да, целые сибирские деревни в 30-м году распатронивали. И как? Мужиков, кто мог работать, на ударные стройки — на Беломор-канал, на Магнитку, а баб с ребятишками, стариков немощных — в тайгу. На сборы — 2 часа.

Второпях, в суматохе что-то кидали в телегу, ехали под конвоем к ближайшей пристани. А на пристань приехали — новый приказ: все оставить, бросить на берегу. Весь наспех захваченный скарб, вещички.

И бросали. Курганы, горы вырастали, а бабы, ребятишки, старики, до отказа набитые в баржи, ехали чуть ли не голые и долго видели маячившие на берегу эти курганы, горы, образованные из их крестьянского скарба, из их вещичек, которые они с таким трудом наживали всю жизнь.

Маршрут несчастных — по сибирским рекам, по Иртышу, по Оби, затем по их притокам, в самые гибельные таежные места.

Приезжали. Их, как тараканов, выкидывали на еще не растаявший снег, сбрасывали какой-то мешок муки, сколько-то топоришек и пил — живи, осваивай тайгу, перевоспитывайся на социалистический лад.

Смертность, конечно, была ужасная. К осени из 1000 человек оставалось в живых 50—40.

Дядя Е. Мальцева, старик, за лето (речонка Пегелька, приток Васюгана) связал 500 крестов. Так ведь были и еще старики, которые тоже вязали кресты.

Одна старушка, оставшаяся в живых, из того же поселка на Пегельке рассказывала Е. М.:

— Упала на пенек, рассекла колено, гляжу: кость бела, а крови нету.

Мир знает, что такое ленинградская блокада, знает, сколько погибло в ней от голода. А сколько погибло народу в Сибири, хотя бы только в одном Нарымском крае, куда были сосланы земляки Е. М.?

Осенью оставшимся в живых на речке Пегельке разрешили переехать поближе к Оби.

Переехали. Начали корчевать тайгу и — велик же русский человек! — помаленьку начали вставать на ноги, зажили.

Это было в 1930 году, а в 40-м году всех мужиков этой деревни, в том числе бывших детей, которых в свое время, как тараканов, выбросили на весенний снег холодной Сибири, призвали в армию.

Вспомнили про муки свои, про жестокости? Отомстили? Свели счеты с Советской властью?

Нет. Ни одного случая предательства, ни одного случая дезертирства. На целый Каргосотский район, как рассказывал Е. М., начальник милиции этого района.

Вот кое-что из истории сибирских полков и дивизий, которые весь мир в 41-м потрясли своей храбростью и геройством и которые добыли первую победу в минувшей войне.

28 ноября 1978.

КАК ПЕРЕВЕСТИ НА ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК? (Из письма)

«Как здесь с продуктами? По правде сказать, очень плохо, правда, иногда масло выбрасывают... У нас в Верколе ничего нет, там даже и масла не выбрасывают...»

Поймет ли что-нибудь из этого отрывка иностранец? Не китайская ли для него это грамота?

Как понять? Нет масла в продаже, и в то же время его выбрасывают?

2 декабря 1978.

РАЗГОВОР С РЕДАКТОРОМ

— Сейчас нельзя печатать то, что печатали в 1969 году.

— Неужели? Но хорошо, что сейчас люди между собой говорят о том, что думают.

— Нет, опять уже не говорят. Снова боятся, замыкаются в себе.

— Значит, опять болезнь уходит внутрь.

2 декабря 1978.

НЕ ОЖИРЕТЬ БЫ

В блокаду, когда все умирали от голода, один из ответственных работников Смольного как-то в пьяном виде вспоминал, что он на лыжах вокруг Смольного бегал. Чтобы форму поддержать.

Известно также, как голодных людей вызывал к себе на доклад Жданов и при этом завтракал с зернистой икрой, апельсинами и пр. Не угощал. Деловой разговор — раз. А во-вторых, работы столько — за чаями разве сидеть. Каждая минута дорога. Блокада же...

16 декабря 1978.

УТЕШИЛ

В выступлении перед немецкими телезрителями Леонид Ильич сказал, что советские планы подъема сельского хозяйства в России рассчитаны до 90-го года.

1978.

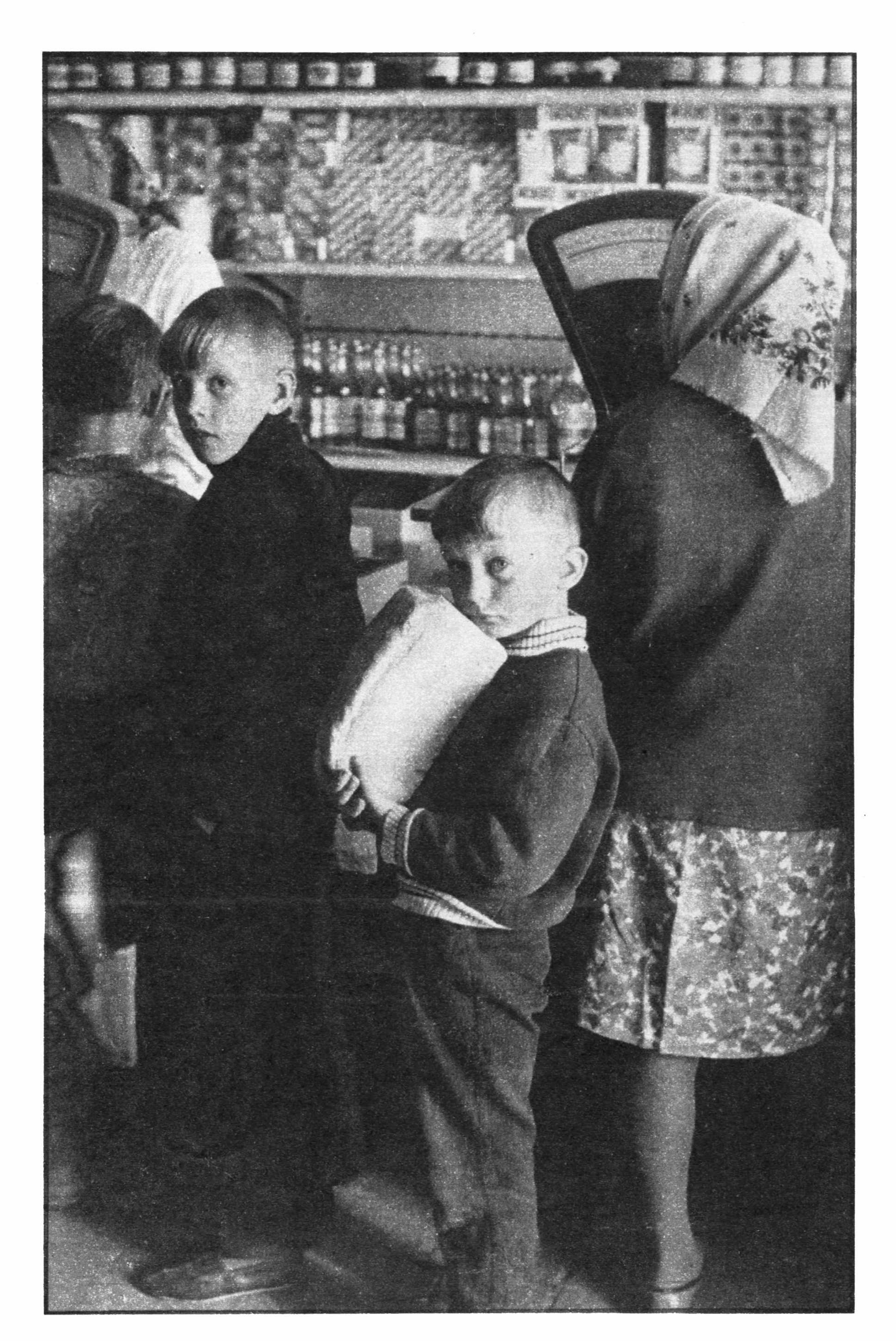
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РЕБУС

Кресты. Вместе с Петуниным, который в тюрьме свой человек (он даже какие-то статейки пописывает в их закрытом журнале), знакомлюсь с нынешними условиями содержания заключенных. Хожу по длинным, с железными решетками, коридорам, заглядываю в камеры.

Сопровождает нас Петров, человек умный, образованный, большой специалист по работе с несовершеннолетними правонарушителями.

И вот этот Петров в заключение говорит мне:

— Федор Александрович, не хотели бы Вы попытаться решить один психологический ребус? Угадать среди группы несовершеннолетних преступников убийцу, который жестоко, зверски убил на улице с целью грабежа одного пожилого рабочего?

Разумеется, я согласился.

Вскоре ввели заключенных. Ребята все наголо острижены. Вполне приличные, вежливые. Одни поугрюмее, потупее, другие с большой просветленностью в глазах. Но один паренек, самый маленький из них, меня просто очаровал. Светлоглазый, с застенчивой, плутоватой улыбкой.

В общем, я вглядывался, вглядывался в лица правонарушителей и наконец сказал:

— Я явно не гожусь в психологи. Одно могу только наверняка сказать по методу исключения. К убийству не имеет отношения самый маленький.

Петров с профессиональным удовлетворением иронически улыбнулся:

— Вы угадали. Убийца этот мальчик.

19 сентября 1972.

НА ЗАСЕДАНИИ БЮРО ОБКОМА

Назначается главный инженер железной дороги.

Тот отказывается от поста: не справится.

Толстиков 5—7 минут разъясняет ему задачи главного инженера, рассказывает, что надо делать.

Инженер, узнав, как надо работать, выходит.

Вслед за этим назначается директор совхоза. Опять 5—7 минут Толстиков разъясняет, как надо исполнять обязанности директора.

Вновь назначенный, уяснив, узнав, как надо исполнять обязанности директора, как надо работать, уходит.

И так Толстиков объясняет всем работникам, как и что надо. Все он знает, понимает. Назначаемые дрожат: справятся ли?

А Толстиков универсален. Толстиков все знает и объясняет за одно заседание существо работы по крайней мере 20 человекам.

2 февраля 1976.

РОМАНОВСКАЯ ТРАССА

Еду в такси. На Дворцовом мосту невероятное скопище легковых и грузовых машин, так как соседний мост лейтенанта Шмидта закрыт на ремонт.

В ожидании, когда наступит наш черед для въезда на мост, смотрю на Кировский и что же вижу: Кировский мост пустой — только трамваи да легковые машины изредка пробегают по нему.

Спрашиваю таксиста: что это за порядки?

Таксист, не глядя, машет рукой:

— Романовская трасса.

15 марта 1976.

ЗАВОД НЕ ОПРАВДАЛ СЕБЯ

В Ленинграде запустили завод по изготовлению бритвенных лезвий, построенный по лицензиям. Не оправдал себя. Расхищение на 2 миллиона рублей. А все потому, что лезвие ловко воровать. Любой работяга, как ни контролируй, сможет вынести пачку лезвий.

— Эх, дядя,— сказал племянник Борис,— а не пойти ли мне на этот завод? Хоть на месяц, на два. На всю жизнь за это время обеспечу себя лезвиями.

12 апреля 1976.

ШКОЛА КОММУНИЗМА

Я бы не удивился, если бы коттедж состряпал сам секретарь. Ну, мало ли бывает рвачей, прохвостов, шкурников! Понимаем же: ни одна организация, в том числе партия, не застрахована от них.

Так нет же: с разрешения, с соизволения области делалось. Утверждалась смета, подписана. Деньги... И вот это страшно. Областные организации, обком либо не знают ничего, не понимают людей, либо циничны до предела: а наплевать, что скажут.

20 рублей получает колхозница пенсии. А секретарю воздвигается тысяч в 50 коттедж...

Давно кончились те времена, когда партийные работники работали во имя идеи.

— Теперь жрать, жрать подай... Удельный князь... Ходит. Совести нет. Не стыдно.

В том же райцентре. Специалистам отказывают, учителей из города не спрашивают: негде жить. Все чердаки заняты. А тут воздвигается коттедж. Говорят даже, плакат был: «Народная стройка».

Как руководить? Об этом только и говорят. «Школа коммунизма».

А кто живет? В прошлом — парень деревенский.

18 ноября 1976.

ОДИН ИЗ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Окончил Политехнический институт. Хорошо окончил. Был комсомольским активистом.

И какова цель? Стать зам. министра или министром. Ради этого пойдет на все. Если надо, вступит в партию.

Но почему именно зам. министра или министром?

Для того, чтобы пользоваться всеми общедоступными советскому человеку благами.

Почему должен кто-то другой пользоваться ими, а не он?

«Хочу взять от жизни все». Может быть, из какой-либо карьеристской семьи? Нет, семья самая простая, многодетная. Из провинции.

Впрочем, что же удивительного, что молодой парень мечтает о такой карьере? Ведь министр — самый уважаемый человек в советском обществе.

А живет? Писатель Б. рассказывал, как он был в поселке под Москвой (Лесные поляны — Заветы Ильича), где живут зам. министры союзного значения. А министры все покупают по ценам 26-го года. На 30 рублей можно прокормить семью.

22 февраля 1970 г.

СПЕКТАКЛИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Нескончаемые потоки людей, лес знамен, портреты вождей, транспаранты, ликующие лица демонстрантов, музыка...

Какое удивительное зрелище! Какая незабываемая демонстрация единства народа с властью!

А на самом деле грандиозный спектакль, заранее организованный и продуманный до мельчайших деталей.

Все правофланговые — коммунисты, все знаменосцы утверждены в райкомах и оплачены, носители портретов тоже не задаром стараются: 5 рублей и более получай, в зависимости от размеров портрета. И так далее и тому подобное.

Апрель 1979.

И НОВОДЕВИЧЬЕ

Правительственный санаторий. Сказочная кормежка. Раскормленные чиновники и их жены, все одинаковы, похожие друг на друга, будто отштампованные машиной.

Излюбленная тема разговора — перемещение по службе, выгоды той или иной должности. Порой разговор принимает характер курьеза. Так, однажды один чиновник, с завистью говоря о повышении N., стал перечислять вслух те блага, которые положены ему по новой должности:

— Дача, квартира повышенной комфортабельности, Кремлевка (паек) и ...Новодевичье.

Последнее было сказано на полном серьезе и не вызвало ни малейшей усмешки у собеседников.

Все, все расписано в табели о рангах. В том числе — где, на каком кладбище хоронить.

6 сентября 1981 г.

ТРАВА-МУРАВА

МУХОМОР

— Не пинай, не пинай.

— Да это же мухомор! Чего жалеть?

— А для меня это самый дорогой, самый любимый гриб.

— Да ты шутишь!

— Нет, мухомор мне спас жизнь. Во время войны (в Белоруссии) наша семья — мать, брат, сестра и я (отец был на хуторе убит) — попала в концлагерь. Там из всех детей немцы кровь выкачивали. Лучшая кровь для переливания. Кровь выкачивали, дети и умирали. Нас спас двоюродный брат, подросток. Всем нам натер тело мухомором. Боли ужасные. Кожа распухла.

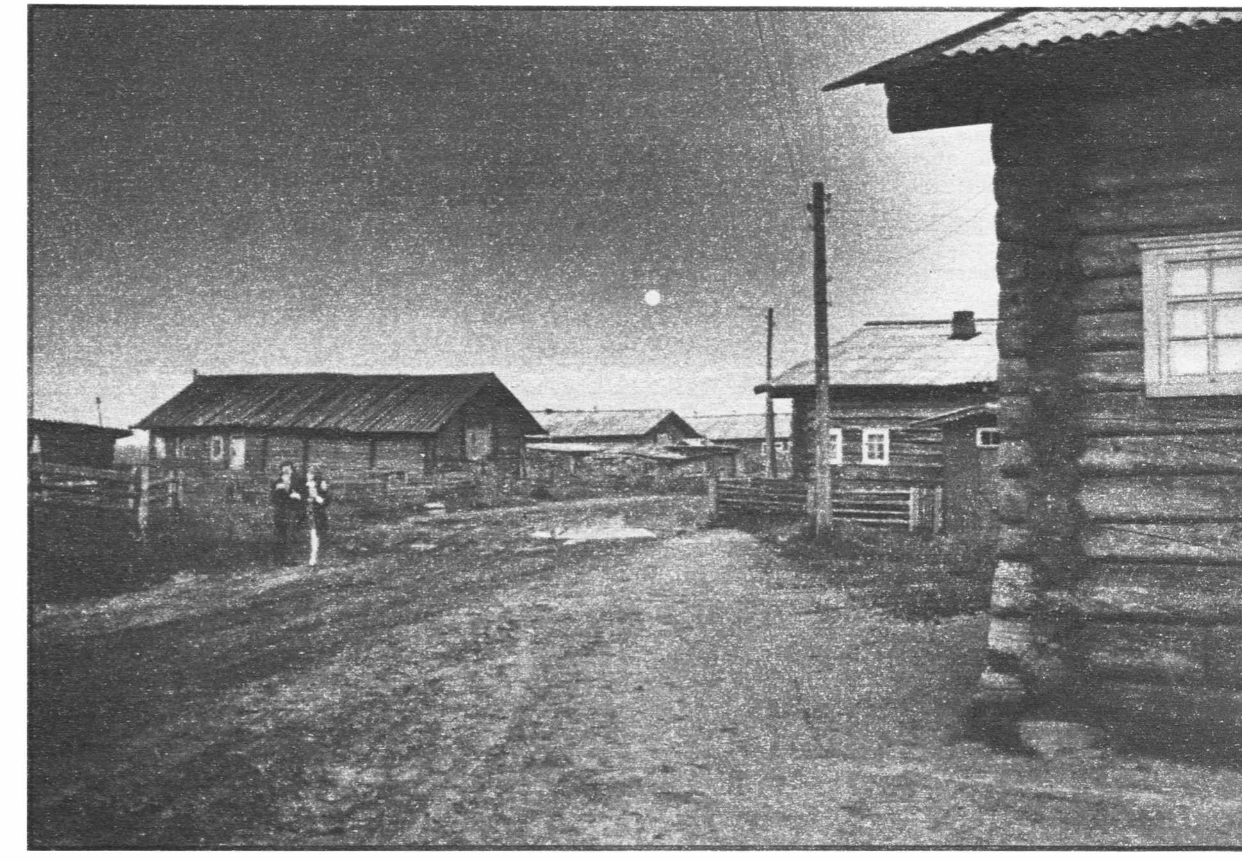
Ну, немцы нас и забраковали:

— Коростен, коростен.

Конечно, нас бы уничтожили. Но немцам помешали наши. Освободили.

С тех пор я больше всего люблю из грибов мухомор, гриб-спаситель.

1981.

БУМАЖКИ

Шел 1938 год. Жена ходатайствовала об освобождении незаконно арестованного мужа. Но никак никуда пробиться не могла, никто ее не принимал. И вот однажды ходила она по коридору учреждения, искала, к какому еще начальнику обратиться.

Зашла в комнату: сидит молодая секретарь-машинистка. Вдруг окно распахнулось, ветер подул, и сдуло все бумажки со стола. Девушка в отчаянии стала их собирать. Пришедшая женщина ей помогла — лазала под столы и стулья. Все подобрали. Никто не успел заметить непорядка.

Девушка в благодарность устроила ей прием у начальника, да еще слово замолвила. Мужа ее и освободили.

Так рассыпавшиеся бумажки спасли мужа.

1983.

СОВЕСТЬ

Сереже Коровину в семнадцать лет, сразу после десятилетки, доверили новенький грузовик. Председатель колхоза Гордей Павлович, вручая машину, сказал напутственно:

— Ну, Серега, цени: на свой страх и риск сажаю тебя за рулевой штурвал. И ежели что случится, запомни: мне решка.

— Не подведу, Гордей Павлович. Будьте спокойны! — заверил Сережа, и целый месяц люди нахвалиться не могли парнем.

А потом первая получка с выпивкой, лихая прогулка с дружками на машине по деревне и авария: врезались в телеграфный столб.

Той же ночью Сережа повесился.

Гордей Павлович пережил его не надолго — на месяц: замучила совесть. «Я, я виноват, что парень петлю на себя накинул. Я запугал парня. Машина... Да я все пять колхозных грузовиков сам разбил бы, лишь бы Сережка жив был».

У Гордея Павловича было свое семейное место на кладбище, но в прощальной записке он попросил положить себя рядом с Сережей.

1981.

ГЛАЗА В ГЛАЗА

Николай ПАНЧЕНКО

ВОРОБЬИ

На дороге, у Тарусы,—
Провода,
на них, как бусы,
Греют спинки воробьи.

Греют косточки, щебечут,
Взгляды остренькие мечут
Вдоль навозной колеи.

Хорошо на солнце греться,
Если есть во что одеться,
И весна недалека.

Светит небо, блещут дали,
Все дымки — по вертикали —
Подпирают облака.

Дай нам солнца, дай нам пищи,
Дай нам, Господи, весны,
Нищим всем и этим нищим
Дай безмытορные сны.

Чтоб крылом крыла касались,
Не касаясь кутерьмы,
Чтоб — глаза в глаза — спасались
От зимы и от тюрьмы.
1961

* * *

Простое дело — медный грош.
А он непрост: он вынет душу.
Как щепку, вынесет на сушу
Меня такая простота,
Где шум колес и глухота,
Где нет для голоса опоры.

Простое дело — строим норы,
Простое дело — спим в норе.
И носим в качестве опоры
Простое дело в кобуре.

Я изнемог от глухоты,
От этой множественной скуки,
Где первый звук разбит на звуки,
Где цвет разложен на цвета,
Где слово первое у рта
Познало пагубу распада.—
Простое, как шипенье гада,
Уже не вынесут уста...
1967

ПОСЛАНИЕ УЧЕНИКАМ

Сдирай скорлупки,
добывай ядро,
Мой мальчик, девочка,
Мой гений,
Мой уродец.

Который раз
Бросаю, как в колодец
На тощей ниточке тяжелое ведро.

Губами губы и бедром бедро
Осуществляй —
у волка и у вора,
У черного скрипучего забора —
До соли, до занозы на губах,
До боли, до оскомы на зубах.

Пока не воспротивится основа
Явленьем смысла
И рожденьем слова —
Живи на грубой терке бытия.

Чтоб кровь, как кровь,—
Не карточная черва...
Я тоже стерся до живого нерва —
И боль моя
Как исповедь моя.
1968

***

Каждый, мой свет, получает свое:
Плотник — топор,
Душегубец — ружье,
Кормчий — корму и послушный
штурвал,
Истинный гений —
То взлет, то провал.
Истинный клоун — то слезы, то смех.

Я получаю
За все и за всех,
Я принимаю свое-не-свое:
Лес без зверья
И в придачу ружье,
Крышу без дома, топор без бревна,
Робкую душу, что вечно черна.
1989

* * *

С деревьев листья потекли,
А ветра нет как нет.
От притяжения Земли
С деревьев листья потекли,
Освобождая свет.
Он желто кружится вдали —
Болезненный, как бред.
С деревьев листья потекли,
А ветра нет как нет.
1989

Владимир РЕЦЕПТЕР

«РОЗА И КРЕСТ» ВО ПСКОВЕ

Помнишь Смирнова?.. Это Смирнов
выковал черночугунную розу,
чтобы вручить дебютантке. И Псков
«Розу и Крест» проглотил,
как глюкозу.

Он же сковал титанический крест,
что над могилой Ахматовой поднят.
Он — прожигатель и князь этих мест,
что оборону изборскую помнят.

Там, в деревенской его мастерской,
в пору пришлись самогон и
консервы,
и у Смирнова под твердой рукой
приняли форму и страсти, и нервы.

Роза и Крест. Или Питер и Псков.
Новые символы долга и жизни.
Ты-то готова, да я не готов
к новой любви и двойной укоризне...

Псковские рыцари смотрят в упор.
Тайно в партере грустят
псковитянки.
Пуст магазин и безвыходен спор
драмы и быта, смычка и шарманки.

Благослови эту сцену за то,
что рисковала откликнуться Блоку.
Радость в худое лилась решето
и не считала ни долга, ни проку.

Благослови эту землю, Господь.
Дай псковитянам наесться досыта.
Снова российская стиснута плоть,
дабы душа отрывалась от быта.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

1

Дирижируй, мой друг, дирижируй,
в черном космосе властно пари
над судьбою, беспутной и сирой,
над обидой, застрявшей внутри.

Два оркестра сведи воедино,
ради музыки новых времен,
здесь подходит любая причина,
кроме наших с тобой похорон.

Окрыляйся, лети и не падай,
жизнь слепа, забывай обо всем!
Не терзайся ни пошлой «Декадой»,
ни своим незаконным сынком.

Дирижируй и с Богом беседуй,
материнской могиле клянясь,
вставить зубы, подшиться
«торпедой»,
узаконить последнюю связь.

В белом фраке и в бабочке белой
головой поводи смоляной
над отчизной своей очумелой,
над разорванной в распрях страной...

2

Мы видим друг друга во сне,
разорваны жизнью порознь.
Товарищ, не плачь обо мне,
ведь будущее грандиозно.

Когда мы пройдем коридор
и встретим отцов с матерями,
какой безупречный простор
откроется вдруг перед нами.

Так ясно вокруг и светло,
и сброшены наземь недуги;
так радостно нам ремесло,
и молоды наши подруги.

* * *

Теченье дня сильнее дневника
и сносит все подробности потоком.
И типовым сниженьем потолка
повязан ты, и неоткрытым сроком.

Какая скука правит этим днем,
какое надругательство над веком...
Не дернемся, не крикнем,
не рискнем,
в отсидке по своим библиотекам...

Все отдано на произвол гитар,
виолончель гудит осиротело.
В гостинице «Россия» был пожар,
а до него блудила, как хотела.

О чем грустить и думать для чего —
все правила развешаны по стенам,
строчи, поэт, об опыте бесценном
из прозябанья делать торжество.

Прощай, надежда! Я тебя зову
другими именами. Только жалость —
шестое чувство — зябнет наяву,
все остальные будто разбежались.

Кто в будущем поплатится у нас,
как стрелочник, кто захлебнется
болью
за то, что в коммуналке свет погас,
и нет конца голодному застолью?..
1980

* * *

О, Господи, прости мне Прагу,
прости бессилие и страх,
и то, что я костьми не лягу
на ленинградских площадях.

Прости мне, Господи, поступки,
которых я не совершал;
я был лишь содержимым ступки,
не я толок, не я мешал.

О, Господи, прости мне эту
судьбу, не избранную мной,
и дай надежду кануть в Лету
с неотягченною душой.
1968

ОГОНЁК

ОТ ЭЙЗЕНШТЕЙНА ДО ТАРКОВСКОГО

РЕЖИССЕРЫ РИСУЮТ

Всемирно известный киноэкспериментатор Лев Кулешов утверждал, что, если режиссер не умеет рисовать, он не может создать и хорошее кино. Звучит категорично, однако известно, что многие режиссеры, прежде чем снимать, изображали на бумаге или холсте весь будущий фильм. И порой эта сторона их творчества представляет самостоятельную ценность.

Рисунки одиннадцати советских мастеров кино выставлены в Мюнхене, в галерее «Ленбаххауз», известной самым большим на Западе собранием живописи и графики Василия Кандинского.

Организовал выставку директор западногерманской компании «Бриджез интернэшнл» («Международные мосты») Игорь Ясенявский. Спонсором ее стала фирма «Люфтганза».

Одиннадцать режиссеров. Сергей Эйзенштейн, Александр Довженко, Лев Кулешов, Андрей Тарковский, Сергей Параджанов, Владимир Наумов, Александр Митта, Реваз Эсадзе, Резо Габриадзе, Юрий Ильенко, Игорь Минаев.

Рисунки Эйзенштейна известны почти так же хорошо, как и его киношедевры. Лев Кулешов до прихода в кинематограф учился в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, некоторое время работал театральным художником. Довженко тоже начинал как художник. В 1949 году он написал: «Я и сейчас убежден, что, получи я правильное воспитание и образование, я был бы более мощным художником в живописи, чем в кино...» Конечно, не следует воспринимать слова мастера буквально. Возможно, эта фраза вырвалась у него в минуту отчаяния и усталости от постоянного контроля «лучших друзей кинематографа».

Пожалуй, ни одного участника выставки не обошли стороной гонения во времена всеохватывающей цензуры и тотального контроля государства за творчеством. Испил эту чашу и Сергей Параджанов. «Дуня — обвинительница» — одно из полотен целой галереи коллажей, живописных работ, графики, созданной режиссером в период заключения в лагере. На фоне унылого барачного пейзажа — цветущее, торжествующее в своей посредственности лицо. Резкий контраст цветов рождает ощущение вопиющего несоответствия казенного оптимизма и действительности.

Вместе с Параджановым начинал свой путь в кинематографе Юрий Ильенко. Он был оператором «Теней забытых предков», потом сам поставил прекрасные фильмы «Вечер накануне Ивана Купала» и «Родник для жаждущих». (Оба двадцать лет пролежали «на полке».) Сейчас Ильенко снимает фильм «Зона» по сценарию Параджанова. Готовясь к съемкам этой картины, он объездил места «перевоспитания» Параджанова.

Впервые представлены зрителю работы Андрея Тарковского.

Здесь же картины знаменитых грузинских мастеров — сценариста и кукольника Резо Габриадзе и режиссера Реваза Эсадзе, а также философская графика Владимира Наумова.

Еще один участник выставки, кинорежиссер Александр Митта, говорит о своих рисунках:

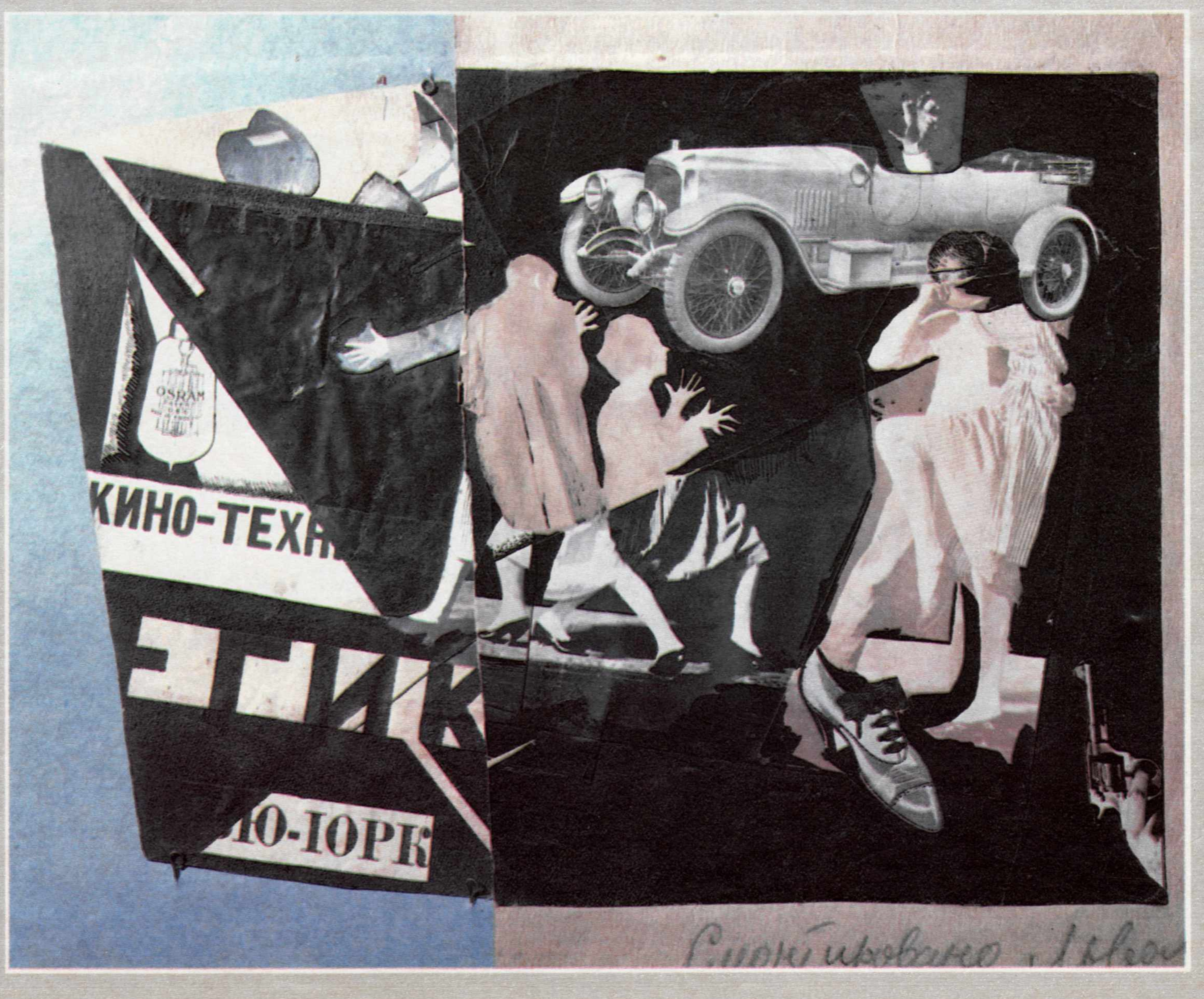
— В кино очень много расчета, и моя потребность в импровизации, в свободе воображения не реализуется через фильм. Мои рисунки — импровизации. Рисуя, я напоминаю самому себе, что я не бухгалтер, не инженер, не расчетливый конструктор, а художник... То, что я решил показать на этой выставке, относится к теме «Зеленое сознание». Мне хотелось выразить в пластике идею единой души всего живого, будь то растения, животные или люди. При этом я, как и в фильмах, использую традиционный и презираемый профессионалами аллегорический ряд...

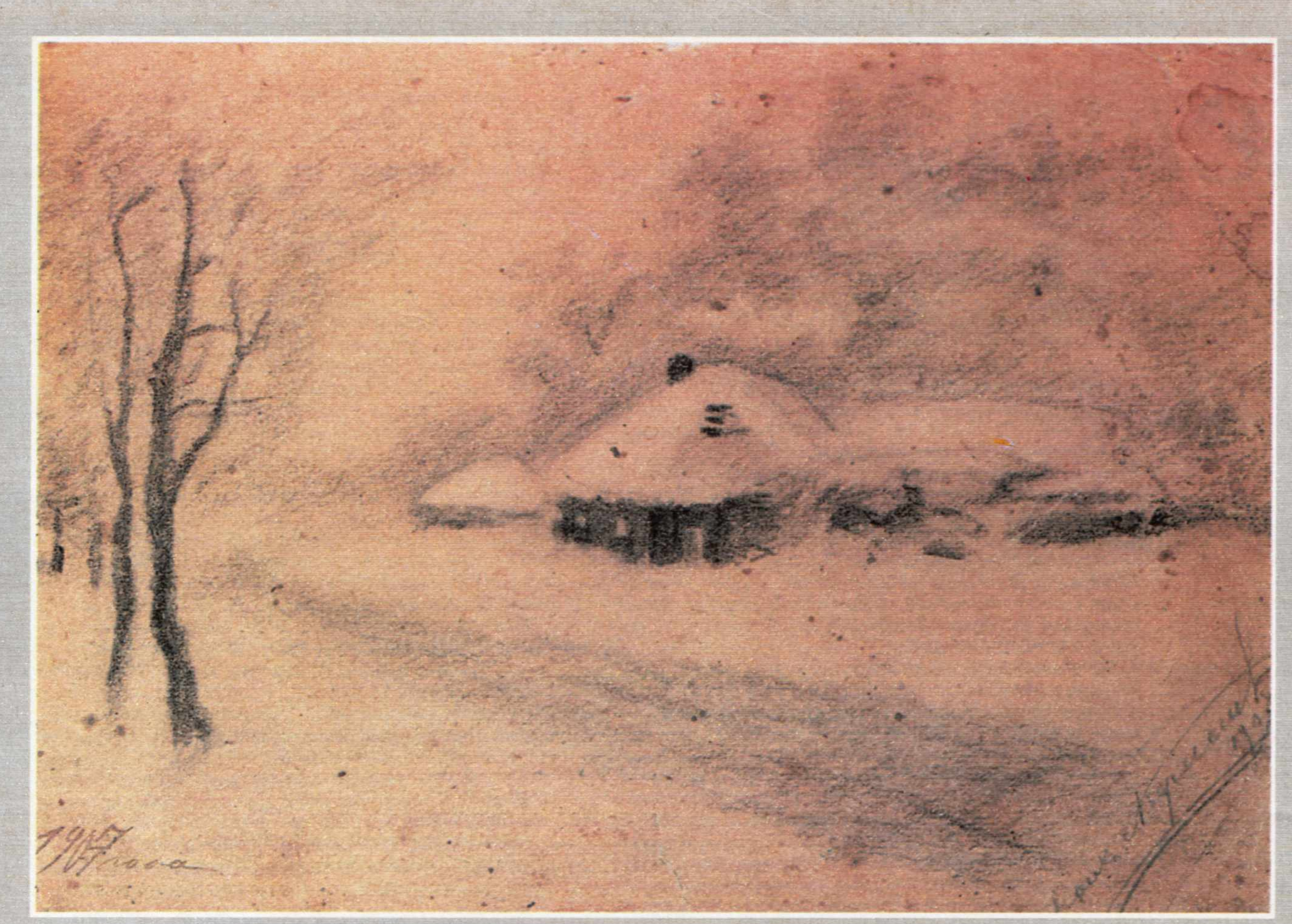
И, наконец, самый молодой участник выставки — Игорь Минаев. Он снимает на Одесской киностудии, а живет... в Париже. То, что невозможно было представить еще совсем недавно, сейчас реальность.

Итак, выставка открылась в Мюнхене. Будем ждать ее у себя дома.

Евгений ВОЛКОВЫСКИЙ

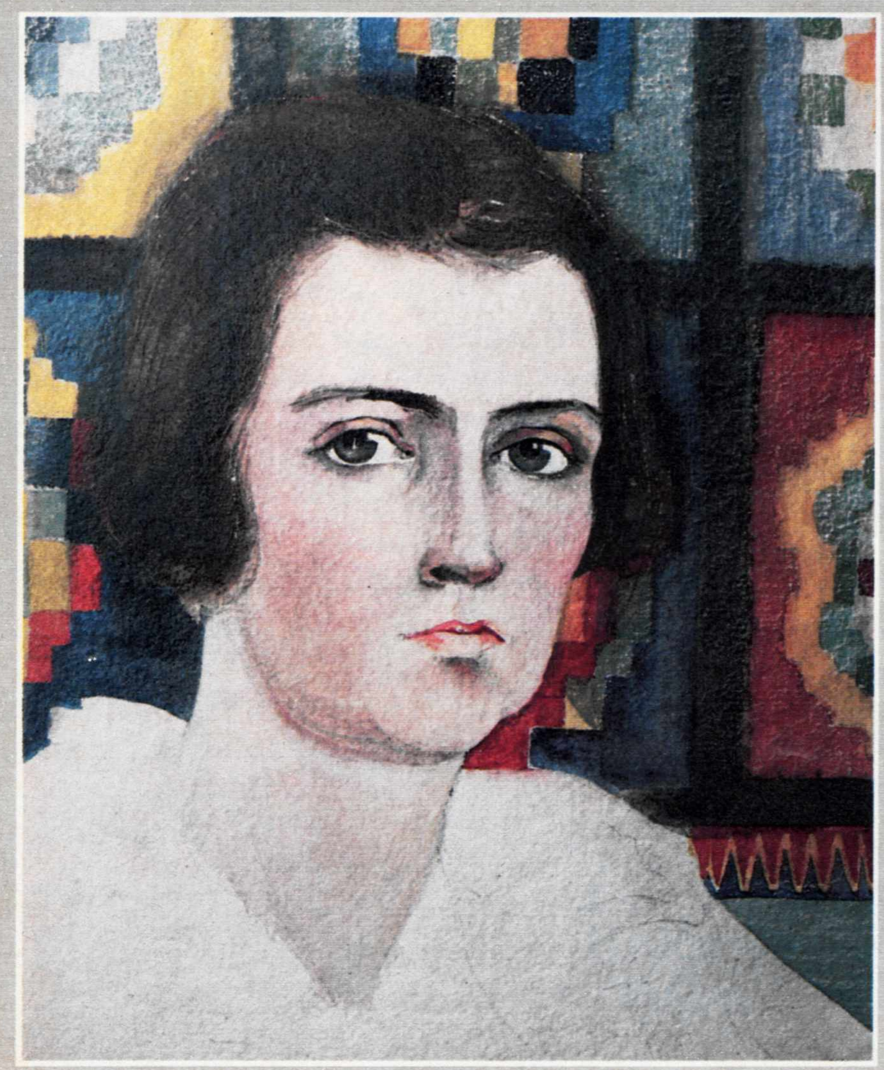
Лев Кулешов.
ФОТОКОЛЛАЖ, 1923.

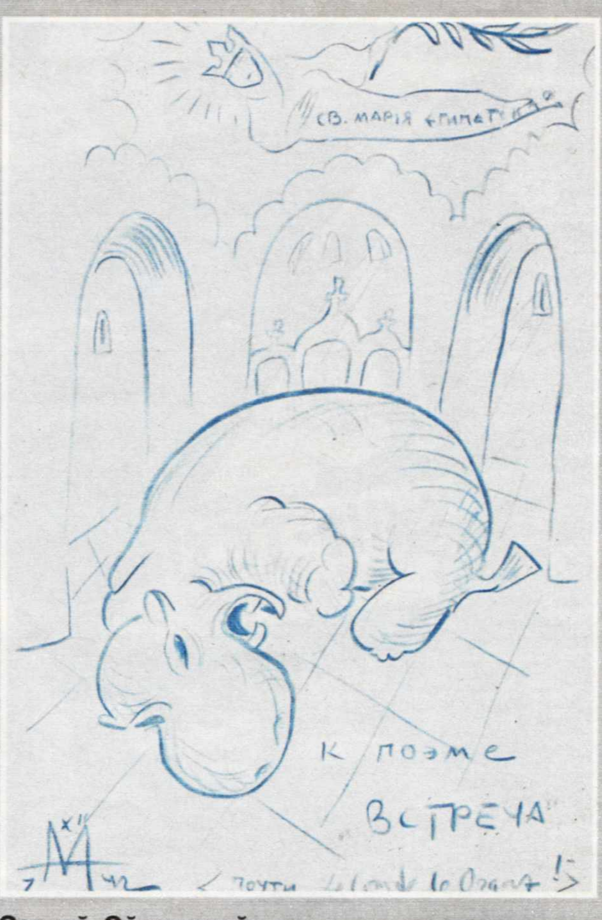

Лев Кулешов.
РИСУНОК, 1907.

Александр Довженко.
«ПОРТРЕТ ЖЕНЫ», 20-е годы.

Сергей Эйзенштейн.
«ВСТРЕЧА», 1942.

Сергей Эйзенштейн.
«АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО — СОЛДАТ РЕВОЛЮЦИИ».

Сергей Эйзенштейн. «СОН ФАВНА», 1944.

Андрей Тарковский.
«ЦЕРКОВЬ ИЗ ОКНА», 1958.

Андрей Тарковский.
«АБСТРАКЦИЯ», 60-е годы.

Сергей Параджанов.
«АВТОПОРТРЕТ С СОБАКОЙ», 1976.

Сергей Параджанов.
«ПОРТРЕТ БЫВШЕЙ ЖЕНЫ», 1976.

Сергей Параджанов.
«ДУНЯ — ОБВИНИТЕЛЬНИЦА»,
1972.

Резо Габриадзе.
Эскизы к фильму.
«СНЫ КОДЖОРСКОГО
ЛЕСА», 1979.

Резо Габриадзе.
Из серии «ШЕРЕКИЛИБИ», 1976.

Реваз Эсадзе. «НАСТАВЛЕНИЕ МЛАДШЕМУ СЫНУ», 1976.

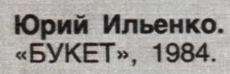

Реваз Эсадзе.
«ТРАКТОРИСТ ГОГИ», 1979.

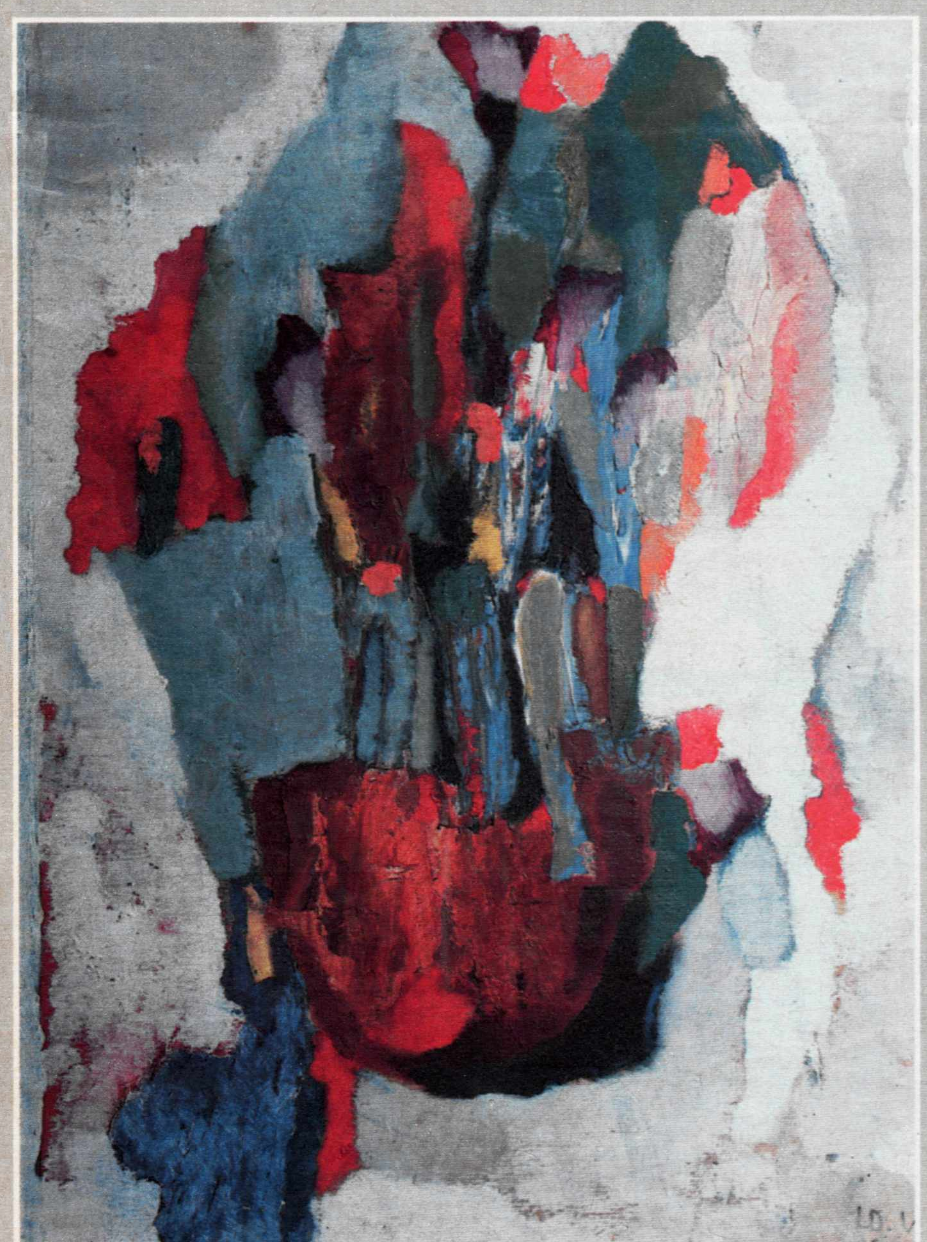

Резо Габриадзе. Эскиз к фильму «СНЫ КОДЖОРСКОГО ЛЕСА», 1979.

Игорь Минаев.
«ЭТЮД С КНИГОЙ», 1985.

Юрий Ильенко.
«БУКЕТ», 1984.

Игорь Минаев. «ДЕСЕРТ», 1987.

Владимир Наумов.
«ЧЕЛОВЕК И СОБАКА», 1982.

Александр Митта.
«СИНЕЕ СОЗНАНИЕ», 1988.

Александр Митта.
«ЗЕЛЕНОЕ СОЗНАНИЕ», 1988.

ДАЧНЫЕ ПРИВИЛЕГИИ ПРИ СВЕТЕ ГЛАСНОСТИ

Многое на своем веку пришлось повидать военному городку в подмосковном поселке Архангельское. Как, собственно, и большинству таких поселков и городков. Неустроенность и неудобства, вечный дефицит самого необходимого и неуют; проблемы, проблемы... Социальные и бытовые — всевозможные. Ухабы и разбитый всмятку асфальт на грязных дорогах, теснота в школьных классах, хроническая нехватка рабочей силы на строительных объектах, которые в течение многих лет не могут достроить, переполненные детские сады...

К новому, 1990 году подоспели новые беды. Не сдано в срок общежитие для медработников — медики, видно, еще долго будут на правах бедных родственников. Затягивается ремонт музея. Неизвестно, когда в поселке будет клуб и будет ли. Нет Дома пионеров, помещения для работы с подростками, места для совета ветеранов, а их в поселке довольно много.

Думаете, забыло об этом поселке высокое начальство? Отнюдь. И именно поэтому и приобрел он известность. Печальную.

Прошло несколько лет с тех пор, как закрылись здесь ворота за последним посетителем известного на всю страну музея-усадьбы. И постепенно, одна за другой, стали появляться усадьбы иные — принадлежащие высокопоставленным должностным лицам Министерства обороны СССР, к ведению которого относится этот военный городок.

Великолепные коттеджи в «Дачной поляне», Горках-6, Барвихе вырастали на сказочных заповедных землях с невероятной для нашей страны скоростью. Укоризненные взгляды соседей, измученных бытовой неустроенностью, недовольство жителей поселка в расчет не брались. «Стремление строить в заповедных местах комфортабельные «виллы» и «дворцы» за народные средства,— говорится в письме в КНК СССР генерал-майора в отставке Г. Козлова и заместителя секретаря территориальной партийной организации поселка полковника запаса М. Савченкова,— стало у руководства Министерства обороны обязательным приложением к должности, что проявляется всякий раз при смене руководства».

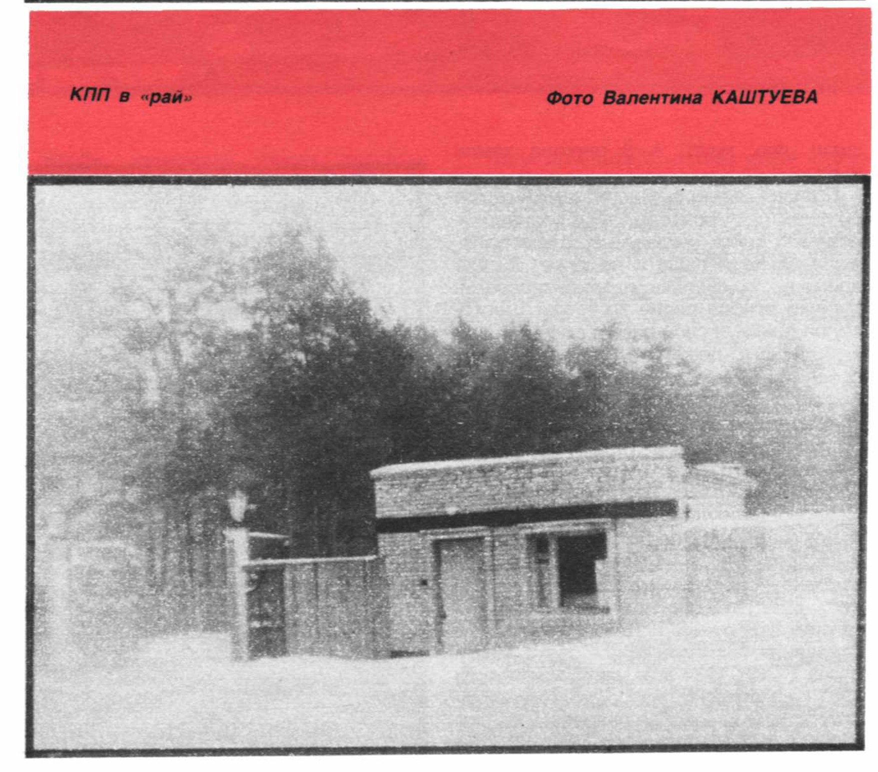
Именно по этому поводу в ряде центральных и местных газет опубликовано несколько критических статей. С осуждением дачной эпопеи выступило телевидение.

Откликаясь на газетные публикации, житель Молдавии, бывший военнослужащий А. Клушин, в обращении к председателю Комиссии Верховного Совета СССР по рассмотрению привилегий спрашивает: "Где же социальная справедливость? Где совесть у этих чиновников? Строить себе дачи за государственный счет на сотни тысяч рублей, когда в это же время подчиненные находятся в нищенском положении... Эти люди за все должны ответить по закону». Много возмущенных писем на эту тему пришло в центральные советские и партийные органы, в Комитет народного контроля СССР.

По поручению руководства с некоторыми из них пришлось иметь дело и мне. Пришлось поездить, проверить и своими глазами увидеть те злополучные объекты, называемые госдачами, из-за которых, собственно, и поднялся такой шум, не утихающий до сих пор. Хотя, казалось бы, этот вопрос окончательно решен на заседании упомянутой Комиссии Верховного Совета СССР.

Да и в Министерстве обороны сделаны некоторые шаги в сторону признания допущенных ошибок: поселку обещаны социальные преобразования, провозглашена передача детскому саду одного из построенных особняков, прекращено беспрецедентное по нахальству бесплатное строительство силами военно-строительной организации личной дачи в центре поселка, предназначавшейся офицеру одного из престижных управлений министерства Г. Молчанову.

КПП в «рай» *Фото Валентина КАШТУЕВА*

Но люди хотят большего. И обоснованно. Хотят знать о строительных махинациях всю правду, а не часть ее. Хотят знать пофамильно всех виновных в этом и в лицо. Хотят видеть воочию владельцев дач. Даже намерены встретиться с ними для честного, откровенного разговора — только те почему-то к этому не очень стремятся. И, наконец, познакомившись с проектом платформы ЦК КПСС, которая выступает против «любых незаконных привилегий и льгот, за полную гласность в этом», они хотят знать, что за привилегии такие предоставлены советским генералам, если им позволено иметь не только бесплатные дачные усадьбы, но и прислугу, охрану. А может, и еще что-нибудь.

Люди пишут и пишут. В ответ — молчание. Поскольку мне уже приходилось прикасаться к этой теме, позвольте поведать о волнующей тайне привилегий этих высокопоставленных товарищей и заодно поделиться собственными наблюдениями на сей счет.

Итак: история этого вопроса в Министерстве обороны берет начало еще в довоенные годы, когда укреплялись бастионы сталинской административно-командной системы и авторитаризма, в том числе и в Вооруженных Силах. В 1941 году постановлением СНК СССР было разрешено из сметы Народного комиссариата обороны выделять по 5 тысяч рублей в современном денежном исчислении ежегодно на содержание дач для командующих войсками, начальников штабов и управлений политпропаганды ряда военных округов и Дальневосточного фронта.

В 1946 году очередным постановлением правительства эта льгота была распространена на все военные округа и группы войск. А через четыре года распоряжением Совмина СССР разрешено расходовать по полторы тысячи рублей в год на содержание и обслуживание дач, закрепленных за семьями погибших и умерших маршалов и генералов. С 1954 года по указанию Маршала Советского Союза Н. Булганина по 5 тысяч рублей стали выделять на каждую дачу таких же должностных лиц всех флотов.

В 1956 году тогдашним министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым расходы на содержание дач в округах уменьшены до 2 тысяч рублей в год. И, по постановлениям Совета Министров СССР 1960 и 1962 годов, по 5 тысяч было разрешено выделять на содержание дач освобожденных от занимаемых должностей Маршалов Советского Союза А. М. Василевского, А. И. Еременко, Г. К. Жукова, И. С. Конева, В. Д. Соколовского, С. К. Тимошенко, К. К. Рокоссовского, Ф. И. Голикова.

В дальнейшем разовыми распоряжениями Совета Министров СССР 1964, 1977, 1979, 1981 и 1985 годов круг лиц, пользующихся этими привилегиями, расширялся. При этом для содержания дач Маршалов Советского Союза выделялось по 5 тысяч рублей, а всех остальных — по 3.

Из этого экскурса в прошлое видно, что никакой правовой регламентации данного вопроса у нас в стране нет. И вовсе не обязательно расходовать народные деньги по постановлениям правительства — можно и по разовым распоряжениям. А можно и по решениям начальства. Например, в 1978 году по указанию тогдашнего Председателя Совета Обороны Л. И. Брежнева сумма дотации начальнику Главного политического управления повышена с 3 до 5 тыс. рублей, а в 1989 году такая же сумма для содержания дачи генерала армии П. Лушева установлена Министерством обороны СССР.

Видно и то, что с 1964 по 1985 год число лиц, пользующихся такими привилегиями, заметно увеличилось. Скла-

дывалось впечатление, что очень боялись обидеть кого-нибудь из высоких армейских и флотских чинов. Поэтому всем — по даче. И деньги на ее содержание.

Сейчас только в Московской области 73 таких дачи, где практически бесплатно проживают руководители центрального аппарата Министерства обороны СССР, семьи умерших генералов и маршалов, на содержание которых ежегодно расходуется до 300 тысяч рублей и более. А в других округах, на флотах, видах войск? А всего по стране? Пока никто не считал...

Помимо денежных расходов — немалое отвлечение трудовых ресурсов. Это — гражданское население, военнослужащие срочной службы, прапорщики и офицеры. Согласитесь, как на такой даче обойтись без охраны, кочегаров, сантехников, шоферов, ремонтников, связистов? И тем более без сестры-хозяйки, дворника, садовника? И всем надо платить...

В 1981 году распоряжением правительства было установлено, что если расходы по содержанию дачи превышают 3 тыс. рублей, то остальное доплачивает лицо, пользующееся дачей. Этот порядок в Министерстве обороны СССР грубейшим образом нарушался. При составлении сметы расходов, которая утверждалась министрами обороны, учитывали только оплату коммунальных услуг и зарплату части персонала — чтобы уложиться в сумму дотации. Все остальные затраты относились на смету Министерства обороны по другим статьям расходов, и тому, кто пользовался дачей, ничего доплачивать не приходилось.

А сколько тратится на капитальный ремонт этих дач? Реставрационные и прочие работы? Это отдельная строка в сметах министерства.

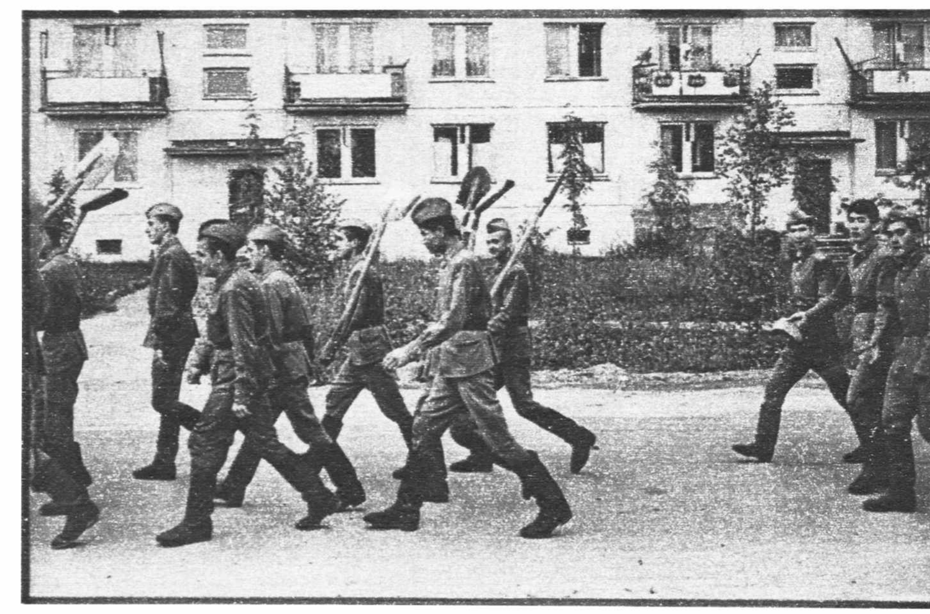
Общественные здания в том же Архангельском ждут ремонта десятилетиями, жилья офицерам и прапорщикам не хватает — видимо, гораздо важнее поддерживать в постоянном блеске и великолепии начальственные дачи.

Вот документ от 31 мая 1989 г., подписанный начальником Главного квартирно-эксплуатационного управления Минобороны генерал-лейтенантом Н. Грязновым и другими и утвержденный замминистра по строительству и расквартированию войск генерал-полковником Н. Чековым. Со ссылкой на распоряжение Совмина СССР 1981 г. (к нему мы еще вернемся) предлагается для четырех дач высокопоставленных начальников построить теплицы, бассейн, котельную, ограждения и так далее — на сумму около полумиллиона рублей. За счет средств, выделенных на... капитальный ремонт. В 1988 году при реконструкции и ремонте только одной дачи, закодированной как «Объект № 10» (по официальным документам), перед поселением в нее главного инспектора Министерства обороны генерала М. Сорокина собирались израсходовать свыше полумиллиона рублей. Только поднявшийся вокруг этого скандал и жалобы граждан заставили сократить расходы до 343 тыс. рублей. 341 кв. метр площади, девять комнат — на семью-то! Мрамор, гранит, ореховый шпон, лес, пруд, 2, 3 гектара земли и пр.

Бывшая дача бывшего замминистра обороны по строительству и расквартированию войск маршала Н. Шестопалова была не меньше и не хуже. В свое время ее, не скупясь, отремонтировали. Однако вскоре после того, как Шестопалов покинул свой пост и сменил дачу, его детище, прежнюю, снесли. Чтобы освободить место для строительства в самом живописном уголке Горок-6 еще более красивой и дорогой — дачи, объекта, которому в настоящее время присвоен номер «1». Кто будет праздновать в ней столь дорогое новоселье? Наверное, государственная тайна...

Документ за подписями Н. Чекова и Н. Грязнова заверяет нас, что все законно и никаких нарушений нет. Из него следует, что все строительство дач на сказочных полянах ведется на основании распоряжений Совета Министров СССР 1964 г. и уже упомянутого 1981 г., согласно которым Министерству обороны якобы разрешалось построить в пос. Архангельское 35 слу-

жебных дач для высшего командного состава стоимостью 45 тыс. рублей каждая. На 1 июня 1989 года построена 31 дача. А из бухгалтерии заказчика нам сообщили, что стоило это удовольствие 3,7 миллиона рублей. Какие уж тут секреты — все видят все это и знают. Это раньше было секретом от народа и контрольных органов. От того же Совмина, который издал распоряжение, а проконтролировать, как оно выполняется, забыл.

А если бы не забыл, то увидел бы, что им просто прикрываются в расчете на абсолютную бесконтрольность. В распоряжении 1964 года нет ни слова о разрешении на строительство дач. А в более поздних решениях дано согласие на строительство в одиннадцатой пятилетке генералам армии, маршалам родов войск и адмиралам флота до 35 служебных дач стоимостью 40—45 тыс. рублей каждая (кроме стоимости мягкого инвентаря и посуды). Строительство служебных дач производить в пределах норм жилой площади и размеров земельных участков. Заметим, разрешено построить не 35, как пишут тт. Чеков и Грязнов, а «до 35 дач». И не в наше, до предела экономически напряженное время, а в «одиннадцатой пятилетке», когда с бюджетом было чуть полегче и страну не будоражили кризис и дефицит...

Хотя и в одиннадцатой пятилетке все было не так гладко. Хотя время и было застойным, но какие-то порядки все же существовали. Надо было укладываться в 45 тыс. рублей. Но контроль тогда был еще более слабым, чем сейчас. При фактической проверке нами с участием бывшего заместителя начальника КРУ Минфина СССР М. Стаханова 26 января сего года на месте представителями квартирно-эксплуатационного управления г. Москвы и административно-хозяйственного управления Министерства обороны была предъявлена не 31 дача, как говорилось в документе, а всего 18 типовых особняков. Остальные найти так и не удалось... Странно, дача не иголка.

И что из этого следует? Делим израсходованные 3,7 миллиона на 31 дачу, стоимость одной получится 122 тыс. А если поделить на 18 фактически найденных особняков, то стоимость одного возрастет до 210 тыс.— почти в 5 раз больше того, что разрешено правительством.

Итак, до начала перестройки было построено 18 загородных домов общей стоимостью 3,7 миллиона рублей. В последующих, 1988—1989 годах, со ссылкой все на то же распоряжение Совмина 1981 года, которое в наше смутное время, казалось бы, уже не должно действовать, затевается строительство еще четырех роскошных особняков. Как сообщает директива т. Чекова, на это строительство существовало лишь соответствующее решение министра обороны. Никаких других постановлений о расходовании денег, ассигнованных на оборону, в таких целях не было. Кто же на этот раз предполагались хозяевами дач? Вновь прибывшие в центральный аппарат министерства заместители министра генералы В. Архипов, М. Моисеев, К. Кочетов. Сначала на каждую дачу предполагалось истратить до 350 тыс. рублей без учета инженерных сетей, сооружений инженерного обеспечения и обслуживания. Но обстоятельства изменились, и на сегодняшний день эти расходы составили... что-то немногим более 800 тыс. Это без сопутствующих сооружений... Одновременно в районе военного санатория в Марфино строится объект под названием «Домик лесника». Скромный «домик» будет стоить около 118 тыс. рублей.

По мнению некоторых строителей, суммы сильно занижены, фактическую же стоимость можно узнать только при проведении контрольных замеров. Однако представителей КНК и Минфина к сему даже близко не подпустили — какие уж тут замеры! Даже фотограф, пытавшийся сделать снимок дачи под номером «1», был изгнан с дачного участка офицером Н. Рыжко под предлогом запрета начальства на фотографирование подобных «военных» объектов...

Так что же представляют собой дачи, так тщательно скрываемые от нас? Да ничего особенного... Ну, двухэтажные кирпичные особняки. Ну, гостиная, холл, столовая, кухня, комната для прислуги, несколько спален, ванных комнат, туалетов. Центральное отопление от специально построенных котельных, горячая и холодная вода, телефон... Что удивительного, западных фильмов что ли не видели?

Не менее значительны и объекты-спутники: хозблоки всякие, проходные, теплицы, гаражи... на некоторых, что тоже стоит немало. У дачи № 1 строится отдельным особняком бассейн. Рядом с Домом приемов, что у дачи генерала армии М. Моисеева, возведена сауна. А реконструкция только инженерных сетей и котельных обошлась государству в 700 с лишним тысяч рублей.

Чтобы узаконить такие затраты, т. Чеков обратился с письмом к бывшему заместителю Председателя Совета Министров СССР Ю. П. Баталину с просьбой разрешить строительство четырех дач по 150 тыс. каждая, и тот согласился. Неправомерно? Баталин объяснил, что он давал разрешение на строительство, а не на увеличение сметной стоимости. И это — «правовое обоснование».

Я не отрицаю прав советских военачальников на заслуженные льготы. Лишь бы это не превращалось в банальное: прав тот, у кого больше прав. Не отрицаю привилегий, но они должны быть основаны прежде всего на законе, принимаемом народом. А те привилегии, с которыми мы столкнулись, отдают чем-то иным...

Как ни пытаются представители Министерства обороны обвинить нас, а заодно и авторов газетных публикаций, в подрыве авторитета Вооруженных Сил, многие видят, в чем причина падения авторитета. Продолжение строительства роскошных дач вызывает недовольство населения руководством Советской Армии, а заодно и партийными, советскими органами. А газетные публикации — всего лишь отражение такого процесса.

Политическое и правовое сознание жителей поселка Архангельское здорово поднялось. И с этим надо считаться. И не только Министерству обороны. В том, что происходит, виноваты и местные власти. Если бы исполком Красногорского горсовета не закрывал глаза на очень многие противозаконные действия или даже не оправдывал их, все было бы иначе.

...Когда наш фотограф попытался сфотографировать дачу т. Моисеева, офицеры, бывшие при этом, указали в другую сторону от нее. Там высился дворец раза в три-четыре больше и во много раз роскошней. По их словам, там проживает отставной партийный руководитель М. Соломенцев. Если это так, то пора и об этом говорить. Но дело не только в дурном примере вышестоящих...

Пора отвечать и за свои грехи — этого добиваются жители поселка. Настаивают на прекращении безобразий и привлечении виновных к ответственности. Представители КНК СССР поддержали предложение о передаче особняков детской больнице, детскому комбинату, профилакторию для ветеранов войны и труда.

Решение проблемы — и в усилении контроля за деятельностью Министерства обороны. И не считать этот контроль посягательством на незыблемость ведомств. Но двери наших оборонных ведомств, к сожалению, для контрольных органов пока наглухо закрыты — взять пример с тем же нашумевшим АНТом, когда стало понятно, что этих отраслей народный контроль ранее никогда не касался.

А тот факт, что в конце 1989 года, когда «приводили в порядок» «дачные дела», предусмотрели плату за аренду дач по ставкам, взятым из тарифов... 50-х годов? А кто же выплатит оставшееся?

И не надо думать, что министру обороны ничего не известно обо всем этом. Прокуратура уже поднимала вопрос о грубых нарушениях законности при строительстве и обслуживании дач для начальства, но это так и повисло в воздухе...

Виновные благополучно уходят от ответственности, им присваиваются очередные звания. В худшем случае — выговор. В самом крайнем — увольнение из армии... по состоянию здоровья...

И не может быть иных мер воздействия при нынешнем состоянии контроля в нашем государстве. Он не то чтобы плоховат, а вообще не отвечает нынешним требованиям. А деятельность всевозможных инспекций, ревизорского аппарата, прокурорского надзора за законностью в хозяйственной сфере?

Не столь плох контроль, сколь бессилен. Ну какие меры может он предпринять по отношению к тому же Министерству обороны? Да никакие. А пока продолжаются неправомерные действия этого министерства. До сих пор строят «объект № 1» с великолепным бассейном — на народные денежки. Не развеян мрак и вокруг других дач.

Есть опасение, что остро поставленные перед Министерством обороны вопросы зависнут в воздухе, как объявленная уже передача детсаду одного из особняков на «Дачной поляне». Под тем предлогом, что эта передача «может притормозить строительство детского сада на 240—300 мест, которое планируется завершить в ближайшие два года». Об этом сообщалось в «Московских новостях» за 18 февраля сего года.

Все может быть. Если все мы не перестанем наконец считать свой народ статистом в военных и невоенных играх. И не подумаем как следует о современном переустройстве контрольных органов — нашего, давно уже не безмолвствующего народа.

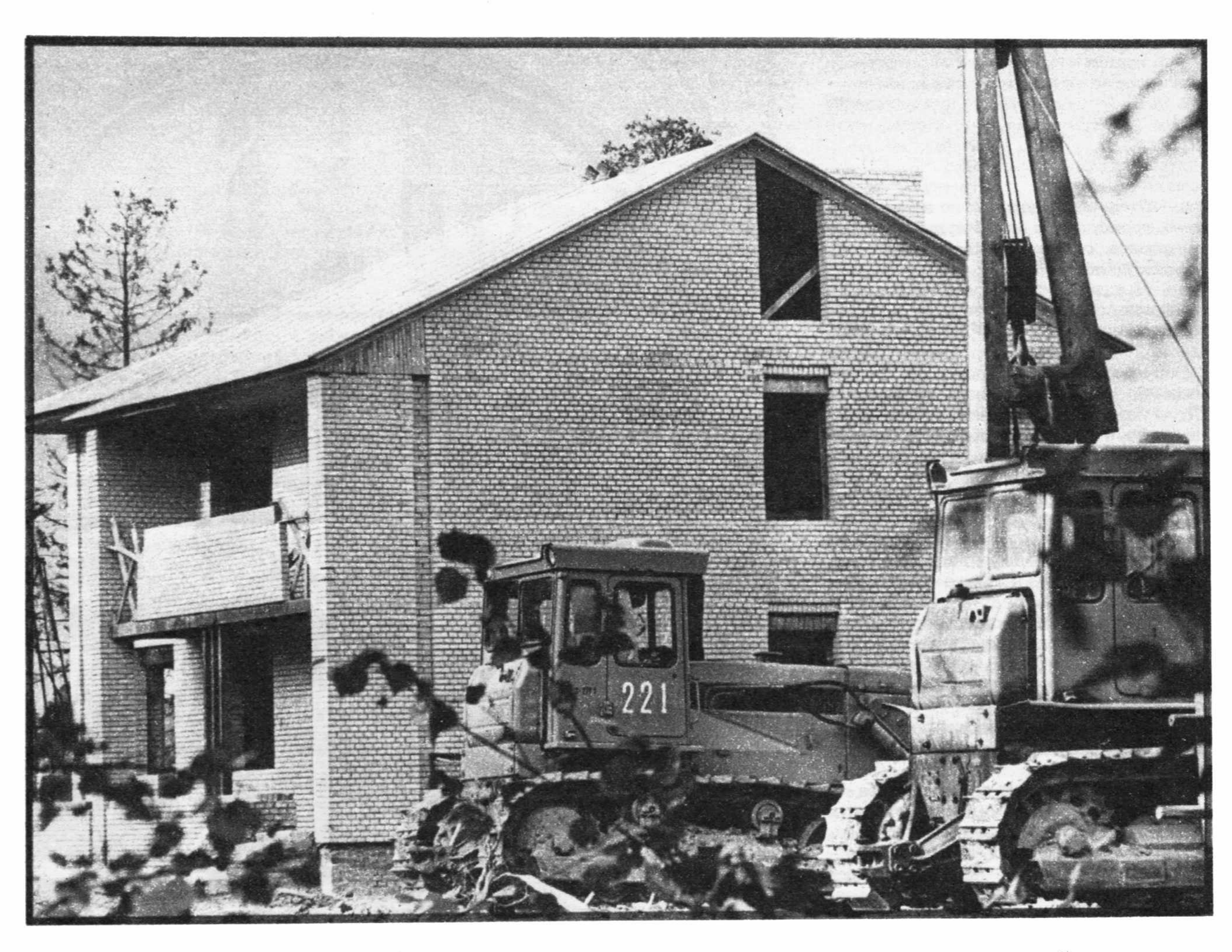

Фото Марка ШТЕЙНБОКА

Владимир СЕРГЕЕВ,
ведущий инспектор Комитета народного контроля СССР

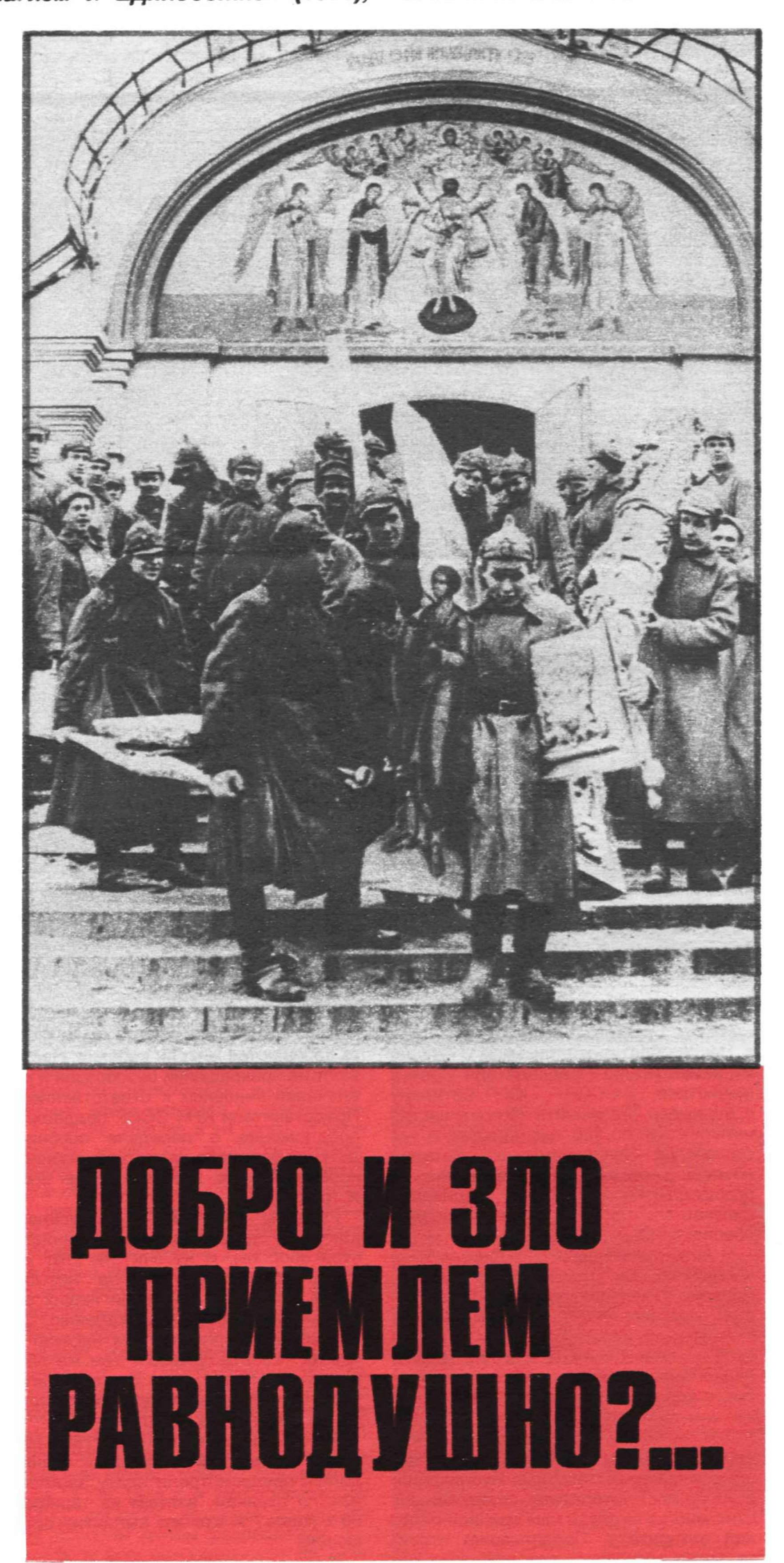
ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШЕЙ КУЛЬТУРОЙ?

В шестидесятых, семидесятых, начале восьмидесятых имя протоиерея Александра Меня, священнослужителя подмосковной церкви, входило в списки «неблагонадежных» наряду с именами его друга Александра Солженицына, его «духовных детей» — Юрия Кублановского, Александра Галича, Надежды Мандельштам и многих других инакомыслящих. Была травля в газетах, были обыски — весь арсенал неприятностей, кроме разве что лагеря, поэтому сам отец Александр и считает, что мало пострадал, с другими расправлялись круче...

Его книги выходили «там», на родине они были известны лишь в самиздатовских копиях. И имя автора, скрытое под псевдонимом, было известно не всем. Первая книга «Сын человеческий» (1969) подписана была: А. Боголюбов. «Истоки религии» (1970), «Магизм и Единобожие» (1971), «У врат молчания» (О духовной жизни Китая и Индии, 1971), «Дионис, Логос, Судьба» (Греческая религия и философия, 1972), «Вестники Царства Божия» (Библейские пророки VIII—VI вв. до н. э., 1976) и другие — под псевдонимом Эммануил Светлов.

Священник, писатель, историк религиозной мысли и культуры, отец Александр всегда был готов к диалогу, к совместному с собеседником поиску истины. Сегодня свою пастырскую деятельность он сочетает с публичными выступлениями перед светской аудиторией, на которые практически невозможно пробиться, потому что всякий раз это — событие.

С АЛЕКСАНДРОМ МЕНЕМ беседует наш корреспондент ОЛЬГА НЕМУХИНА.

ДОБРО И ЗЛО ПРИЕМЛЕМ РАВНОДУШНО?...

— Отец Александр, что, по вашему мнению, происходит с нашей культурой? Она в кризисе, с этим все согласны. Но что дальше? Гибель?

— Мысли о гибели культуры и даже всего человечества вовсе не примета именно нашего времени. Еще до Рождества Христова в Риме ждали близкого конца света. И ожидание такое с тех пор много раз становилось злобой дня. Логично, что оно возникло в век мировых войн и термоядерного оружия, в эпоху нравственных и культурных кризисов.

Для людей моего и предыдущего поколения такие пророчества оказались неожиданны лишь потому, что нам слишком долго внушали: история неизбежно движется «к лучшему». Многие сжились с таким представлением, хотя никто ни разу не доказал его правоту. Впрочем, и представление это тоже появилось не вчера. В XVIII веке его развивал французский ученый Кондорсе, позже идея безграничного прогресса стала отличительной чертой многих философских, социальных и политических систем.

А реальная история эту идею едва ли подтверждает. В действительности слишком многое в жизни не улучшается, а возвращается на круги своя. И грандиозный научно-технический прогресс нашего века имеет столько издержек, что невольно задаешься вопросом: прогресс ли это? Да, совершенствуются средства передвижения, средства коммуникации, способы добычи энергии, но ведь все это слишком часто оборачивается против человека. Декларируются идеи свободы, права, гуманности, а человечность попирается в невиданных масштабах. С одной стороны — прогресс медицины, с другой — рост новых заболеваний, таких страшных, как СПИД...

Кризис культуры возникает в тех случаях, когда люди теряют духовные ориентиры, когда нравственная почва уходит у них из-под ног, когда они порывают с вечными ценностями и начинают погоню только за сиюминутными. Симптомы этого кризиса есть сегодня во всех развитых странах. Особенно острыми стали они сегодня у нас.

— Мы живем в эпоху дефицита — не только материального, но и духовного. Надежда на спасение, мне кажется, в том, что медленно, но верно мы начали осознавать существование этого дефицита. С материальным проще — попробуй забыть, что нет мыла, не получится. Мы уже говорим, что без духовного возрождения не будет и мыла, хотя из уст даже очень умных людей иногда слышишь: хватит болтать, надо сначала накормить людей. Может быть, действительно в этом есть резон? И вовсе не страшно оставить культуру на потом?

— Еще недавно считалось аксиомой, что социальных и экономических преобразований достаточно, чтобы мир стал иным. Эта иллюзия нам дорого обошлась.

Людям важны и лечение, и кров, и пища. Но это же необходимо и животным. Если человек начинает пренебрегать тем, что возвышает его над природой, общество неизбежно оказывается в кризисе. Так было на закате античного мира, на исходе прошлого века. Так стало сегодня.

Библия отрицает и свойственную античности мысль о неуклонном вырождении человечества, и теорию безграничного его развития в рамках земной истории. Библия исходит из идеи о параллельном нарастании двух противостоящих сил: добра и зла. Из постоянной борьбы между ними. И человек в этой борьбе не может быть пассивным наблюдателем; он призван участвовать в ней. И он сам выбирает, на какую сторону встать.

Вспомните картину, нарисованную Светонием в его «Жизни двенадцати цезарей». В то время многие христиане, решив, что грядет всеобщая катастрофа, бросали работу и ждали неизбежной развязки. И тогда же апостол Павел резко выступил против этого. Тайна завершения истории, учил он, сокрыта от человека; люди должны жить и трудиться, исполнять свой долг на земле, не гадая о «временах и сроках».

Библия признает, что цивилизации не вечны. Она предсказывала закат Ассирийской, Вавилонской и других империй. Эти предсказания сбылись. Но гибель культур не воспринимается в ней как нечто фатальное. В Книге Ионы рассказывается, как пророк был послан в город Ниневию, столицу царей-поработителей, с грозной вестью: через три дня она будет разрушена. Сам Иона с радостью ждал этого возмездия — подтверждения своего пророчества. Однако жители города вовремя принесли всеобщее покаяние и отвратили свою гибель.

— Так покаяние — путь к спасению? Но реально ли сегодня спастись лишь покаянием? Это и раньше было непросто. Моисей ведь не случайно вел иудеев из Египта на родину целых сорок лет, водил народ по пустыне, ожидая, чтобы умерли те, кто помнил рабство. Чтобы выросло поколение, способное начать жизнь уже свободных людей.

— И тем не менее выход из ситуации есть в Евангелии. Апостолы открывали перед людьми возможность духовного преображения, призывая к милосердию. Призыв такой возрождался вновь и вновь в человеческой истории, причем в самые тяжелые времена. В средневековье он ожил благодаря проповеди Франциска Ассизского, учившего любить не только людей, но всю природу. В истории Русской православной церкви аналогичную роль сыграл Сергий Радонежский, которого Ключевский называл «благодатным воспитателем народа».

Я верю, что если в минувшие эпохи находились люди, которые выводили мир из духовного тупика, то найдутся они и в наши дни. А что касается покаяния, то провозвестию Христа предшествовала проповедь покаяния: к нему призывал Иоанн Креститель. И первое слово проповеди Иисуса было: «Покайтесь». Причем в еврейском языке это слово означает «обратитесь», «вернитесь с ложного пути». В греческом же тексте Евангелий оно передается еще более емким словом «метаноите», то есть переосмыслите свою жизнь. Здесь — начало исцеления. Покаяние — не бесплодное «копание в себе», не мазохистское «унижение паче гордости», а переоценка всего, переоценка, побуждающая к действию. Такое действие Иоанн Креститель называл «плодами покаяния».

Вот почему так обнадеживают многочисленные попытки пересмотреть нашу историю минувших лет, «переменить ум». Нарыв необходимо вскрыть. Без этого лечение невозможно.

— Но многих лечение пугает больше, чем сама болезнь. Они считают: сосредоточенность на прошлом «отвлекает» от решения насущных проблем, мы ударились в крайность, отвернулись от будущего.

— Это неверно. Будущее вообще рискованно превращать в успокоительный «опиум» (теперь, мол, плохо, а потом будет хорошо). Неужели нам мало мучительных уроков недавних лет? Само собой ничто не идет в сторону улучшения. И одни лишь социальные перемены помогут не больше чем манипуляции крыловского квартета. Современная цивилизация может совсем лишиться будущего, если она не взглянет правде в глаза, если не найдет твердого обоснования нравственным принципам. Для подлинной духовности, как и для искусства, нет «прошлого». Оно есть для науки и техники, а не для самих основ жизни. Решать насущные проблемы, не вглядываясь в то, как их решал мир на протяжении веков, значит отказаться от великого права наследия. У нас сейчас наконец оценили красоту древних церковных памятников. Но не менее важно оценить духовное наследие минувшего. И надо взять из него самое прекрасное, самое живое, самое действенное. Тем более что духовность никогда не умирала. Ее творческий поток был лишь загнан глубоко «под землю» в годы безвременья и беззакония. Но он не иссяк.

Главная наша беда — размывание нравственных ценностей. Я уже как-то приводил знаменательные слова забытого у нас, но хорошо известного в мире русского ученого Питирима Сорокина (в прошлом году исполнилось сто лет со дня его рождения). Он говорил примерно так: если сравнить уровень добычи и использования энергии с сегодняшним уровнем этики, то придется признать, что развитие «энергии любви» находится у нас на стадии каменного века.

Нравственное возрождение всегда совершалось на духовной, религиозной основе. Я вовсе не хочу сказать, что люди безрелигиозные в этом процессе не участвуют. Просто они тоже, пусть и косвенным образом, питаются из этого исконного источника нравственности.

— Но атеистически настроенные люди могут спросить вас: зачем в поисках истины все время обращаться к мифическому Богу? Разве нельзя отталкиваться от человека, от его гуманистических идеалов?

— Еще Ренессанс пытался создать «светскую мораль», исходящую только из человека. При этом гуманисты справедливо упрекали средневековье в унижении человеческого достоинства. Однако, исходя только из человека, сделав его последним мерилом и критерием правды, сам гуманизм в конце концов пришел к дегуманизации. В самом деле, если мы лишь «мыслящие животные», которым в равной степени свойственны добро и зло, если мы сами себе мерило, то этим открывается простор для разрушительных сил. Первой это показала и сама эпоха Ренессанса — с нее началась современная гуманистическая христианская цивилизация, и она же дала образец морального разложения. И в результате подобной гордыни человек все чаще стал восприниматься как «масса», состоящая из ничтожных пылинок, как случайный продукт слепых сил природы, как «дрожащая или бунтующая тварь», достойная презрения. Даже утописты, которые, казалось бы, желали блага для всех, исходили из понятия о «массе», которой можно и нужно манипулировать. В их проектах свобода и ценность личности, пусть даже вопреки их замыслу, сводились на нет.

Таков был итог. И мы все так или иначе ощущаем на себе его последствия.

Многим сейчас кажется, что спасение — в возврате к средневековому сознанию, с его фанатизмом, отрицанием ценности земной жизни. Это едва ли верно. Критика гуманистами темных сторон средневековья, повторяю, во многом справедлива. Но я хотел бы напомнить, что было немало гуманистов, таких, как Мирандола, Савонарола, Эразм, которые призывали не к реставрации «светского» взгляда на жизнь, взятого из античного арсенала, а к возрождению духа Евангелия, духа свободы, любви, терпимости, уважения к личности — образу и подобию Творца. На эту линию в Ренессансе, которую частично предвосхитил уже Данте, до сих пор не обращали достаточно внимания. А именно она несла в себе огромные возможности для будущего.

Человеку в цивилизации дается свободный выбор. Однако это свобода не избавляет людей от губительных последствий выбора ложного. Поэтому и для современного человека важно сделать правильный выбор. Мне кажется очень глубокой мысль английского историка Арнольда Тойнби, который считал упадок любой культуры результатом неверного «ответа», ошибочного выбора.

Но как же сделать выбор правильный? Как отличить пророка истинного от пророка ложного? Тем более что сейчас, как и в любое смутное время, появляется огромное множество проповедников, целителей тела и души буквально во всех сферах нашей жизни. Они крайне популярны, потому что люди измучены прошлым, не видят радости в настоящем, напуганы будущим. Они готовы поверить каждому, кто даст ответ на «проклятые» вопросы и пообещает немедленные перемены к лучшему. Так, кстати, возникают диктатуры.

— Но ведь и вся Церковь состоит из людей, с их слабостью и пороками. Не только в эпоху инквизиции, но и сейчас порой она дает поводы для упреков в формализме, нетерпимости, преследовании инакомыслящих. Где «гарантия», что она сможет указать правильный путь?

— Религия как таковая в ее эмпирической земной истории — явление далеко не однозначное. И критики ее, если они честны и добросовестны, оказывали услугу самим верующим, помогая им ясней осознать собственные исторические грехи.

Еще великий церковный учитель Августин говорил о двух «Градах», о двух типах духовности. Водораздел между ними часто проходит внутри самих религиозных общин. Не случайно, что Христос предупреждает: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного».

Русские религиозные мыслители Владимир Соловьев, Михаил Тареев, Николай Бердяев, следуя Августину, подчеркивали, что существуют две формы религиозности: «открытая», свободная, человечная и «закрытая», мертвящая, унижающая человека. Вечным примером столкновения между ними является антитеза Евангелия и фарисейства.

Все это я говорю потому, что не могу разделять взгляда, по которому любая религиозность служит этическому возрождению. Именно против этого взгляда выступал апостол Иоанн, предостерегая: «Не всякому духу верьте». Он дал и критерий для «различения» духов, сказав: «Кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец». В этом апостол был верен Евангелию Христову и пророкам Ветхого завета, которые провозглашали, что служение истине и Богу невозможно без верности нравственным заветам, данным человеку.

Кто будет осуществлять возврат к духовным ценностям, которых мы лишились? В вашем вопросе скрыто неосознанное желание переложить труд и ответственность на кого-то, хотя бы, например, на Церковь. Но Церковь — часть общества. И теперь всем известно, что она тоже понесла тяжелые потери. Конечно, мы, христиане, хотим внести свою скромную лепту в нравственное возрождение. Однако и у нас за эти годы накопилось немало собственных внутренних проблем, а кроме того, мы не сможем действовать плодотворно, если сами не переживем покаяния, если не будет и дальше меняться общий климат в стране. Необходимы совместные усилия людей разных взглядов на общей почве, которая объединяет верующих и неверующих. Такой почвой является оздоровление правопорядка, милосердие, сохранение и развитие культурного наследия.

Что касается пророков, то общего критерия, который подошел бы для любой системы взглядов, здесь нет. Библия же учит нас, что истинный пророк — тот, кто возвещает открытое ему Слово Божие, не мирясь с язычеством, с людским тщеславием — личным, политическим, сословным, национальным.

Когда пророк Исайя обличал вдохновителей войны, бросая вызов общественному мнению и властям, он действовал как посланник Неба. Когда митрополит Филипп вступил в единоборство с Иваном Грозным, он проявил себя подлинным пророком. Таким же пророком в наши дни был Мартин Лютер Кинг. Каждый из них был глашатаем высших духовно-нравственных идеалов.

Природа в своем развитии была направлена на создание существа, способного быть носителем духа. Таковым стал человек. Но он еще очень далек от подлинной одухотворенности. То, что ей содействует, содействует вселенскому замыслу о мире. То, что препятствует, идет вразрез с божественной целью, которая на языке Библии именуется Царством Божиим. Мы, христиане, не сомневаемся в том, что оно наступит, что наша несовершенная история выйдет за свои пределы и откроет человечеству путь в бесконечное. Все, что служило Царству, получит в нем свое высшее осуществление. Все, что шло против него, исчезнет. Каждый из нас — участник этого богочеловеческого процесса. Его можно называть Эволюцией. Но мне это слово кажется обедненным, поскольку предполагает слепое течение событий. А я верю в смысл, в духовную целенаправленность бытия.

И это накладывает на всех нас огромную ответственность.

— Но как же связан завет Христа жить сегодняшним днем, не думая о завтрашнем («подобно птицам небесным»), не гадая «о временах и сроках», с очевидной нам сегодня ответственностью перед будущим?

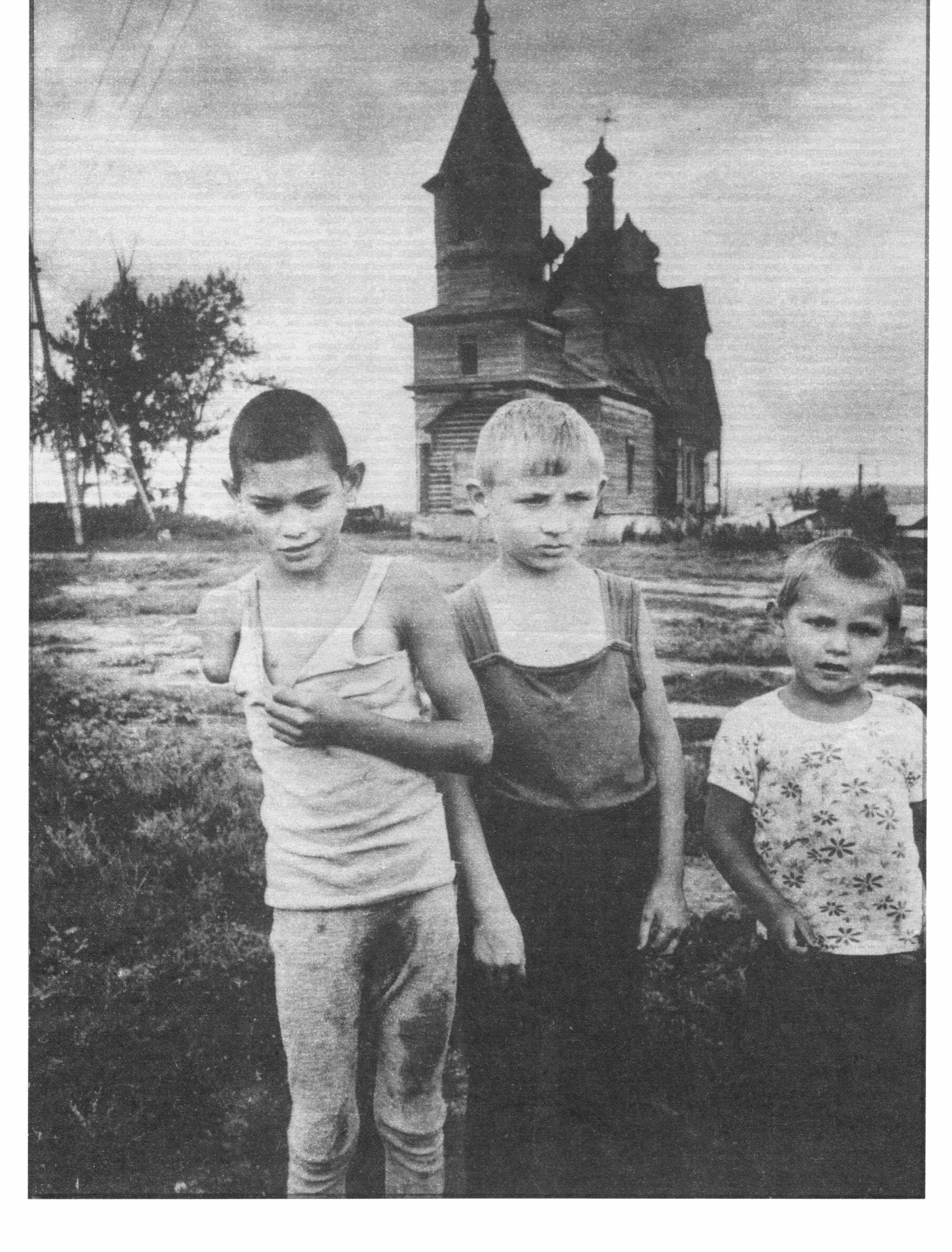
— Говоря «не заботьтесь», Иисус Христос не призывает к легкомыслию или беспечности. Он предостерегает лишь от той мучительной и бесплодной «озабоченности», которая так часто терзала людей, не помогая делу, и поселяла в них страх, тревогу, чувство бессилия. Мы слишком порабощены временным, преходящим. Это болезнь и Запада, и Востока. Мы не развиваем в себе внутренней свободы. А именно эту свободу имеет в виду Христос, когда призывает: «Не заботьтесь». Христианство благословляет труд, служение, видя в них средства для духовного роста человека. Напомню, что изречение «кто не работает, пусть и не ест», взято из Нового завета, из послания апостола Павла. Тот же апостол учил об ответственности человека перед природой.

— Свою ответственность перед природой мы, кажется, уже осознали, не раньше, правда, чем «грянул гром». Но недаром в последнее время в прессе все чаще мелькает понятие «экология культуры». Нам необходимо осознать дефицит духовности, навести мост через пропасть, отделяющую нас от многих ценностей прошлого, связать «нить времен». Долгие годы нам приходилось довольствоваться популярными изложениями, «критиками», интерпретациями философских учений. Не было доступа к первоисточникам. В этом, я думаю, наша беда.

— Путь культуры — процесс целостный, органический. Разрывы для него болезненны и пагубны. То, что у нас целые поколения были отрезаны от традиции, в том числе этической, религиозной и философской, нанесло обществу огромный урон. Пусть далеко не все могли бы освоить богатую мысль русской религиозной философии, но ее идеи так или иначе просачивались бы в сознание, получили бы возможность «носиться в воздухе». А поскольку «кислород был перекрыт», культура невероятно обеднела. Отрадно, что сейчас, хотя бы и с опозданием, пробел этот заполняется.

— Для нашего поколения, поколения семидесятых, одним из основных источников знания о евангельских событиях, о Христе был роман Булгакова «Мастер и Маргарита». Насколько наши представления были верны, мы можем судить сейчас, когда получаем возможность читать Евангелие. Но парадоксальность ситуации в том, что роман стал для нас преградой на пути к первоисточнику. Булгаков-художник так убедительно изобразил евангельские события, что многие из нас, читая «Евангелие от Матфея» после «Евангелия от Булгакова», видят перед собой не Иисуса Христа, а Иешуа. И это, как мне кажется, гораздо существеннее, чем бытующее сейчас мнение о том, что Булгаков написал «Евангелие от Сатаны», которое де и доказывает порочность нашего времени.

— Это особая тема, о которой надо бы поговорить отдельно. Скажу коротко. Разумеется, «Мастер и Маргарита» — шедевр. Но булгаковский Иешуа не имеет почти ничего общего с реальным Иисусом Назарянином. Это мечтатель, наивный бродячий философ, который всех и каждого называет «добрый человек». Не таков Христос в Евангелиях. От Него исходит сила. Он может быть строг и даже суров. Он резко обличает власть имущих: Ирода, книжников и фарисеев. Он не искатель истины, а сама Истина. Он не «бродит», а, как выражался о Нем Честертон, совершает поход против сил зла. Я уж не говорю, что и сами евангельские события в романе искажены. Писатель использовал модную тогда гипотезу, будто евангелисты передали факты неверно (на этом настаивал, например, Анри Барбюс, книга которого о Христе была у нас переведена в 1928 году). Единственный подлинный евангельский мотив у Булгакова — это мотив «умывания рук», мотив предательства. И Пилат, и Мастер, и многие другие, каждый по-своему, предают себя и других. Эта тема была особенно острой в эпоху доносов и разгула беззаконий.

«...Еще недавно считалось аксиомой, что социальных и экономических преобразований достаточно, чтобы мир стал иным. Эти иллюзии нам дорого обошлись».

Мне думается, что в лице Воланда Булгаков (подобно Лермонтову) изобразил вовсе не дьявола. Это лишь маска. Вспомните заключительный эпизод полета. Писатель взял старинный сюжет «чудесного посещения», прихода на землю существ из иных миров. Сталкивая пришельцев из иных измерений с людьми, писатель получает возможность дать оценку всему обществу. Заметьте, что Воланд руководствуется нравственными принципами отнюдь не «дьявольскими», и в этом стоит выше людей, которых он посетил...

— Ваше рассуждение лишний раз наводит на мысль, что искусство несовместимо со «злодейством», не может служить злу. Мы как-то забыли о теснейшей связи этики с эстетикой. И фраза Достоевского «красота спасет мир» воспринимается как абстракция, мы превратили ее (как, впрочем, и многое другое) в клише. Что вы думаете об идее спасения мира искусством? Сегодня на роль спасителя претендует наш авангард. Но ведь он несет в себе довольно сильный разрушительный импульс.

— Я плохо разбираюсь в нюансах так называемого «авангарда». Конечно, во многом, мне думается, он отражает уродливое, болезненное состояние нравов. Есть в нем и элемент молодежного эпатирования, бравады, желания бросить вызов всем устоям. Так бывало часто. И в далеком прошлом протест против затхлого, опостылевшего, скучного выражался подчас самым эксцентрическим образом. Брили головы, отращивали длинные волосы, ходили в лохмотьях. То кричали «назад, к природе», то призывали «уйти от природы». Все это пена, неизбежная при естественном развитии, где добро и зло, ум и глупость причудливо перемешаны. Но рано или поздно бум утихал, если только его не оживляли травлей или давлением.

Тем не менее очень спорной кажется мысль, будто всякий «авангард», всякий поиск новых форм творчества — явление разрушительное. Ведь новизна и необычность нередко воспринимались как подрыв основ. По-своему «авангардом» была иконопись, если сравнить ее с античным искусством, готика и восточно-православное зодчество, христианская философия, которую консерваторы считали компромиссом с язычеством.

Часто, и не без основания, ругают современную музыку. Но не надо вместе с водой выплескивать ребенка. В частности, джаз родился в лоне определенной религиозной культуры (среди североамериканских негров), и хотя не всем эта культура близка, нельзя с порога отрицать ее.

— Уже никто не отрицает необходимости включения нашей культуры в контекст культуры мировой. Но, по остроумному утверждению одного американца, мы перепутали краны и вместо водопровода подсоединились к канализации мировой культуры. И действительно, есть опасения, что масс-культура «забьет» культуру истинную.

— Вы извините, что я, как историк, опять обращусь к примеру прошлого. Во II веке до Рождества Христова в Рим стали проникать греческие влияния. Это привело в ужас римлян старого закала. И в чем-то они были правы. Их соотечественники соприкоснулись с Элладой времен упадка. Они получили от нее не столько Платона или Софокла, сколько «отходы культуры», распущенность нравов, скептицизм, безверие, культ удовольствия и развлечений. Нечто подобное произошло и в нашем контакте с мировой культурой. Многие крупные художники, мыслители, глубокие писатели, серьезные ученые до сего дня у нас остаются неизвестны. Их не переводили, с их творчеством не знакомили. О них знали в лучшем случае понаслышке, по весьма пристрастной «обличительной» критике. Но гораздо легче просачивалось поверхностное, пустое, пошлое. Вот характерный пример. В больших городах быстро развивается потребление «видео». Но те, кому доверена сфера культуры, и пальцем не пошевелили для того, чтобы люди приобщились к шедеврам западной киноклассики. Зато не дремлют видеобизнесмены, которые поставляют на рынок море киномакулатуры, рассчитанной на самые низменные вкусы.

Бороться с этим надо не запретами, а знакомством зрителя с лучшим. Запретами вкуса не привьешь. Это касается всех сторон и проявлений культуры. Борьба с дурным должна выражаться прежде всего в утверждении ценного, обогащающего, прекрасного. Я уверен, что в свободной конкуренции оно будет побеждать.

Сейчас многие молодые хотят и способны независимо мыслить. Если у них не отнимут право гласно обсуждать проблемы, которые прежде были табу, значит, наши дела еще не так плохи. Значит, есть еще надежда.

Фото Александра КУПЦОВА и Михаила ДОВГАЛЯ

ПРОШУ СЛОВА!

ВОЕННЫЕ ИГРЫ

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

С чего начинается Родина? С картинок в букваре? Нет, для многих советских детей Родина начинается с танков, автоматов и пистолетов различных конструкций — пусть игрушечных.

Наше гуманное общество убеждает свой привилегированный класс — детей в том, что им предназначено строить мир во всем мире, и одновременно учит... целиться в человека.

Спросите любого ребенка, ставшего обладателем новенького черного пистолета или автомата с восхитительной красной лампочкой, что он с ним собирается делать, и вы получите четкий, конкретный ответ: «Стрелять!» В кого, за что и с каким результатом — об этом задумываются позже, если задумываются...

Вспомните, наверняка видели: бутуз в колготках, собравшихся под коленками в трогательную «гармошку», с упоением строчит по прохожим из своего громоздкого пластмассового оружия.

Всех возмущает, когда малыш в детском гневе замахивается на родителей, но почему-то достаточно спокойно воспринимается «шквальный огонь» по прохожим...

Игрушка приходит к ребенку моделью взрослой жизни. Так почему мы даем понять детям, что жить им придется воюя? А если нет — зачем танки?!

Вот они лежат в «Детском мире» — самые разнообразные: и знаменитая «тридцатьчетверка», и «ИС-3» («Иосиф Сталин»), игры для юного разведчика и юного связного, и вообще множество всевозможных атрибутов войны. И все это так красиво, так заманчиво, так похоже на настоящее... Стоп! Откуда знать ребенку, похоже это на настоящее или нет, если бы не родитель, сам норовящий пострелять из красивой игрушки? Для мальчишки это прежде всего техника, которой он бредит с раннего детства. Но ведь она разная бывает...

«Военная игрушка? Да ну, зачем... Я бы своему купил комбайн, экскаватор. Но, знаете, чтоб с лампочкой, с батарейкой, чтоб сначала так разбирал, а потом и с электричеством выучился... Или вот: конструктор строительный. И железную дорогу, с семафорами, мосты чтоб разбирались... это — да. Это и вообще потом пригодится...»

«А я, между прочим, очень даже за то, чтобы в войну играли! Я сыну всегда говорю: не давай себя обижать, а то с детства на шею сесть могут. Нет, пусть играют, пусть синяки, пусть с пистолетами, с автоматами... Сын мужчиной вырастет.

А что говорят — преступность, агрессивность — ну так это от семьи зависит, как родители настраивают. Нет, игрушки здесь ни при чем...»

Другие игрушки — другие игры. Но у нас игры все те же...

Танки из «Детского мира» передают эстафету дальше — ребенок попадает в нескончаемую колонну, шеренгу: равняйсь... смир-р-но!!!

На вынос знамени дружины... Горны, барабаны, стояние с теми же автоматами, но больше размером и более схожими с настоящими у Вечного огня...

Веселая речевка, которую выкрикивают до хрипоты, постепенно заводя себя: «Раз-два, три-четыре, три-четыре, раз-два, кто шагает дружно в ряд — пионерский наш отряд, кто шагает дружно в ногу — уступайте нам дорогу!» Наверное, и в самом деле лучше уступить — уж очень угрожающе звучит...

Смотры строя...

Смотры военной песни. Почему военной?

Военно-спортивные игры.

А уроки гражданской обороны в школе? Пребывание на время в противогазе, который на размер-два меньше, чем нужен несчастному акселерату, который невозможно содрать, не расставшись с частью волос? А вечный, неизменный АКМ, который не хочет разбираться за нужное время и норовит прищемить палец железкой, названия которой мы так и не запомнили? А помогло ли вам в жизни умение поворачивать по команде направо и налево?

Так для чего же все это нужно?

А для воспитания боевого духа!

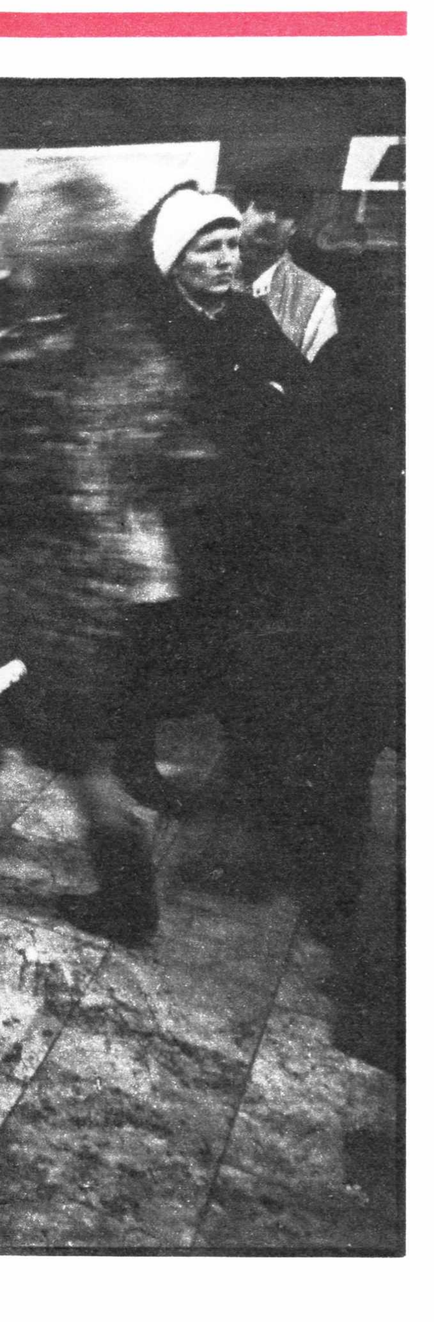
В этом достигли мы успехов немалых. Боевой дух окружает нас со всех сторон: он витает в общественном транспорте, им пропитана каждая очередь. Да оглянитесь, он во многих глазах, вытесняя из них доброту, доверие, готовность радоваться другому человеку. Глаза народа, дух народа.

Пистолет, купленный в «Детском мире», может «выстрелить» в мире взрослых...

Юлия ВЕРНИКОВСКАЯ

Александр ТЕРЕХОВ

ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ: «ЖАННА Д'АРК-90»

Афиша: 23 февраля 1990 года издательство «Советская Россия» проводит литературно-музыкальный вечер «Россия — Родина моя». Соседствуют на афише: маршал С. Ахромеев, художник И. Глазунов, писатели В. Распутин, В. Солоухин, Ю. Бондарев. Гвоздь представления — преподаватель Ленинградского технологического института Нина Александровна Андреева. Большинство заявленных участия в вечере не приняли.

Декорации: Публика собирается медленно под асфальтовыми небесами сдавшейся зимы, в основном — пожилые, много цветов. Фойе: помимо книги заграничных рекордов, можно приобрести за считанные копейки («Это евреи по рублю продают»,— заметил продавец) газету «Пульс Тушина», где на первой полосе: «В Политбюро ЦК КПСС еще с застойных лет ведет открытую антирусскую, просионистскую деятельность А. Н. Яковлев. Ему помогают в этом разумовские, фалины, зайковы и др...». Такое вот начало.

В начале первого действия на боковой трибуне появилась живописная группа под руководством И. Сычева. Развесив два флага: государственный и собственный, граждане в зелено-военном расставили ноги, заложив за спину кулаки, и некоторое время грозно надували щеки перед столпившимися внизу представителями снимающей прессы.

Ведущий зачитывает послание. «25 февраля... для православной церкви день особый — Прощеное воскресенье... Ссоры и распри в этот день — великое преступление перед Богом. И вот мы слышим о том, что на этот день назначен митинг, который, по замыслу его устроителей, должен перерасти в кровавый инцидент на Красной площади, у Спасских ворот. Немыслимое святотатство! Нечестивое глумление над святыней Великого поста! Устроители этого страшного митинга, рано или поздно вы предстанете перед Страшным судом. Неужели вас не охватывает ужас при одной мысли о том, что за святотатство придется вам платить вечными муками?!»

ГОЛОС (СО СЦЕНЫ) — критик В. Бондаренко:

— ...Сейчас, когда нас втягивают в новую кровавую баню, когда хотят 25-го устроить новый всероссийский погром, направленный против русского народа и русской государственности, мы должны... думать не об искусстве, а о спасении русского народа и русской государственности... (Аплодисменты.)

...Уже готовятся новые диктаторы. Не позволим! Долой левую диктатуру!.. Долой продавшихся руководителей! А в заключение я вам хочу сказать: жители Курил в ответ на обращение Юрия Афанасьева и Ельцина предложили продать Японии Афанасьева и Ельцина. (Продолжительные аплодисменты, крики: «Ура!», «Позор!», «Долой!», смех, свистки.)

Ведущий зачитывает послание. «Мы, советские граждане, входящие и поддерживающие патриотические организации, обращаемся к Верховному Совету СССР с просьбой запретить шествия и митинги, имеющие целью политическое давление на руководство нашей страны... Эти действия оскорбляют чувства всех народов СССР, которые не уполномочивали участников демонстраций и митингов говорить от их имени... Поэтому мы обращаемся с просьбой запретить митинги как форму политического давления...» (Аплодисменты, возгласы: «Ура!»)

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА. Поэт В. Солоухин: «Я еще одно стихотворение прочитаю. Оно написано еще во времена глубокого застоя... Оно называется «Лозунги Жанны д'Арк». Ну, это удивительная личность в истории человечества... И когда у нее спрашивали: «Почему ты?», она отвечала: «Если не я, то кто же?».

МИНУТА ВОСТОРГА. ВЕДУЩИЙ: «слово имеет Андреева Нина (Бурные, продолжительные аплодисменты)... Александровна, кандидат наук, сотрудник Ленинградского технологического института. (Аплодисменты.)

«Дорогие товарищи, прежде всего позвольте мне по поручению и по просьбе товарищей из Всесоюзного общества «Единство за ленинские и коммунистические идеалы» (свист в зале) поздравить всех присутствующих, и прежде всего наших воинов Вооруженных Сил, состоящих на действительной службе, а также тех, кто в запасе и в отставке, с сегодняшним днем, с сегодняшним праздником Советских Вооруженных Сил, и пожелать всего самого светлого и самого доброго. (Бурные аплодисменты.)

...Советские люди встречают 72-ю годовщину рождения Советских Вооруженных Сил в условиях и обстановке невиданного кризиса, поразившего все сферы деятельности Советского государства и КПСС.

Вместо обещанного архитекторами перестройки социализма с человеческим лицом ныне все больше и больше просматривается мерзкая рожа рвущегося к власти дельца-мафиози... (Бурные аплодисменты.)

...Почему, например, России так и не разрешается иметь свою компартию?.. К чему эта бесплодная игра в Бюро ЦК по РСФСР?.. Зачем понадобилось даже этот куцый отросток так называемой самостоятельности России ограничивать тем, что Бюро возглавил Генеральный секретарь ЦК КПСС?.. Подрыв обороноспособности социализма усиливается тем, что мощь Советских Вооруженных Сил ослабляется национализмом и его последствиями, чрезмерными, по сути, односторонними, сокращениями, ограничивающими нас в резервах, поспешной и недостаточно продуманной конверсией оборонной промышленности, пропагандой пацифизма... (Аплодисменты) ... снижением престижа человека с ружьем.

Пророчески ныне звучат слова Юрия Бондарева, сказанные им на XIX партконференции. Как вы помните, писатель сравнил перестройку с самолетом, который поднялся в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка. (Аплодисменты.)

...Да здравствует единение патриотических и социалистических сил страны! (Бурные, продолжительные аплодисменты, все встают.)

Сплоченный великой Русью, союз нерушимый республик свободных будет обновлен и упрочен!

Слава Советским Вооруженным Силам, достойным преемникам лучшей боевой традиции воинов России! (Возгласы: «Слава!»)

Да здравствует нерушимое единство армии и народа!

(Аплодисменты переходят в овацию.)

Родина или смерть!

На том стоим и стоять будем! (Овация.)»

Публика хлынула к сцене, слышны упоенные крики: «Вы — наша Жанна д'Арк», «Вы — Жанна!», и даме в белой кофте так трудно пробиться сквозь восторженную публику, и она спасается за сценой, и там опять — в кольце, духовный хор на сцене уже поет: «Благослови душе моя, господи», а ее еще все держат, не выпускают, славят, нарекают, а многие из партера уже бредут к выходам — самое главное уже состоялось, бенефис был, а подернутый трауром хор, как горсть утренней мертвой золы, мажет души последним молением: «Спаси нас, спаси нас, спаси нас...»

НЕМАЯ СЦЕНА.

Толпа распадается на комки, цепочки, фигуры густеют в стеклянных гротах автобусных остановок, уходя через влажную от весенней истомы посадку к железной дороге, в которой суетливым пульсом простукивает торопливая электричка, богачи укрощают такси, влюбленные мерят шагами весну, и ты остаешься один, как крохотная опора готовой рухнуть немоте ночи.

«Разве мы с вами не русские...» С этим не поспоришь, но я против «мы».

Русский сейчас — это выстраданная, искренняя, святая готовность к покаянию и прощению. Это — благородство.

Время сменило тьму на свет, распахнуты ворота, строительство вавилонской башни закончилось неудачей — народам можно разойтись навек или остаться жить по соседству в добре. Стоит ли на прощальном пороге творить что-то, кроме прощения и покаяния? Не обусловленного обязательной справедливостью и взвешенностью слов соседей — не надо бояться простить.

Это зачтется потому, что ценны только чистые руки. Национальное чистыми руками — это возрождение и жизнь. Национальное грязными — это упадок и смерть. Энергия обращается легко в бомбы и электростанции. Все зависит от гигиены творящих рук, не будем торопиться с объединением в «мы» по именам, отчествам, фамилиям, старинным городам и полузабытым деревням, давшим нам жизнь. Будем говорить «мы» — по чистоте рук.

«Спаси нас, спаси нас, спаси нас».

Фотокорреспонденту, который был со мной на литературно-музыкальном вечере «Россия — Родина моя», позвонили в полпервого ночи и сказали: «Если ты еще раз нас будешь снимать — мы тебя вобьем в стену, как гвоздь».

Спаси нас, спаси нас...

Я шел по оттаявшей земле, она пахла прелой травой и вздрагивала под ногами, и было неловко идти — будто ступаешь по живому.

ТОСКА ПО СТАЛИНУ, ИЛИ «НОВЫЙ АВАНГАРД МАРКСИЗМА»

Марина КАТЫС

Большая Филевская улица, заснеженный двор, тихая московская окраина.

За дверью — топот сапог... На пороге — три молодых человека в военных брюках и солдатских сапогах. Квартира большая, запущенная. Вышел хозяин, пожаловался на здоровье: «Вы находитесь в штаб-квартире Русского Народного Фронта движения "Память"».

В небольшой комнате — стол, несколько стульев, незастланная кровать без постельных принадлежностей, над ней — два стенда, оба — в окружении машинописных листков, портрет Сталина и черный с золотом шрифт: «ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ЖЕРТВАМ, ПАВШИМ ОТ РУК ЕВРЕЙСКИХ НАЦИСТОВ». В углу знамена: красный флаг «Памяти» с Георгием Победоносцем, белый с голубым — Андреевский стяг, трехцветное российское знамя...

Один из молодцев демонстративно ставит стул в дверной проем, второй прохаживается за моей спиной. Хозяин начинает говорить и с этой минуты говорит беспрерывно в течение двух часов. Во всем, что меня окружает, какая-то истеричность, ущербность и нескрываемая агрессивность.

Однако пора представить хозяина штаб-квартиры. Игорь Сергеевич Сычев, 45 лет, русский, беспартийный, член Союза художников СССР.

* * *

— Лидером движения «Память» с мая 1987 года являюсь я. До 1987 года движение «Память» было якобы едино. Основная борьба под знаменем «Памяти» шла за национальное возрождение.

КРАТКАЯ СПРАВКА. «Летописец» «Памяти» открывается цитатником, где в одном ряду с высказываниями князей Святослава Игоревича, Александра Невского, Дмитрия Донского, а также Петра I, Суворова, Кутузова, Раевского, Пушкина, Достоевского, Чернышевского и Ленина приведены цитаты из Гимна СССР, И. Сталина и ...Игоря Сычева.

— Русский Народный Фронт движения «Память» (РНФ ДП) является авангардом социалистических марксистско-ленинских патриотических сил России. Народ наш русский, и другие народы нашего государства, пытались лишить памяти. Это большое зло. Но кому это выгодно? Мы это понимаем так, что с победой Октябрьской социалистической революции, с победой трудового народа на гребне этой революционной волны в наш, если можно так сказать, «социалистический рай» въехали люди, не имеющие никакого отношения к подлинно национальному. Если вспомнить Владимира Ильича Ленина, то он предупреждал об этой опасности. Слова Владимира Ильича Ленина для нас святы. В моем примерном изложении они звучат так: если мы не будем бороться с еврейскими марксистами, то они оседлают нас и будут верхом на нас ездить.

Как сыны и дочери нашего отечества России, мы должны думать прежде всего о России, о русском народе.

Сейчас много говорят о нэпе, но нэп был временной уступкой капиталу на пути построения социализма. Привлечение имени Иосифа Виссарионовича Сталина к делу разрушения храмов и других святынь русского народа — ложь. Просто один Сталин не мог противодействовать представителям власти, целиком составленной из безродных космополитов, этому злу уничтожения. Поэтому уничтожение святынь русского народа не является делом рук Иосифа Виссарионовича Сталина, это является делом рук безродных космополитов: Кагановича, Гинзбурга и других. Что касается Иосифа Виссарионовича Сталина, то с началом борьбы против безродных космополитов был положен конец уничтожению святынь русского народа. Национальные кадры русского, украинского, белорусского и других народов, национально-революционные кадры во множестве своем погибли в горниле гражданской войны. И основные, ключевые позиции в государстве оказались в руках еврейских марксистов, или, как у нас говорят, красных сионистов. Проникновение хазарского каганата было настолько глубоко, что, по сути дела, И. В. Сталин провел революцию по свержению хазарского каганата, понимая, что никакие революции не обходятся без жертв. Мы счастливы считать Иосифа Виссарионовича Сталина вождем, вождем санкюлотов, или нашим вождем.

КРАТКАЯ СПРАВКА. В 1989 году РНФ ДП 5 марта возложил на могилу И. В. Сталина памятную ленту: «Генералиссимусу Сталину от движения "Память"».

— Благодаря победе Иосифа Виссарионовича Сталина над космополитическими, русофобскими, просионистскими силами народ сумел сплотиться для того, чтобы дать достойный отпор фашистам. Роль Иосифа Виссарионовича Сталина, его заслуги перед нашим Отечеством, перед нашей Родиной неоценимы. Сталин продолжил свою деятельность по очищению нашего Отечества от безродных космополитов и врагов, которые вредили развитию нашего государства, построению подлинного социализма на пути к построению коммунизма.

В начале 80-х годов не нужно было бороться за социализм, потому что не было поползновений к его демонтажу, то есть попытки ползучей контрреволюции. В 70-е годы и ранее с помощью нашего государства были сокрушены ползучие контрреволюции в Чехословакии, Венгрии, Польше, и международный сионизм не мог торжествовать победу. Трудовые народы всего мира смотрели с надеждой на нашу великую державу.

Мы прекрасно понимаем, кто нас толкает на путь дискредитации существующей административно-командной системы, чтобы ослабить могущество нашего государства: это силы безродного космополитизма, сионизма, коррумпированной бюрократии и «теневой» экономики. Сейчас мы в нашем разговоре подошли близко к сегодняшнему дню. В заговор международного империализма и его ударного звена — сионизма — входит то, чтобы превратить нашу страну в колониальный придаток, сырьевой придаток международного империализма, и, конечно же, прежде всего в сырьевой придаток американского империализма.

Антисоветские, антигосударственные формирования типа Демократического союза и НФ являются порождением всех этих антинародных сил. Псевдоперестроечные контрреволюционные силы для оправдания своих действий создали организацию «Мемориал» и через нее создают базу для реабилитации врагов трудового народа в лице троцкистско-бухаринского отребья, хотевших не допустить построения реального социализма в 30-е годы в СССР. Число людей, сопричастных движению «Память», исчисляется миллионами. Но присутствие в наших рядах «Памяти» Васильева, по сути сектантского объединения, наклеивает ярлык на все движение «Память». Такие, как Васильев, чужды социализму, они за возрождение капиталистических отношений, частнособственнических отношений. И его интересы совпадают с интересами перестройщиков на буржуазный лад. Сегодня в нашем государстве, в нашем обществе они, как ни прискорбно это отмечать, берут верх. Основной удар эти перестройщики на буржуазный лад наносят именно по нашему социалистическому крылу «Памяти».

Поэтому к движениям Прибалтики мы относимся двояко. С одной стороны, национальные интересы для каждого народа святы. В Прибалтике мы наблюдаем перерастание борьбы за национальное в национализм. Это приветствуют всяческие антисоветские и антисоциалистические силы, которые желают раскола нашей великой державы. Мы — за национальное возрождение и за единство всех народов нашей великой державы. Отстаивать наши национальные интересы нам всем вместе было бы гораздо легче. И не пристало народам Прибалтики оставлять в беде великий русский народ. Русский народ совершенно справедливо рассматривался другими народами как старший брат в великой семье народов.

Наши враги рано или поздно ответят перед судом нового Нюрнберга. Это, к сожалению, произойдет без нас. Но даже если мы уйдем и не дождемся этого нового Нюрнберга и победы национального возрождения, наш пример послужит многим нашим соотечественникам, как нужно бороться. И хотя я по своей натуре человек неверующий, но я — свято чтущий исторические и религиозные традиции великого народа. И нас заставляет стать на путь самопожертвования не просто ущемленное самолюбие, а предчувствие надвигающегося геноцида славянских, и прежде всего русского, народов.

Мы, воспреемники и наследники великого духа великой земли русской, готовы погибнуть за свои убеждения и идеи. Перед Родиной, Отечеством и народом. В данном случае победой будет даже сама смерть, потому что образ Христа — это «смертию смерть поправ»!

...Как говорится, ни прибавить и ни отнять.

ОТЧАЯНИЕ

Вокруг здания американского посольства стоит очередь. Сегодня вечером в нее записался 36 124-й человек. Много москвичей. Много приезжих из Ташкента, Киева, Одессы, Житомира, Вильнюса, Новосибирска, Кишинева. Случайно встречаются родственники из разных городов. Это удивительно организованная очередь. Все мы привыкли к более эмоциональным очередям.

Я тоже стою здесь. Мне повезло: у меня есть очень энергичная подруга, которая в момент возникновения очереди (недели две назад) записала нас обеих в первую тысячу и аккуратно ходила на все переклички. Таким образом, уже завтра утром я смогу получить то, за чем мы все здесь стоим,— бланки эмиграционных анкет для советских граждан, желающих выехать на постоянное место жительства в Соединенные Штаты Америки.

Очень хотелось поехать домой — 6 часов на ногах на холоде,— но я пошла в посольство Новой Зеландии. Там записалась всего только 79-й. (На следующий день и там очередь разрослась до нескольких сотен.) Перекличку назначили на 5 часов, и я решила где-нибудь посидеть и выпить кофе. Было очень холодно, ветрено и сыро, потом пошел дождь, время — обеденное, везде очереди, и с кофе ничего не получалось. И вот я шла по центру Москвы, который всегда так любила и где с детства мечтала жить (комплекс девочки из предместья), и думала: что же случилось с тобой, с тобой и с твоей страной, если ты, родившись и прожив здесь 40 лет, мечешься под дождем по своему родному городу в поисках способа, который позволит тебе уехать отсюда навсегда? И зачем без малого 40 тысяч твоих соотечественников окружили молчаливой толпой чужеземное посольство? Почему?..

Я хочу уехать не потому, что в стране нет мяса, сахара, сапог, мыла, сигарет, и вообще почти ничего нет. Не потому, что живет моя семья тесно и скудно, и нет в этом смысле никаких перспектив. Даже не потому, что мне негде лечить язву желудка, а к стоматологу я боялась пойти задолго до публикации в «Огоньке» о СПИДе, после которой стали бояться все остальные. И даже не потому, что кпд любой работы, за которую берешься, чудовищно низок из-за нелепых и бессмысленных препон, появляющихся на каждом шагу. Это все тяжело, унизительно, это раздражает, мучает и, наверное, укорачивает нам всем жизнь, но — не поэтому. Нет.

Вся моя система ценностей (единственное, что нажито мною здесь за мои сорок лет) построена на преваливании ценностей духовных. И разве можно и в такой трудный для страны час бежать, как крыса с тонущего корабля?..

Только это ведь не я бегу, а меня изгоняют. И не эмиграция это для меня, а эвакуация. И не крысой я себя чувствую, а скорей уж собакой, которую недобрый хозяин гонит от порога. И молчаливые люди на улице Чайковского — что-то не видно на их лицах радостного предвкушения райской жиз-

ни в стране изобилия, где нет проблем с мясом, где и мыла в достатке и где, я думаю, не меньше десятка сапог на ногу населения. И никак нельзя сказать, что там собрались сплошные отбросы общества. Нормальные, по большей части вполне интеллигентные люди, прилично одетые, у некоторых — машины... Куда ж они, в самом деле, и зачем?

Просто все. У нас есть недостаток, сделавший нас негодными, ненужными для страны, в которой мы родились. Мы — евреи. И я — еврейка. И у меня это записано в паспорте. И всякий раз, когда речь заходит о «еврейском вопросе» (в последнее время все чаще), я об этом говорю (в последнее время все громче). Потому что больше всего на свете не хочу, чтобы кто-то подумал, что я это скрываю или чего-то боюсь. Только если человек, для которого «еврейского вопроса» не существует, спросит меня: «Ты еврейка?»,— я ему скажу правду: «Я не знаю». Я действительно не знаю. И вовсе не потому, что во мне — часть русской крови. Я не узнаю этого наверняка до тех пор, пока нахожусь там, где есть «еврейский вопрос». Я твердо знаю здесь, сейчас, что я — еврейка. Знаю потому, что красивые мальчики из общества «Память» твердо обещали мне передавить НАС, как клопов, потому что пенсионерка из соседнего подъезда регулярно рекомендует всем НАМ «убираться отсюда в свой Израйль», потому что, когда я пыталась оттащить пьяную женщину с проезжей части, чтобы ее не переехало, прохожие тут же объяснили мне, что именно МЫ спаиваем русский народ. Значит, существует объективно некое «МЫ», и я — часть его. А если бы этого не было? Кем бы я себя тогда считала?

Может быть (наверное!), это плохо, но в нашей семье собственно еврейская культура была утрачена еще за поколение до меня. Мой прадед был ортодоксальный иудей; мой дед, погибший в 1941 году, писал братьям письма с фронта на иврите; моя бабушка лишь чуть-чуть понимала идиш, а мама ни слова не знает ни на том, ни на другом языке. Кроме Шолом-Алейхема, относящегося, впрочем, скорее к мировой классике, чем к специфически-еврейской, ничего такого специфически-еврейского я, к стыду своему, не читала. Читать я начала в четыре года с детских рассказов Толстого, и, сколько себя помню, в доме царили три кумира моей мамы — Чехов, Толстой и Достоевский. И Пушкин. И Лермонтов. И Гоголь. И Лесков. И Салтыков-Щедрин. И Тютчев. А Блока, Анненского, Полонского я открыла самостоятельно в 13 лет. В 15 — Цветаеву и Ахматову. Только в 19 — Пастернака и Мандельштама. Только в 23 — Гумилева... Помню точно и подробно оттого, что это — МОЯ жизнь, МОИ жизненные этапы, такие же МОИ и такие же значительные, как рождение сына, как смерти близких... Это все — мое. И живопись. И музыка. И пейзаж. И церкви. И деревни. И здесь погиб мой дед. Когда началась война, ему было 54 года. Он только что перенес тяжелую операцию. Никто не ждал и тем более не требовал от него, чтобы он шел на фронт. Но когда моя мама заплакала: «Папочка, не ходи! Ты болен, ты немолод, есть ведь помоложе и поздоровее...», он ответил (я тысячу раз слышала от мамы и бабушки): «Что ты, доченька, если все будут рассуждать, кто же пойдет Родину защищать?» И ушел. И погиб. Тогда же, в сорок первом году. Как и двое из его братьев. Как и все четверо братьев моей бабушки. На этой земле их могилы. Только мы не знаем — где.

Значит, здесь моя Родина. То есть я раньше так думала. А сейчас — нет, не думаю.

Я покривила бы душой, если бы стала уверять, что до последнего времени никогда не сталкивалась с антисемитизмом. Сталкивалась. И очень больно. Но это был совсем другой антисемитизм. Скажем так: был антисемитизм двух родов. Первый — бытовой. На уровне анекдотов («Абрам приходит домой...»), трамвайных оскорблений (впрочем, в ряду других, типа: «А еще очки надел!») и расхожих мифов («Евреи умеют устраиваться» и т. п.). Как я сейчас понимаю, проявления его были сравнительно нечасты и, по сравнению с нынешним, почти неагрессивны. Переживала я эти ситуации болезненно, но воспринимала их как частные, нехарактерные и существенной роли в моей жизни не играющие. Тем более что в моем кругу они были совершенно исключены, попросту невообразимы, как... ну, не знаю, высморкаться на пол.

Антисемитизм второго рода был антисемитизм обезличенный, официальный. Я, например, заканчивая школу с круглыми пятерками и с кипой грамот за литературные олимпиады, понимала загодя, что поступить в МГУ, на журфак, о котором мечтала, не смогу ни за что. Не стала и пробовать. (Мой сверходаренный одноклассник с такой же «нехорошей» фамилией и анкетой, как у меня, поступил, впрочем, на биофак, но — с седьмого (!) раза.) Получая диплом (и всю жизнь после), четко знала, где я могу работать, а куда мне путь заказан. Наверное, это ужасно, но я воспринимала все это как некую объективную данность, которую и оценивать незачем. Как погоду. Ну, можно попенять при случае, если говорить больше не о чем.

В 1987 году вышла одна из первых статей об обществе «Память» в «Комсомольской правде». По-моему, в конце мая. Я шла по Гоголевскому бульвару, увидела народ у газетного стенда, а было самое начало газетно-журнальной эйфории, и я, конечно, тут же прилипла к газете. Не помню, может, я как-то вслух среагировала или очень уж выразительно вырисовался мой вполне красноречивый нос на фоне такого же текста, только в какой-то момент я поняла, что возле стенда собралась не случайная кучка читающих, а некая группа. И завязался у нас диалог. Господи, как страшно было! Особый, новый для меня страх — не страх физической расправы, не за себя страх, а страх-брезгливость, страх-недоумение, страх за них перед Богом, что ли? Ведь не темные, ограниченные люди были передо мной, а интеллигенты с хорошими лицами, с тонкими руками, с прекрасной речью, раскованные, эрудированные, убежденные... В чем?!

Я: — Ребята, что вы?.. Были в России погромы, были, но интеллигенция с отвращением к ним относилась, прятала наже евреев, иконами заслоняла, как же вы теперь?..

Они: — Да, вот и доигрались. Из-за этого либерализма и довели Россию до сегодняшнего. (Что ответить? Из-за этого? Может, все-таки из-за чего-то другого?) Вот подождите, мы вас всех уничтожим именем Христовым, тогда-то все и наладится наконец.

Я: — Именем Христовым — уничтожим? Как-то очень нелогично получается?

Они: — А вот когда мы от вас избавимся, тогда позволим себе быть и логичными тоже.

Я: — Послушайте, какой же я враг, мы же с вами вместе росли, одно и то же читали... Для меня же Россия... Лев Толстой... Я же вот иду из Музея Пушкина...

Они: — Несомненно, евреи, которые вросли в русскую культуру,— самые опасные, поскольку они действуют изнутри.

Так. Приехали. Я — враг. Я — самый, оказывается, опасный враг для своей страны. Мне надо убраться (или дать себя уничтожить) вместе, надо полагать, с моей мамой, которая отпахала 50 лет на малоблагодарной ниве советской юстиции и которая скучает по Москве даже в отпуске, вместе с моим русским мужем, который, как выяснилось, не талантливый журналист, а вовсе пособник жидомасонов и тем самым чуть ли еще не опаснее для России, чем я, вросшая коварно в русскую культуру и разлагающая ее изнутри, вместе с моим сыном-полукровкой, который расстался со своей первой привязанностью по той убедительной причине, что девушку «не волновали судьбы России» (дословно!)... Нам, значит, надо убраться отсюда или лечь под нож в интересах России! Потому что это — единственное для нее спасение.

Это был первый и отнюдь не последний мой с НИМИ диалог. Это все была моя растерянность, ужас, недоумение, непонимание очевидного факта — Я ЧУЖАЯ в своей стране.

На тысячелетие крещения Руси, вместо того, чтобы поехать в Загорск, как собирались, сидим взаперти, а муж советуется с мамой, что, мол, если ворвутся, то как с юридической точки зрения: имеет он право стукнуть ИХ по голове или нет?

19 августа опять обещают погромы, подкидывают в почтовый ящик типографские листовки с матом, на дверях ставят кресты. На улицах — полно милиции, но у каждой еврейской квартиры не поставишь же пост?

Иду из магазина, в собственном дворе преграждают дорогу: «А ну, покажи сумки, жидовская морда! Вот кто у нас все мясо съел!» (Слава Богу, нашли наконец виновника!)

Возле редакции прогрессивной газеты подходят вплотную ко мне две милые женщины моих лет, шипят в лицо: «Убирались бы, а то всех перережем!» Вхожу в редакцию, идем по коридору с приятелем-журналистом. Навстречу — двое сотрудников. Обрывок разговора: «А заместителей заведующих отделами — вообще 24 процента евреев...» Смотрим друг на друга. «Слышала?» А газета-то прогрессивная...

Меня успокаивают: «Не обращай внимания. Не будет погромов, правительство не допустит!» Охотно верю, что нынешнему правительству погромы нужны ничуть не больше, чем мне или моей маме. Но разве оно всесильно и вездесуще? И разве в этом в конце концов дело — будут прогромы или нет? Ну, будут. Ну, не будут. Или будут, но до меня не доберутся, а доберутся до моего племянника и его философа-отца. Или до моей соседки, абсолютно русской, но регулярно меняющей место работы из-за вечных конфликтов с антисемитами и зачисленной наверняка в жидомасоны.

Мне страшно за эту страну. У меня историческое образование. Я знаю, что это за симптом, когда начинается националистическая истерия. И я не хочу при этом присутствовать, будучи заведомо бессильной хоть что-то изменить. Мне невыносимо чувствовать себя «инородным» телом, отторгаемым тем организмом, частью которого я себя всю жизнь ощущала. Я не боюсь за себя, потому что мне унизительно ИХ бояться, но я устала трястись каждый день, пока муж едет с работы домой, потому что он ввязывается в любую уличную дискуссию на эту тему и когда-нибудь схлопочет от оппонента в качестве окончательного аргумента прикладом по голове или ножом в живот. Я не хочу, чтобы у моего сына спрашивали, кто ему эта жидовка, с которой его видел однокурсник. Я не хочу, чтобы мою мать на восьмом десятке прикончил, заходясь от «патриотизма», один из тех уголовников, которых она, адвокат, всю жизнь защищала.

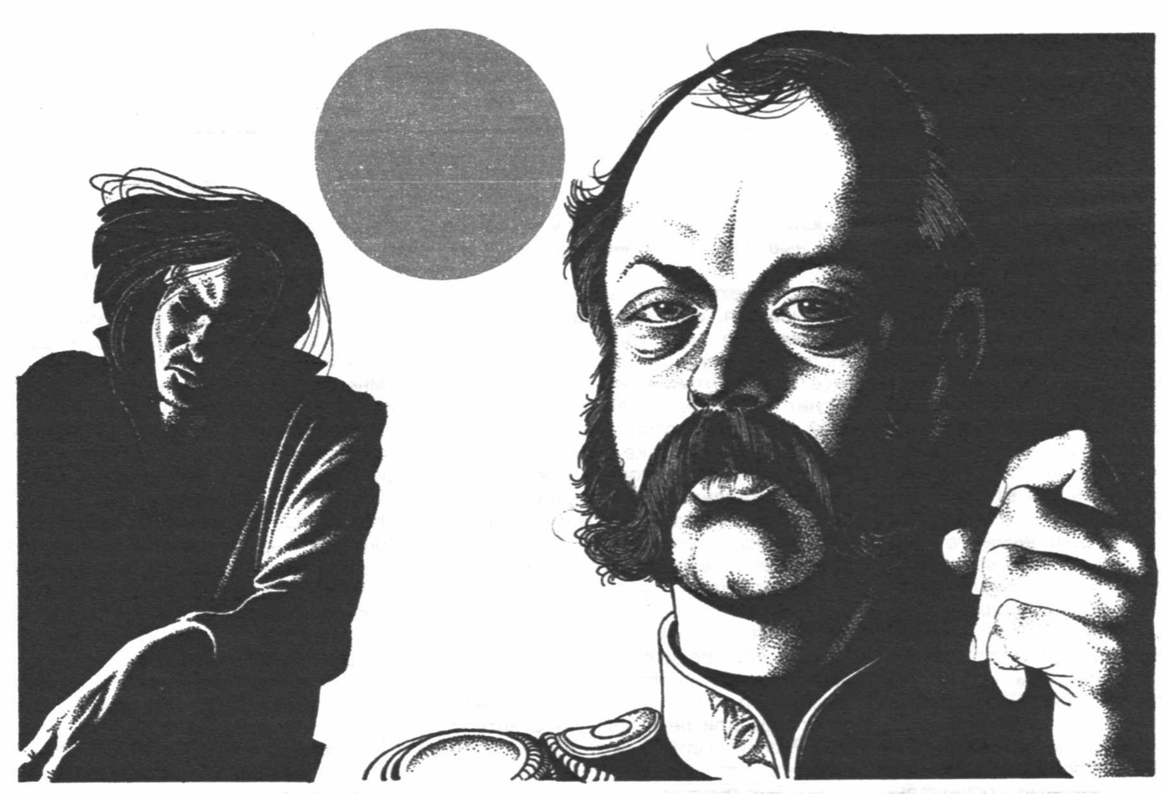
Мне больше ничего не надо от этой страны. Я не хочу никакой творческой реализации, я не хочу, как всю жизнь старалась, чтобы от меня здесь была какая-то польза (а она была!). Я ничего не возьму с собой — дневники, письма и фотографии с надписями, кажется, не пропускают на таможне, а больше мне ничего не надо, да и нет у меня ничего, кроме книг. Книги я тоже не возьму. Я куплю себе другие книги. Ничего мне от вас не надо. У меня больше никогда не будет Родины. И она мне не нужна, раз я не нужна ей. Ничего больше не хочу. Хочу только покоя и безопасности для своей семьи.

И вообще, если мой отъезд послужит спасению России, что ж, придется принести себя в жертву высоким идеалам общества «Память». Может быть, и впрямь, стоит устранить меня из русской культуры, как тут же на Русской земле воцарится благоденствие, мир и достаток. Ну, и отлично. Я буду очень рада. Только я в это не верю. Не верю, что двое соседей, выгнав третьего пинками из их общего дома, немедленно заживут в покое и согласии. Так не бывает. Ненависть, раз возникнув в душах, лишившись непосредственного объекта, не исчезнет без следа, а будет обращена на оставшихся, друг на друга, на себя. Видит Бог, я хочу этой стране только добра. Но почему нам (теперь уже — вам!) не идут впрок даже самые жестокие уроки? Почему никак не становится очевидным, что не выстроить счастья и благополучия ни на чужих слезах, ни на чужой крови? Уже ведь и стреляли, и выгоняли, а счастья что-то все нет... Говорите, не тех стреляли? Что ж, попробуйте еще раз. Вдруг да получится. Только это — без меня. А я завтра утром пойду в австралийское посольство. Вроде бы там будут давать анкеты.

И.Щ.

Моя фамилия известна редакции. У общества «Память» мой адрес и так есть: они ведь у каждого, вступающего в их ряды, требуют для начала пять адресов еврейских семей (можно и три, но тогда тех, которые скрываются под русскими фамилиями). А если честно, ребятки, я ведь вас все-таки боюсь. Так что молодцы, поздравляю, большую победу вы одержали!

Можем ли мы сегодня спокойно смотреть друг другу в глаза, не ответив на этот обжигающий, сотканный из боли вопрос: «Почему они уезжают?»... Никто больше им не клеит ярлыки «отщепенцев», «изменников родины». Времена меняются, и страна, где родились мы и они, Отечество наше становится другим. И пока они еще толпятся у ворот посольств, как некогда иное поколение стояло перед окошечком на Лубянке или возле ленинградских Крестов, спросим себя: почему с таким равнодушием глядим им вслед?.. Верится, что большинству из них было нелегко сделать этот шаг. Спросите их сами — и мало кто ответит вам, что причина отъезда в отсутствии достославной колбасы, якобы символизирующей изобилие. В каждом, кто надеется получить «вид на жительство»,— мука мученическая. За каждым — изломанная судьба, крушение надежд. И страх.

ИСПЫТАНИЕ

М. А. АЛДАНОВ

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

VIII

Огромное здание манежа было совершенно переполнено. Как в опере перед увертюрой, музыканты настраивали инструменты, слышались команды отдельных частей, и стоявший гул время от времени покрывал знаменитый на всю военную Россию бас манежного глашатая, сообщавшего о приезде высших должностных лиц. Развод 1 марта был от лейб-гвардии саперного батальона. Саперы выстроились по левую сторону манежа. Противоположная сторона была занята офицерами всех других полков гвардии. Когда-то, при Павле, развод в высочайшем присутствии происходил каждый день. При Александре II он обычно устраивался раз в неделю. Иностранцы считали его самым красивым зрелищем при русском дворе и очень дорожили приглашением в манеж. По общему правилу из дипломатов всегда приглашались военные. Французский посол Шанзи и германский фон-Швейниц оба были генералами, и на разводах удобно было следить за тем, кому из них государь оказывает больше внимания. Из этого делались важные политические выводы.

Почему-то — без понятной причины — настроение в манеже, как, быть может, во всем Петербурге, было в тот день несколько тревожное. В группе людей, стоявших позади германского посольства, русский офицер, татарин по происхождению, рассказывал о сне царя. Немцы слушали с любопытством.

— Кровавый месяц? — спросил граф фон-Пфель.— Это очень странно. Но почему кровавый месяц означает заговор?

— Я тоже слышал об этом сне. Кажется, две луны, и одна кровавая... Конечно, вздор! — сказал кто-то другой.— Верно, этот знаменитый Али-Эффенди просто проходимец.

— Да и сны вообще никогда ничего не означают. У меня, например, сны всегда совершенно бессмысленны. Настолько бессмысленны, что никакой толкователь ничего не мог бы сочинить.

— А что же казалось бессмысленнее коров фараона? По-моему...— сказал немецкий офицер и схватился за уши. «Его высокопревосходительство, генерал-адъютант Гурко изволит еха-а-ать!» — прокричал поблизости от них бас, почему-то растягивавший последнее слово и доводивший на нем звук до чудовищной силы.— Это просто черт знает что такое!

Разговор о сне не возобновился. От Али-Эффенди перешли к турецкому послу, тоже генералу.

— Этот самый Шакир-паша в пору войны здорово нас потрепал, и как раз саперов.

— Заметит ли государь Скалона? Он был изранен насмерть, очень долго лежал и нынче в первый раз на параде.

— Великий князь Дмитрий в первый раз ординарец и страшно волнуется.

— Вы говорите, саперы. Любопытно, что эта часть играет некоторую роль в жизни государя императора. Когда он родился, караул был от саперов. В день декабрьского восстания, они...

Бас прокричал о приезде государя как-то по-иному и уж совершенно нечеловеческим голосом. Послышалась команда: «Смирно!» Люди окаменели. Мгновенно настала полная тишина. Ворота распахнулись настежь, и Александр II в мундире саперного батальона въехал верхом в манеж, в сопровождении свиты. Он доехал до средины манежа, повернул лошадь к батальону и махнул рукой. Оркестр заиграл гимн. Затем минуты две длилось «ура!».

Люди, бывшие на разводе, впоследствии говорили, что никогда Александр II не был так весел и так красив, как в этот день. «Noch immer eine der schönsten und erhabensten Herrschergestalten, die man sich denken konnte»[1],— записал о нем немецкий офицер. Саперный батальон два раза прошел перед царем. Он заметил Скалона и потом участливо расспрашивал его о здоровье. Со своим двадцатилетним племянником был чрезвычайно ласков и хвалил его езду. Все обратили внимание на то, что государь после парада долго разговаривал с генералом Шанзи.

В небольшой группе иностранцев, каждый день и каждую ночь пивших вместе шампанское, обменивались впечатлениями:

— Необыкновенно красиво! Это изумительное разнообразие мундиров! Сегодня белые, черные, цветные султаны издали казались лесом.

— С лесом ни малейшего сходства, но действительно такого блеска нет нигде в мире.

— Главное, сам он на редкость картинный человек. Его стиль: сочетание Людовика XIV с Гарун-аль-Рашидом.

— Обратите внимание: это афоризм!

— Стиль стилем, но в девятнадцатом веке незачем делать из человека божество.

— Сегодня он был великолепен. А иногда на него тяжело смотреть. Я в январе видел его у великого князя Владимира. Он кашлял не переставая, его измучила астма.

— Божество, больное астмой.

— У Владимира сегодня обедает La Grande Mademoiselle[2].— Так в этом кружке называли Юрьевскую.— Забавно, что хозяин должен будет пить за ее здоровье!

— «O, that deceit should dwell in such a gorgeous palace!..»[3] Это не я говорю. Это сказал Шекспир.

— Он читал Шекспира!

— Если, конечно, он не врет.

— Вчера наследник отказался вести ее в церковь. Она шла с великой княгиней Марьей Павловной.

— Нет, он не отказался: не посмел бы отказаться. Это вышло как-то само собой.

— Само собой ничего не выходит. Даже революция.

— Кажется, погода портится,— сказал старый человек в монокле, недовольный последним замечанием.— Утро было прекрасное: солнце и мороз.

— Мороз остался, но солнце исчезло. А все-таки меня напрасно так пугали петербургским климатом, в нем ничего страшного нет. И эти русские печи настолько лучше наших каминов.

— В домах у них тепло, но в театрах иногда очень холодно. Даже в Китайском и в Эрмитаже.

— Я был на том спектакле, на котором одна симпатичная старушка,— я никого не называю, моя discrétion[4] общеизвестна — выдвинула конкурентку à la Grande Mademoiselle. Конкурентка сидела в ложе старушки как раз против царя. Он тогда еще бывал в театрах.

— Я ее знаю. Очень опасная конкурентка: писаная красавица.

— И что же?

— Он смотрел, кажется, с большим интересом. Тем не менее замысел симпатичной старушки не удался. Французы изумлялись: это уже Людовик XV.

— Сфинкс сегодня сиял.— Прозвище Сфинкса было дано молчаливому французскому послу.— Император был с ним очень любезен, он пошлет об этом семьдесят шифрованных телеграмм в Париж. Вы знаете, на первом разводе, после отказа Франции в выдаче того проходимца Гартмана, Александр II не протянул Сфинксу руки.

— Он сказал: «J'ai été très affecté, Monsieur l' Ambassadeur, de la décision de votre gouvernement au sujet de ce misérable. C'est tout ce que j'ai à vous dire»[5]. И пошел дальше.

— Кто это Гартман?.. Ах, да, я забыл.

— Он забыл. Он не помнит, как зовут английскую королеву. Он вчера выпил три бутылки.

— По поводу английской королевы, знаете ли вы, как лорд Дюфферин определяет революцию: «Революция — это когда внизу убийцы, а наверху самоубийцы».

IX

Со своего наблюдательного пункта Перовская увидела, что окруженная казаками карета пронеслась по Инженерной. За стеклами мелькнула откинувшаяся на спинку сиденья фигура в николаевской шинели. «Проехал по набережной!..» Шансы уменьшались вдвое.

Она не чувствовала ни волнения, ни страха. Все ее чувства достигли такого напряжения, что бесследно проходили через душу, как безболезненно проходит через тело ток в сто тысяч вольт. Она почти ни о чем, кроме диспозиции, не думала. Развалившийся в карете человек, по воле которого должен был на виселице умереть Тарас, был величайшим злодеем, и его следовало убить без малейшего колебания. Не заслуживал ничего, кроме ненависти, и весь их мир дворцов, мундиров, угнетателей.

Если бы ее нечеловеческое напряжение прошло, она, вероятно, могла бы сказать все это связно. Она могла бы сказать, что по рождению принадлежала к их миру, что ушла из него добровольно,— от ее воли зависело в нем остаться. Перовская ушла из этого мира в ранней юности и теперь знала в нем немногих; при редких случайных встречах они в ней не вызывали даже презрения. Молодой красноречивый прокурор Муравьев, месяцем позже добившийся для нее смертной казни, был товарищем ее детства,— такие «шутки судьбы» случались только в старой России. Должно быть, на процессе он боялся, что она об этом скажет: для него тут не было бы ничего страшного, но неприятное, наверное, было бы: по зале суда, конечно, пробежал бы изумленный гул и об этом долго — по-разному — говорили бы в его обществе, в министерстве, при дворе. Перовская не сказала ни слова: в отличие от Желябова и от многих других революционеров она не любила и не понимала эффектов; если что было ей совершенно чуждо, то именно тщеславие и поза. Этот

Главы из романа «Истоки». Продолжение. См. «Огонек» №№ 11,12.

[1] «Среди монархов, пожалуй, все еще трудно отыскать фигуру, равную ему по красоте и величию» (нем.).

[2] Мадемуазель — вежливое обращение к девушке (франц.). Здесь — ирония: Долгорукова была замужем за Александром II, но кое-кто не считал этот брак действительным.

[3] О, почему ж обман живет в таком
Дворце роскошном? (У. Шекспир. «Ромео и Джульетта», пер. Т. Щепкиной-Куперник.)

[4] Щепетильность (франц.).

[5] «Я был весьма огорчен, господин посол, решением вашего правительства в отношении этого презренного человека. Вот все, что я имею сказать вам по этому поводу» (франц.).

прокурор, изображавший Тараса злодеем, вообще не был для нее человеком.

Однако теперь вся цепь чувств и рассуждений, которая привела к 1-ому марта, была где-то позади, на самом дне ее сознания. Теперь она думала лишь о том, как помешать спастись развалившемуся в карете человеку в николаевской шинели. Но об этом думала с необыкновенной ясностью. Перовская в этот день не допустила ни единой оплошности, не сделала ни единой ошибки. В Доме предварительного заключения Тарас должен был услышать взрыв. Желябов не мог знать, что покушение на царя произойдет сегодня, но он, конечно, мог на это надеяться,— наверное, рассчитывал на нее. Она представила себе, как он прислушивается в своей камере, и ускорила шаги.

По Михайловской на некотором расстоянии один от другого шли Рысаков и Емельянов, оба с белыми свертками. Ей показалось, что они, особенно Рысаков, еле держатся на ногах. Сделав им знак платком, она прошла до конца улицы. Тимофея Михайлова не было. «Неужели сбежал? Нет, конечно, увидел, что карета проехала по набережной. Но все равно, он должен был быть здесь!» Ее привели в бешенство эти ненадежные товарищи, на которых не подействовала гибель Тараса.

Стиснув зубы, Перовская вернулась на Малую Садовую и медленно прошла мимо лавки. Ей захотелось туда зайти, в последний раз взглянуть на подкоп, где Тарас провел много ночей. Но она чувствовала, что может лишиться чувств от запаха, навсегда связавшегося с лавкой у всех участников подкопа.

В Петербурге того времени даже неопытный человек мог на улице легко заметить, что ожидается проезд царя. Напряжение росло с каждой минутой. Каменели лица вытягивавшихся городовых, каменели фигуры конных жандармов, каменели даже их лошади. По улице рассыпались сыщики. Теперь на Малой Садовой напряжение уже исчезло. Перовской стало ясно, что царь и на обратном пути по этой улице не проедет. «Тогда Антонина верно уже ушла?..» Она теперь называла Якимову так, как ее никто больше, кроме Тараса, не звал. По своему опыту на Московской железной дороге Перовская помнила, что такое ждать взрыва. Но для нее теперь существовали только чувства одного человека на свете. «Вся надежда на металлщиков!.. Ах, зачем, зачем я не взяла снаряда себе!..»

Гриневицкий сидел в нижнем полутемном помещении кофейни Андреева. Здесь публики не было: люди завтракали наверху. Котик что-то ел. Перед ним, между графином и хлебом, лежал белый сверток, перевязанный серой тесемочкой. Увидев Перовскую, Гриневицкий издали ласково помахал ей рукой, встал и пододвинул ей стул.

— На Малой Садовой не вышло,— садясь, сказала она вполголоса, хотя никто не мог их слышать.

— Я знаю. Он проехал по набережной канала и, очевидно, по набережной вернется. Вы говорите о подкопе? Что ж, теперь скрывать от меня бесполезно, я для того и позволяю себе спрашивать: теперь я только могу «унести тайну в могилу». Кажется, так говорят: «унести тайну в могилу»?.. Вы что будете есть? Зразы очень хороши.

— Что?.. Нет, я не буду есть!.. Впрочем, я отлично понимаю и даже вам завидую, но я есть не могу.

— Отчего же не есть? Можно ослабеть. Хотите, я закажу вам черного кофе с коньяком. Я перед зразами выпил и рюмку водки.

— Для бодрости?

— Отчасти для бодрости. Но главным образом для того, что я люблю и водку, и зразы, и кофе. Ведь это мой последний завтрак.

— Почему вы так думаете? Так нельзя думать, когда идешь на дело,— сказала она. Как ни трудно ей было теперь входить в мысли и чувства других людей, она сделала над собой усилие: это было частью диспозиции.— Если и выйдет вам бросить снаряд, вы можете потом скрыться в суматохе.

Он засмеялся.

— Бросить снаряд отвесно, а потом скрыться в суматохе?.. Думаю, что номер 1 ненадежен. Я его издали видел.

— Я не могла его найти! Куда же он делся?

Гриневицкий сделал ей легкий знак глазами. В комнату спустился лакей.

— Дайте нам, пожалуйста, две чашки кофе и две рюмки коньяку.

— Одну рюмку. Я не хочу.

— Одну рюмку коньяку. И, пожалуйста, принесите счет,— сказал Гриневицкий. Лакей убрал тарелку с остатками жаркого и смел салфеткой крошки хлеба со скатерти. Гриневицкий небрежно положил белый сверток на стул.

— Времени еще много: мы можем оставаться здесь четверть часа.

— Почему вы думаете, что он ненадежен?

— Это есть только мое впечатление. Он слишком волнуется.

— А вы?

— Я меньше,— без улыбки ответил он.— А главное, волнуюсь ли я или нет, я в себе совершенно уверен. Вот как в вас... Будьте спокойны, дни Александра II сочтены. Даже не дни... Ему осталось жить около часа. И мне столько же. Все мы, его убийцы, умрем вместе с ним. Думаю, что удар выпало нанести мне. Что ж делать? Без кровопролития ничего в истории не делается. Без крови мы свободы не завоюем. И мы завоюем ее не так скоро. Мне не придется, конечно, участвовать в последней борьбе за освобождение. Судьба обрекла меня на раннюю смерть. Я не увижу победы, я ни одного дня, ни одного часа в свободной России жить не буду... Кстати, поляки считают меня отщепенцем... Кажется, есть такое слово: отщепенец? Поляки считают меня русским, а русские считают меня поляком. Я не знаю, кто прав: я просто человек. Думаю, что в будущем таких людей, как я, людей — просто, будет все больше... Я люблю людей, люблю жизнь. Только деспотов не люблю. Все их слуги будут с нынешнего дня нас оплевывать и смешивать с грязью. Но какие же низменные побуждения они могут у нас найти? Видит Бог, в которого я так горячо верил прежде, в которого, быть может, верю и сейчас... Видит Бог, мы ничего для себя не желали, мы хотели и хотим только блага человечества. Чего я могу хотеть для себя, если через час никакого Гриневицкого не будет!.. Я люблю жизнь и не могу отдать ее с радостью. Видит Бог, отдаю ее потому, что этого требует долг. Я сегодня сделаю все, что должен был сделать в жизни. Больше от меня никто не вправе ничего требовать. Горючий материал в России накоплен столетьями... Да и во всем мире. Наше дело бросить искру в порох.

— Не только в этом,— сказала она, смотря на него с удивлением. «Как я раньше его не замечала? Он ни на кого не похож...»

— Конечно, не только в этом,— согласился он.— Надо будет заботиться о том, чтобы возникшее дело кончилось победой наших идей. Живые об этом должны позаботиться. Но из нас кто же останется в живых? Конечно, не вы... Простите меня, я не сказал бы этого другой женщине, вы женщина необыкновенная...

Лакей принес кофе, коньяк и счет. Гриневицкий расплатился и залпом выпил коньяк.

— Вы останетесь здесь? — спросил он, когда лакей опять ушел.

— Нет, я тоже пойду, но мы выйдем не вместе... Я только хочу сказать вам, Котик, что вы напрасно себя хороните. Первый бросит бомбу Михайлов,— сказала она, хоть ему по правилам не полагалось знать настоящие имена других металльщиков. Он усмехнулся и наклонил голову, как бы показывая, что знал это имя.

— Может быть, может быть.

— Я пройду через Казанский мост и буду за всем следить с другой стороны Екатерининского канала. Значит, я вас еще увижу. И во всяком случае я не прощаюсь. После того, как все будет кончено, приходите опять на Тележную,— сказала она, вставая.

— Хорошо, хорошо.— Он допил кофе, тоже поднялся и взял со стула белый сверток, держа его за бантик. «Что, если бантик развяжется?» — невольно подумала она.— Прощайте.

Точно на мгновенье ослабел проходивший через ее душу ток страшного напряжения.

— Прощайте, Котик! — прошептала она.

X

Как Перовская и Гриневицкий, Тимофей Михайлов издали увидел пронесшуюся карету царя. Лишь только ему стало ясно, что на подкоп больше надежды нет, силы его оставили.

Михайлов был мужественный человек, и это доказал своим поведеньем на суде и на эшафоте. Но теперь на улице он почувствовал, что не может выполнить порученное ему дело. Ждать надо было бы еще часа два. Между тем он знал, что свалится без чувств гораздо раньше: у него кружилась голова. С этим крепким огромным человеком, наверное, никогда прежде ничего такого не случалось.

Пойти на Михайловскую к Перовской, сказать ей правду было тоже невозможно. «Как я ей скажу! Барышня, ростом вдвое меньше меня, и она может, а я не могу!.. Язык не повернется сказать!.. Соврать? Да что же я выдумаю? И никогда она не поверит, и не могу я ей врать. Если говорить, так правду: «Не могу, хотите казните, хотите милуйте... Делайте со мной, братцы, что хотите»,— мысленно говорил он членам Исполнительного Комитета. Ему хотелось лечь, заснуть, забыть все. Теперь ему казалось, что он был счастлив прежде, когда жил впроголодь, получал на заводе гроши, терпел обиды и оскорбления.

Было очень холодно, у него зябли руки и уши. Михайлов не надел рукавиц, а в правой руке держал белый сверток. Он приложил к уху левую руку, затем попробовал ею отогреть другое ухо и чуть было не уронил снаряда. Ахнув, спрятал снаряд за пазуху и тотчас его вынул,— подумал, что могут принять за вора. «Не могу! Бог видит, не могу!.. Потом придумаю, что сказать. Что хотите, то со мной делайте, братцы!..» — Михайлов надвинул шапку на лоб и пошел домой, отчаянно размахивая рукой со снарядом. Он ругал себя самыми ужасными словами — и чувствовал невыразимое облегчение.

Его уход спутал диспозицию. Ему полагалось стоять на набережной канала у поворота с Инженерной. Теперь это место, на котором царская карета по необходимости замедляла ход, оставалось незанятым.

Выйдя из кофейни Андреева, Перовская по Невскому отправилась к каналу и перешла на другую его сторону. Металльщики уже должны были все находиться на местах. Она так же хорошо собой владела и теперь, но сердце у нее страшно билось. По диспозиции ей полагалось находиться против первого металльщика. «Где же они?.. Что же это?..» — спрашивала она себя, вглядываясь в редких людей, шедших по ту сторону канала. Прохожих было мало. Вдруг она увидела Рысакова. Он шел, пошатываясь, к повороту,— прошел дальше, не глядя по сторонам. Она хотела закричать: «Николай! Здесь! Остановитесь! Здесь!..» Через минуту Рысаков остановился, повернул было назад и опять, шатаясь, пошел в прежнем направлении. «Что же это? Он не сделает!.. Где же другие?.. Бежали!..»

Только теперь она увидела, что довольно далеко впереди, плотно прислонившись к решетке, скрестив руки, стоит какой-то человек в пальто. «Котик!» — замирая, подумала Перовская. Это действительно был Гриневицкий. Она не видела свертка, но догадалась, что он поддерживает и прикрывает снаряд скрещенными руками. «Неблагоразумно так стоять: сыщики заметят. Нет, сыщиков, кажется, нет...»

Набережная в самом деле была пуста. Только с Инженерной свернул мальчик, кативший перед собой корзину на полозьях. Перовская поравнялась с Гриневицким и остановилась. Он оглянулся, увидел ее и слабо ей улыбнулся. Лицо его было совершенно спокойно. «Слава Богу!.. Вся надежда на Котика! Он не выдаст!..»

На набережную вдруг с Инженерной вышел небольшой отряд. Это был возвращавшийся с парада флотский экипаж. «Что это? — все больше задыхаясь, спросила себя Перовская: еще не понимала, как может отразиться на деле эта неожиданность. Карета царя теперь могла появиться каждую минуту. Мальчик, быстро скользя по засыпанной снегом набережной, приближался к Рысакову. Она успела подумать, что если карета появится сейчас, то, верно, будет убит и мальчик. «Лишь бы еще две-три минуты! Тогда он убежит далеко вперед»,— подумала она и опять оглянулась в сторону Гриневицкого. Теперь он на нее не смотрел. Он смотрел вверх, медленно обводя взглядом небо. Перовская еще подумала о Тарасе — и замерла: на повороте показалась окруженная казаками карета.

XI

Лейб-кучер Фрол Сергеев, знаток своего дела, знал, что на царя готовятся покушения. Дворжицкий и Кох не раз давали ему указания и вразумительно объясняли, что и он будет убит, если злодей бросит бомбу. Это нетрудно было понять и без объяснений. Вызывала к себе лейб-кучера также княгиня Юрьевская, умолявшая его за всем следить и не жалеть рысаков,— самых лучших в России. Фрол Сергеев боялся только поворотов, но и на них задерживал лошадей лишь на полминуты. По набережной карета понеслась так, что вокруг нее казаки перешли на галоп.

Услышав позади себя топот, взводный флотского экипажа оглянулся, увидел карету царя и прокричал команду. Экипаж мгновенно выстроился у решетки Михайловского сада. Загремел барабан. Мальчик остановился и замер, восторженно глядя на мчавшихся лошадей. Карета пронеслась мимо флотского экипажа. «Николай! Сейчас! Сию минуту!» — беззвучно закричала Перовская. Рысаков все так же, не глядя по сторонам, шел, пошатываясь, по краю набережной. Казак чуть не наскочил на него и, обернувшись, погрозил ему нагайкой. Рысаков, глядя вперед бессмысленным взглядом, отбросил от себя вдогонку карете свой сверток, точно хотел от него освободиться. Раздался страшный удар. Все заволокло дымом.

Когда дым немного рассеялся, Перовская с отчаяньем увидела, что царь выходит из осевшей набок кареты. «Спасся!.. Тарас!» — подумала она. На снегу лежали люди. Одна из казачьих лошадей без всадника бешено неслась вперед. Другие лошади взвились на дыбы. К карете сзади подбегал выскочивший из своих саней полицеймейстер,— его искаженное лицо запечатлелось у нее в памяти. Она не сразу увидела, что Рысаков, теперь шатаясь совсем как пьяный, бежит назад к Инженерной, что его

нагоняют люди. «Тарас! — подумала она.— Тарас услышит взрыв, а потом узнает, что все пропало!» И в ту же секунду она вспомнила о Гриневицком. Он стоял все так же неподвижно, со скрещенными руками, прислонившись к решетке Екатерининского канала.

К месту взрыва бежали солдаты, полицейские, еще какие-то люди. Все смешалось. Перовская больше не видела ни Рысакова, ни царя. Она лишь вечером узнала то, что узнали все в мире. Много людей в этот день говорили, что «первые схватили злодея». Хвалились этим и жандармский капитан Кох, и фельдшер Горохов, и городовой Несговоров, и мостовой сторож Назаров, и рядовой Евченко. По-видимому, в него сразу вцепилось несколько человек. Царь, тоже пошатываясь, подошел к нему, смотрел на него с минуту и спросил:

— Ты бросил бомбу?

— Да, я.

— Кто такой?

— Мещанин Глазов,— сказал Рысаков, отчаянно на него глядя. Царь еще помолчал.

— Хорош! — сказал он наконец и отошел. Он был оглушен взрывом, и голова у него работала не ясно.— «Un joli Monsieur!» [6],— негромко сказал Александр II.

Дворжицкий задыхающимся голосом спросил его:

— Ваше величество, вы не ранены?

Царь еще успел подумать, что надо за собой следить, не сделать и не сказать ничего лишнего. Помолчав несколько секунд, царь медленно, с расстановкой, ответил, показывая на корчившегося на снегу мальчика:

— Я нет... Слава Богу... Но вот...

Свидетели показывали, что Рысаков, услышав ответ царя, сказал: «Еще слава ли Богу?» Прокуратура ухватилась за эти слова. Сам он говорил, что не помнит, сказал ли их, и, конечно, говорил правду: в том состоянии, в каком он находился, и не мог их помнить. Вероятно, Рысаков это сказал,— как, вероятно, Желябов, человек неизмеримо более крепкий, в момент ареста иронически спросил полицейских: «Не слишком ли поздно вы меня арестовали?» Такие замечания вредили не только им (об этом они, особенно Желябов, не думали), но и их делу: полиция очень насторожилась после слов Желябова, а услышав «еще слава ли Богу?», царь, по требованиям здравого смысла, должен был бы тотчас уехать. Однако Рысаков в ту минуту был близок к умопомешательству. Потребность вызова могла оказаться сильнее всех других чувств. Он бессознательно утешал себя этими словами. Едва ли он и желал успеха следующему метальщику: теперь ему было все равно.

Не он один потерял голову на набережной. Император, наверное, спасся бы, если бы он или люди, ведавшие его охраной, сохранили самообладание. Совершенно правильно заметил в своих воспоминаниях Тихомиров, вернувшийся в Петербург как раз 1 марта и в тот же вечер слышавший рассказ Перовской о деле: Александр II сам пошел навстречу смерти. Он не должен был и приближаться к террористу. Скорее всего царь подошел к нему из любопытства. Могли быть и соображения престижа: надо было показать быстро собиравшейся толпе, что он не испугался, что он сохранил полное спокойствие. Однако у людей, ведавших его охраной, таких соображений быть не могло. По самому характеру своей службы они должны были наперед сто раз представлять себе картину покушения на царя и обдумывать, что тогда надо будет сделать. В действительности все, что они делали 1 марта на набережной Екатерининского канала, было совершенно бессмысленно.

По правилам царского конвоя, казакам полагалось тотчас сходить с коней, когда император выходил из кареты. Лошади взвились на дыбы, казаки с них соскочили и вцепились в поводья: отпустить взбесившихся лошадей было невозможно. Таким образом царь остался без охраны. Лишь казак, сидевший на козлах рядом с кучером, не потерял головы и, ахая, как все, сказал полицеймейстеру, что надо поскорее увезти его величество в санях.

— Что там в санях!.. В карете увезу!.. Довезу, ничего! — говорил оглушенный кучер, тоже соскочивший с козел. Полицеймейстер дико взглянул на кучера, схватился за голову и побежал нагонять царя. Все же он успел на бегу сообразить, что совет казака правилен.

— Ваше величество... Соблаговолите сесть в мои сани... Осчастливите... Во дворец... Видит Бог... Мало ли что может...— задыхаясь, говорил он.

— Покажи мне сначала... все,— сказал царь. Он и сам не знал, что хочет видеть.— Покажи место взрыва.

Он остановился над умиравшим мальчиком, над трупом убитого наповал казака. Окружавшие его теперь люди, полицеймейстер, солдаты, сбегавшиеся случайные прохожие, все одновременно говорили, не слушая друг друга. Царь не любил толпы, даже придворной, но в такой толпе отроду не был. Он медленно пошел дальше, не зная, куда и зачем идет. Теперь карета, место взрыва, сани, мальчик, толпа были позади его. Впереди был только Гриневицкий.

Полицеймейстер, шедший рядом с императором справа, тем же отчаянным голосом говорил что-то невразумительное. Здравый смысл предписывал пойти назад, тотчас сесть в сани и вернуться в Михайловский дворец по дороге, на которой метальщиков не оказалось. Можно было также послать вперед полицию, казаков, флотский экипаж для того, чтобы они расчистили дорогу к Зимнему дворцу.

Перовская увидела, что царь в сопровождении полицеймейстера идет вперед, к Гриневицкому. Он шел неровно, зигзагами, то приближаясь к решетке канала, то удаляясь от нее,— не совсем твердо держался на ногах. И так же неровно, тоже пошатываясь, бессознательно повторяя его движения, пошла вперед она по своей стороне канала. Впереди слева, опершись на решетку, стоял человек со скрещенными руками.

Люди в нормальном состоянии никак не могли бы не обратить внимания на эту странную фигуру. Только террорист — или разве умалишенный — мог в эту минуту стоять неподвижно вдали от всех. И царь, и полицеймейстер видели Гриневицкого: его нельзя было не видеть. «Что же это?.. Отчего не бросается навстречу?.. Чего ждет?.. Его схватят!» — все больше задыхаясь, думала Перовская. Расстояние между царем и Гриневицким уменьшалось, но Гриневицкий точно прирос к земле и к решетке. На последнем своем зигзаге царь почти с ним поравнялся. Лишь теперь он заметил этого не снявшего шапки человека, он встретился с ним взглядом — и вдруг понял. Гриневицкий высоко поднял обе руки и почти отвесно изо всей силы бросил свой белый сверток между царем и собой.

Второй взрыв почему-то оказался гораздо более сильным, чем первый. Перовская закричала диким голосом, закрыла лицо руками и побежала назад. На правой стороне канала повалилось в снег много людей. Слышались отчаянные крики. Дым не расходился минуты две.

Александр II и его убийца, оба смертельно раненные, сидели почти рядом на снегу, опираясь руками о землю, спиной о решетку канала. Рядом с ними упал на четвереньки полицеймейстер. Лошади пронеслись мимо них, волоча подбитую карету. За обезумевшими лошадьми гнались обезумевшие люди. Все орали, хватались за голову, бежали кто вперед, кто назад. По приказу обезумевшего взводного обезумевшие солдаты зачем-то ломали решетку сада. Подбежавший в последнюю минуту метальщик Емельянов спрятал за пазуху снаряд — и бросился помогать царю.

XII

На месте никакой помощи императору оказано не было. Примчавшийся из Михайловского дворца великий князь Михаил, ротмистр Колюбакин, метальщик Емельянов и другие люди подняли царя и перенесли его в сани. «В первый дом внести!.. Не доедет!.. Разве так можно?.. Вот сюда внесем»,— задыхаясь, сказал кто-то. Александр II услышал это и прошептал (быть может, подумал о княгине):

— Во дворец... Там умереть...

Одежда его была сожжена или сорвана взрывом, царь был наполовину гол. Ноги его были совершенно раздроблены и почти отделились от туловища. Ротмистр Колюбакин поддерживал царя в крошечных санях. По дороге Александр II открыл глаза и будто бы спросил: «Ты ранен, Колюбакин?»

В том же состоянии паники внесли его из саней во дворец, не на носилках, даже не на кресле, а на руках. Люди засучили рукава, с них кровь струилась, как с мясников. В дверь дворца втиснуться толпе было трудно. Дверь выломали, все так же держа на руках полуголого, обожженного, умирающего человека.

Дежурный дворцовый доктор Маркус и дежурный фельдшер Коган как раз садились пить чай в одной из отдаленных комнат дворца. Истопник прибежал с криком: «Скорей! Идите!.. Государю ноги оторвали!» Они сломя голову побежали за истопником.

В длинной темной узкой зале перед царским кабинетом, по окровавленным коврам, бегали окровавленные лакеи с засученными рукавами. Император лежал в кабинете на диване, передвинутом от стены к письменному столу. У изголовья неподвижно стояла с застывшим лицом княгиня Юрьевская, а на коленях перед диваном великий князь Александр Александрович. Уже было послано за членами царской семьи, за лейб-медиками, за духовником, за главными сановниками. Некоторые из них входили в кабинет, ахали и останавливались, глядя на диван. Кто-то заплакал. За ним заплакали другие. Вошел английский посол, лорд Дюфферин, тоже замер на пороге, затем приложил платок к глазам.

Растерянный фельдшер Коган прижал артерию на левом бедре царя. Доктор Маркус заглянул в медленно раскрывшийся окровавленный левый глаз умиравшего и упал на стул, лишившись чувств. Кто-то лил воду на лоб Александра II.

В кабинете появился граф Лорис-Меликов. Он впился глазами в лежавшую на диване окровавленную груду мяса и костей, пошатнулся, сделал несколько неверных шагов на цыпочках. Бескровное лицо его выражало беспредельное отчаянье. Лорис-Меликов тяжело закашлялся, приложил ко рту платок и поспешно отошел в дальний угол комнаты. Там, не сводя расширенных глаз с дивана, стояли два мальчика в матросских курточках: великий князь Николай Александрович и принц Петр Ольденбургский. За дверью послышались быстрые тяжелые шаги. В комнату вбежал лейб-медик, знаменитый врач Боткин. Все перед ним расступились. Настала тишина, продолжавшаяся минуты три.

— Есть ли надежда?

Боткин отрицательно покачал головой в ответ на вопрос наследника.

— Никакой, ваше высочество,— негромко сказал он, подумав, что уже можно было бы сказать «ваше величество».

XIII

К вечеру на Дворцовой площади был весь Петербург.

Штандарт был спущен в 3 часа 35 минут. Зимний дворец был оцеплен войсками. Подходили все новые части. Для беспрерывно подъезжавших карет был устроен узкий проезд в цепи. Издали доносился колокольный звон.

Профессор Муравьев находился на площади уже больше получаса. Он чувствовал себя очень плохо, растерянно смотрел на соседей, растерянно их слушал. В толпе не было заметно ни горя, ни радости: было непонятное ему оживление. Многие совершенно не стеснялись в выраженьях, хоть везде могли находиться сыщики.

— Вот когда спохватились, фараоны. Раньше смотрели бы, дурачье этакое! — мрачно сказал простолюдин, показывая на полицейских, которые внимательно всматривались в лица проезжавших сквозь цепь во дворец. Павел Васильевич расстегнул шубу, втянул морозный воздух и стал медленно пробираться к Миллионной. До него все доносились обрывки разговоров: «Читали официальное сообщение: «Воля Всевышнего совершилась!» Это, значит, была воля Всевышнего, чтобы убили государя! Господи, какие идиоты!» — «Уже велено взять его у газетчиков. У меня полиция чуть не вырвала из рук».— «...Иду я по Невскому, смотрю: летит карета, окруженная сотней казаков, а у них пики наперевес. Что такое, думаю: взбесились они, что ли? Это был наследник!..» — «Не наследник, а государь император!..» — «...При мне избили студента и стриженую».— «Так им, извергам, и надо!» — «За что же бить ни в чем не повинных людей? Вот так у нас всегда! С этим-то покойный государь и боролся...»

«Не знаю, боролся ли он с этим, но студентов и стриженых тоже убивали: вешали и расстреливали. Чем то было лучше?» — устало спросил себя Муравьев. «Мои девочки были не изверги!..» — «...Что-то завтра будет делаться на биржах? Ох, полетит наш голубчик-рубль в Париже и Лондоне».— «Не полетит ваш голубчик: верно, Государственному банку уже приказано поддержать».— «А чем он поддержит? Золота у нас мало».— «Ничего, на нас с вами хватило бы».— «...А в клубе решительно ничего! Я зашел в Сельскохозяйственный, уж очень тоскливо было на душе. И представьте, режутся как ни в чем не бывало, я сам с горя подсел».— «Быть не может! Неужто клубы не закрыты?» — «Верно, некому было распорядиться. Теперь есть и более важные дела».— «...Армяшка потерял голову. Сколько раз я говорил, что он доведет Россию до...» — «Послушайте, вы бы потише...» — «...Завтра, быть может, сожгут университет!» — «А я думаю, что теперь у нас все будет по-новому».— «По-новому-то по-новому, да по какому?» — «Мне из достоверного источника известно, что наследник держится самых передовых взглядов».— «Не наследник, а государь император».— «...Говорят, будет взорван Невский проспект и еще две улицы».— «Не знаете ли, какие? Я живу на Надеждинской».— «Я теперь как буду проходить мимо какого-нибудь министерства, так сейчас же на другую сторону».— «Ну, вы известный пессимист и паникер...» — «...А все-таки прав был Тютчев: «Умом Россию не понять,— Аршином общим не измерить...»

«Будь они прокляты, эти глупые самодовольные стихи!» — вдруг со злобой подумал профессор Муравьев. Он был потрясен. Павел Васильевич не мог охватить смысла совершившегося события. «Последствия для всего мира могут быть неисчислимые!.. Опыт превращения России в Англию не удался... Не первый опыт, но последний...»

Окончание следует.

[6] «Хорош господин!» (франц.)

Александр ПАЛЛАДИН

СТРОИМ НЬЮ-ВАСЮКИ?

КОЕ-ЧТО О ПРОПАГАНДЕ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ

По календарю телевидения США Новый год настает в сентябре. В эту пору, вернувшись из отпусков и с каникул, изголодавшийся по телезрелищам американец вновь приникает к голубому экрану, и домогающиеся его благосклонности телекомпании наперебой спешат потрафить ему своими программами.

В последние годы криком, в буквальном смысле этого выражения, заокеанской телемоды были «ток-шоу» — передачи наподобие той, которая сделала «звездой» телевидения США Фила Донахью. Впрочем, те «ток-шоу», что я имею в виду,— действительно только подобие хорошо теперь нам знакомых программ с Донахью в роли ведущего. При внешней схожести они отличались иной тональностью (разговор в них постоянно срывался на крик, а такие мастера этого жанра, как Мортон Дауни и Херальдо Ривера, подчас доводили дело до драки) и столь очевидной бессодержательностью, что снискали прозвище «трэш Ти-Ви» *. Как бы там ни было, до недавнего времени местный массовый телезритель заглатывал их с большим аппетитом.

Ничто, однако, не вечно и под телесофитами. Минувшей осенью на смену «трэш Ти-Ви» пришлось созвучное и столь же сомнительное «крэш Ти-Ви». Дабы не обременять читателя переводом, добавлю, что суть этого нововведения полнее всего выражает программа «Американские гладиаторы», которую с сентября в США еженедельно транслируют более ста телестанций. Бои между шестерками «гладиаторов» обоих полов в ней ведутся без мечей, но взаправду, так, что кровь льется и кости трещат.

В былые времена подобное освещалось в нашей печати под рубриками «По ту сторону» или «Их нравы». Нынче же этому в пору предпосылать «Как это делается», а то и «Опыт друзей»: кое-какие «их» нравы становятся (либо уже стали) нашими. Наглядное тому подтверждение — шоу, устроенные в Лужниках в канун Нового года и Рождества.

В рождественский вечер несколько тысяч жителей и гостей нашей столицы смогли лицезреть матчи боксеров-профессионалов. Судя по всему, столь странное сочетание: религиозный праздник, во всем христианском мире отождествляемый с идеями милосердия, и весьма немилосердные схватки на ринге, никого не смутило. Даром, что ли, мы именуем себя атеистами, к тому же — воинствующими?!

Спортивная же сторона этого мероприятия вызвала дружное осуждение специалистов и журналистов, один из которых метко назвал его «профессиональной халтурой». Под видом «звезд зарубежного бокса» на лужниковский ринг вышли наспех обученные мужи для битья, рядом с которыми Остап Бендер выглядел бы гроссмейстером без кавычек. Тот хоть знал ход е2 — е4 и довел до конца все тридцать партий против васюкинских шахматистов. Эти же валились с ног от первого удара соперника, выстояв в совокупности лишь 12 из 34 объявленных раундов. Зато — совсем как в игорных домах Невады, где мне довелось однажды бывать и где наряду с прочим ради потехи устраиваются боксерские поединки,— возникавшие на ринге паузы заполняли слегка одетые девицы. Знай, дескать, наших, и мы усвоили девиз «секс плюс насилие», под коим проводятся шоу типа «Американских гладиаторов»!

Еще более диковинное зрелище нам показали за несколько часов до Нового года — «Международный фестиваль профессиональной борьбы», которую, благозвучия ради, переименовали в кетч. Организатором первого на Руси подобного шоу выступил Моссовет в лице своего руководителя В. Сайкина. Особую пикантность этому представлению придало участие наших доморощенных кетчистов.

Дебютанты не подкачали, хоть, по выражению ТАСС (цитирую с сохранением стиля), «у советских атлетов пока еще не всегда хватало артистичности».

Что верно, то верно. Стушевались наши богатыри, ни один не решился разукрасить татуировкой свое тело и череп или напялить устрашающе-придурковатую маску, в какой накануне один из заезжих профессионалов пожаловал в Большой театр. Не нашлось среди них также способного послать зрителям воздушный поцелуй на манер американца Бам-Бам Бигелоу (тот переиначил общепринятый жест, приложив ладонь вместо губ к ляжке). И все же не зря говорят: с кем поведешься... Наш кетчист, боровшийся с Бигелоу, набрался «артистичности» прямо на ринге. Повергнув соперника, он пинал его в пах. «Лежачих не бьют!» — всполошился кто-то из московских неофитов кетча, но его реплика прозвучала гласом вопиющего в реве одобрительных выкриков. Дескать, с кетчистами жить — по-кетчистски бить...

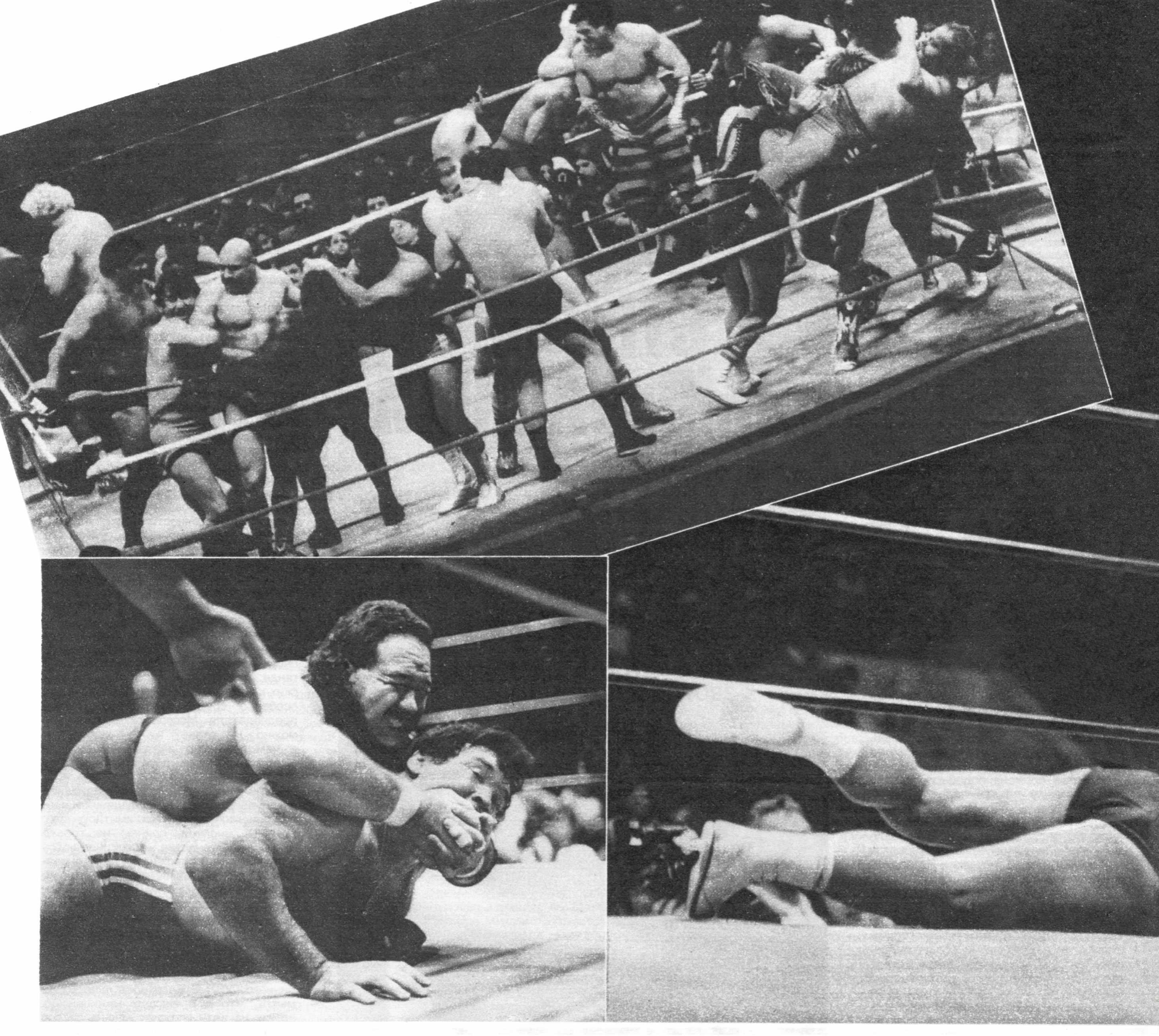
2 января В. Сайкин на всю страну объявил: «Этот праздник стал большим спортивным событием, послужит пропаганде физической культуры, борцовских качеств и здорового образа жизни, особенно среди молодежи». Понять председателя Моссовета в принципе можно. Не станет же он хулить то, в чем принимал деятельнейшее участие. Но упоминать всуе слово «культура», называть здоровым образом жизни, примером для молодежи состязание в членовредительстве, удушении и прочих приемах (пусть лишь имитируемых), которые многими, причем не только в нашем Отечестве, воспринимаются воплощением кровожадности, граничащей с садизмом жестокости?.. Уж не новогоднюю ли шутку решил с нами сыграть городской голова? Не похоже — иначе вряд ли своим панегириком кетчу он стал бы делиться со столь серьезной газетой, как «Правда». Участие же в этой затее заместителя министра внутренних дел, начальника столичного ГУВД П. Богданова наводит на мысль, что и в высших милицейских кругах на кетч уповают как на способ отвлечь подрастающее поколение от пагубных увлечений и противоправных деяний.

Загнул, скажете, автор, божий дар с яичницей спутал? Так ведь это не я смещаю понятия, выдержавшие проверку временем и общечеловеческим опытом. И не мне одному кажутся, мягко говоря, странными подобные нововведения в нашу постылую, однообразную, мало чем нынче радующую жизнь. «Только этого нам не хватало, при теперешнем разгуле подростковой преступности!» — прокомментировало «Международный фестиваль профессиональной борьбы» Ленинградское телевидение.

Для тех же, кто, разуверившись в отечественных авторитетах, склонен внимать лишь чужеземным пророкам, воспроизведу мнение известной в США журналистки, обозревательницы газеты «Вашингтон пост» Эллен Гудман: «Их (то есть наше с вами, читатель.— **А. П.**) настоящее — это наше прошлое. Их моды — это извлеченное из наших чуланов старье». Еще один персонаж, выведенный в «Двенадцати стульях» под именем Эллочки, припоминаете?

Статья Гудман, должен признать, была напечатана незадолго до появления кетча в Москве, но навеяна схожи-

* Телехалтура (англ.).

ми переменами в советской действительности. Дав волю остроумию и язвительности, заокеанская журналистка высмеяла охватившую кое-кого из наших сограждан тягу к бездумному подражательству, когда под видом усвоения иностранного опыта перенимается то, что за рубежом — во всяком случае, в просвещенных слоях общества — уже давно сочтено выражением безвкусицы, а то и безнравственности.

Примечательное совпадение: накануне, в той же «Правде» можно было прочесть о том, что в Колумбии запретили импорт изделий с изображением Рэмбо — сыгранного Сильвестром Сталлоне американского супермена, героя трех кинобоевиков. А у нас кооператоры тиражируют Рэмбо вовсю, в виде настенных календарей и значков, ничуть не смущаясь даже тем обстоятельством, что в двух из упомянутых фильмов тот, кого нам предлагают в кумиры, лихо расправлялся с советскими военнослужащими. Неужто, чтоб образумиться, нужно, как колумбийцам, отведать разгул мафии?

Так что давайте не будем привычно пенять на «железный занавес» да утешать себя тем, что хороший вкус, как и опыт,— дело, мол, наживное; дескать, перемелется импортный кетч, на который нас вдруг потянуло,— культурный ренессанс будет. Мне лично сдается, что мы ни вкус не наживем, ни свой культурный уровень не поднимем, пока не выучимся зерна отличать от плевел и не перестанем ссылками на верховенство общечеловеческих ценностей прикрывать духовную всеядность, с телячьим восторгом кидаясь на все, что бы нам ни подсунули. Тем же, кто мечтает сойти за своих в кругу иноземцев, не мешало бы помнить: в приличном тамошнем обществе прическа под панка * выглядит столь же нелепо, как стрижка под горшок.

По определению журнала «Спортс иллюстрейтед», кетч «всегда привлекал особую категорию зрителей — тех, по ком тюрьма плачет». Кетч, считает нью-йоркский профессор психиатрии Роберт Гоулд, «преподносит зверство, ненависть и мошенничество приемлемыми нормами поведения. Развлекая публику жестокостью, он особенно пагубно действует на детей и подростков».

* К сведению отечественных подражателей: «панк» в переводе означает «шпана», «хулиган».

А вот, так сказать, взгляд изнутри. «У кого во рту всего дюжина зубов, а башка наполовину набита опилками? — гласит излюбленный анекдот американских кетчистов.— У сидящих в первых рядах на наших матчах». «Что больше всего меня удручает,— заметил однажды видный деятель кетча Боб Хинэн,— так это то, что наши болельщики имеют право участвовать в выборах и плодить себе подобных». Цинично — если учесть, что кетч кормит Хинэна и его коллег,— но зато откровенно.

Взяв несколько лет назад бразды правления «Всемирной федерации рэслинга» * в свои руки, Винсент Макмагон-младший заметно преобразил этот вид шоу-бизнеса. Сохранив форму театрализованной борьбы добра со злом, в которой хороши любые приемы: таска волос, выдавливание глаз, костоломство, удушение, удары кулаком,— рэслинг превратился в открытую демонстрацию расизма и шовинизма.

* Рэслинг (дословно — «борьба») — распространенное в США название кетча. «Всемирной» же федерацию именуют для красного словца. Впрочем, как знать, не обретет ли этот эпитет буквальный смысл, если кетч привьется-таки у нас...

Чемпион федерации 1978—1983 годов Боб Бэклунд в эти игры играть отказался («Я хотел учить ребят только добру») и очутился за воротами федерации: чистоплюи, сказали ему, нам не нужны. Вместо него идолом публики сделали «амбала» Хоугана, который выходит на ринг в майке с надписью «Сделано в США» и не прочь изобразить припадочного. Его антиподы — «дикарь в тигровой шкуре» Камала (пожирает живых цыплят, перед зрителями появляется с кольцом в носу и копьем в руке) и еще один черный по кличке «Пес с помойки» (этого для потехи держат на цепи с ошейником). Японцы «мистер Фудзи» и «мистер Сайто» дразнят аудиторию выкриками: «Мы натянули вам нос в экономике, а теперь и чемпионский пояс у Хоугана отберем». Особую же ненависть вызывает «Железный шейх», бывший телохранитель последнего иранского шаха, поднимающийся на помост в бурнусе с изображением Хомейни. До последнего времени его неразлучным напарником был столь же ненавистный зрителям «Николай Волкофф» — лжерусский верзила в папахе и красном три-

ко, приводивший аудиторию в бешенство пением Государственного гимна СССР.

Зато теперь устроители матчей по кетчу могут обходиться без самозванцев. Сразу полдюжины советских борцов, один именитей другого, развлекают заморскую публику, работая у Антонио Иноки. Уплатив Макмагону полмиллиона долларов откупного, этот японский антрепренер занялся распространением кетча.

Как говорится — вольному воля, тем паче, что ничего лучше наши спортивные власти своим подопечным, прославленным победителям европейских, мировых и олимпийских турниров, предложить не смогли. Иноки же назначил им солидный оклад, пообещав не вовлекать в шоу постыдного свойства. Тем не менее тот, кого пуще других соблазняли японскими коврижками, ехать в Страну восходящего солнца отказался. Наведя справки через друзей из тамошней федерации вольной борьбы, двукратный чемпион Олимпийских игр Сослан Андиев посчитал для себя неприемлемым «участие в этих унижающих достоинство спортсмена представлениях».

И все же господин Иноки доволен и не скрывает, что, заключив контракт с «Совинтерспортом», открыл «золотую жилу». Семьсот долларов еженедельного жалованья, которое он положил новобранцам кетча из СССР,— сумма внушительная лишь в глазах неискушенных людей, которые не знают себе цену по мировым прейскурантам.

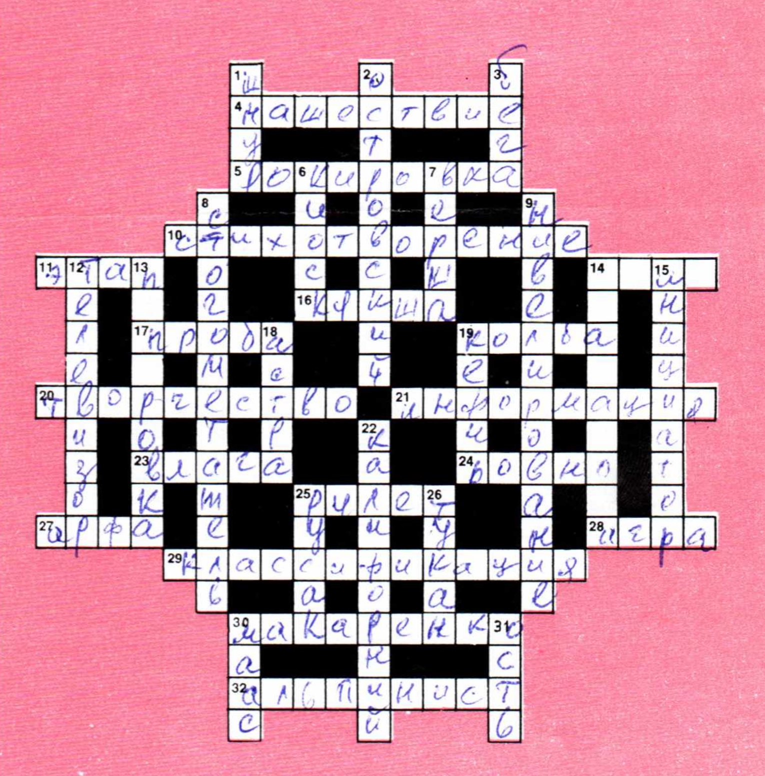
Впрочем, прибыв со своей командой в Москву, Иноки заговорил иным, более привычным для нас, языком: «Моя главная цель — хотя бы на один день приблизить эру всеобщего мира на нашей планете». Не имея ни причин, ни желания ставить искренность этих слов под сомнение, все же замечу: давно знакомый, но по-прежнему безотказно срабатывающий аргумент, который размягчает черты и сердца многих наших соотечественников, в том числе товарищей с положением.

Словом, впору сказать: первые кирпичи в фундамент Нью-Васюков заложены. Судя по всему, этой стройке долгострой не грозит. Дух захватывает от дальнейших перспектив. Взять тот же кетч — сколько в нем еще не освоенного! Женский кетч, а то еще — «мадрэслинг», борьба полуголых девиц по колено в грязи...

Фото Анатолия БОЧИНИНА

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Драма Л. М. Леонова. 5. Шахматный ход. 10. Небольшое поэтическое произведение. 11. Часть дистанции в эстафете. 14. Обезьяна, обитающая в лесах экваториальной части Западной Африки. 16. Птица, обитающая в хвойных лесах. 17. Испытание, проверка. 19. Стеклянный сосуд для химических работ. 20. Создание новых по замыслу культурных, материальных ценностей. 21. Общенаучное понятие, включающее обмен сведениями, сигналами. 23. Вода, сырость. 24. Областной центр на Украине. 25. Кондитерское изделие из слоеного теста. 27. Многострунный музыкальный инструмент. 28. Университетский город в Индии. 29. Система распределения по группам, разрядам на основании признаков. 30. Советский педагог, писатель, автор «Педагогической поэмы». 32. Спортсмен, занимающийся восхождением на горные вершины.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Скрученные электрические провода. 2. Участник гражданской войны, автор романа «Как закалялась сталь». 3. Конские рысистые испытания. 6. Палатка, ларек. 7. Плетеная рыболовная снасть в виде воронки. 8. Навесная машина для укладки сена в скирды. 9. Вид геодезических работ. 12. Приемник для преобразования сигналов в изображение и звук. 13. Летний сорт яблони. 14. Казахская певица, народная артистка СССР. 15. Зачинатель новых форм деятельности. 18. Декоративное травянистое растение, цветок. 19. Кисломолочный напиток. 22. Радиоактивный химический элемент. 25. Серый заяц. 26. Южное созвездие. 30. Река во Франции, Бельгии, Нидерландах. 31. Тонкий, заостренный отросток на чешуе колоса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Коммунар. 8. Делакруа. 10. «Парижанка». 11. Перро. 12. Тикси. 13. Венок. 14. Широта. 17. Пасека. 19. «Тачанка». 20. Цвет. 21. Фонд. 23. Иваново. 26. Отклик. 28. Сажень. 30. Белая. 32. Левко. 33. Гилея. 34. Преамбула. 35. Сложение. 36. Дегейтер.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Сомнение». 2. Суппорт. 3. Лавров. 4. Черняк. 5. Касатка. 6. Туристка. 9. Джонка. 15. «Обвал». 16. Аттик. 17. Пафос. 18. Сенаж. 22. Оттепель. 24. Нельма. 25. Интерьер. 27. Изопрен. 29. Афганец. 30. Блерио. 31. Якушев.

40 коп.
Индекс 70663